4
Я-41

КУЛЬТУРА РУССКОЙ РЕЧИ

ЯЗЫКОВАЯ НОРМА И СТАТИСТИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт русского языка

ЯЗЫКОВАЯ НОРМА И СТАТИСТИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1977

4
Я - 41
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУС[illegible]ЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
72010

В сборнике на материале, относящемся к различным языковым уровням — фонетике, морфологии, словообразованию, лексике, синтаксису,— рассматриваются проблемы нормы языка. Во всех статьях используется статистический метод исследования.

Часть статей носит общетеоретический характер. Другая группа статей — это конкретные исследования современной русской речи и литературной нормы.

Редакционная коллегия:

докт. филол. наук Р. Г. ПИОТРОВСКИЙ,
канд. филол. наук Л. К. ГРАУДИНА,
канд. филол. наук В. А. ИЦКОВИЧ

Я $\frac{70102\text{-}146}{042\,(02)\text{-}77}$ Б3-59-18-1976

© Издательство «Наука», 1977 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник — очередная публикация из серии «Культура русской речи», издаваемой Институтом русского языка АН СССР.

Проблема языковой нормы в литературном языке и все связанные с этой проблемой вопросы составляют один из важнейших разделов теории культуры речи. Все статьи сборника, в той или иной мере затрагивающие разные аспекты центральной для сборника темы, характеризуются единством метода. Статьи объединяет применение методов количественного анализа в исследовании языковых явлений. Важность использования количественных методов очевидна. Эти методы, если соблюдено условие четкой и ясной постановки задачи, помогают при решении ряда лингвистических проблем. В частности, количественные показатели, характеризующие динамику процесса, оказывают большую помощь в установлении направления языковых изменений, что необходимо при кодификации литературной нормы.

Статьи сборника объединены в три раздела: I. Норма — система — узус; II. Динамика нормы; III. Социально-профессиональные аспекты нормы.

Отличие данного издания от других книг серии в том, что кроме статей, исследующих явления русского языка, сюда включены и некоторые статьи, иллюстрирующие применение лингвистических методов на материале других литературных языков. По общности темы и методологии эти статьи представляют особый интерес в плане сравнения и сопоставления с материалом русского литературного языка.

Статьи, включенные в сборник, показывают различные способы и приемы количественного анализа языковых явлений. Публикация статьи в настоящем сборнике не означает согласия редкол-

легии со всеми положениями автора. Можно надеяться, что именно различие в подходе к анализу материала, различие в методике исследований, во взглядах на способы, приемы и пределы применения количественных методов в лингвистике будут способствовать дальнейшему конструктивному обсуждению разных аспектов проблемы.

Редколлегия выражает искреннюю благодарность Ю. А. Бельчикову и Н. Н. Пшеничновой за ценные советы и замечания, способствовавшие улучшению рукописи.

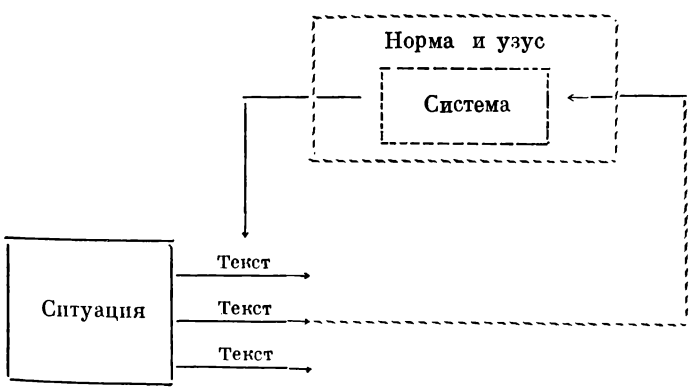
I. НОРМА — СИСТЕМА — УЗУС

НОРМА — СИТУАЦИЯ — ТЕКСТ И ЛИНГВОСТАТИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ИХ ИССЛЕДОВАНИЯ

К. Б. Бектаев, Л. И. Белоцерковская, Р. Г. Пиотровский

Современное языкознание уверенно оперирует понятиями «система» и «норма языка», вместе с которыми все чаще вводится понятие «узус» [1]. Определим отношение этих понятий к еще одному фундаментальному понятию лингвистики — понятию речи (тексту).

Механизм взаимодействия системы языка, его нормы вместе с узусом, с одной стороны, и текста, с другой стороны, можно представить в виде схемы:

[1] Ср.: *В. Г. Гак.* Проблема лексико-грамматической организации предложения (на материале французского языка в сопоставлении с русским). Автореф. докт. дисс. М., 1968, стр. 8; *Р. Г. Пиотровский и Л. А. Турыгина.* Антиномия «язык — речь» и статисти-

Порождение текста определяется, с одной стороны, системой языка и накладывающимися на нее нормой и узусом, а с другой стороны, совершенно независимой от языка и не контролируемой им ситуацией. Практически почти каждый текст содержит лингвистические единицы (сверхфразовые элементы, построения предложений, сочетания слов, а иногда и слова-неологизмы), не предусмотренные ни системой, ни нормой, ни узусом языка. Если эти единицы и связи появляются систематически в речи, то они в конце концов проникают в узус, оттуда перемещаются в норму, что, в свою очередь, может привести к перестройке системы. Короче говоря, изменениям в узусе, норме и системе языка всегда предшествует факт речи [2].

В настоящей статье мы сосредоточим свое внимание на соотношении текста и нормы (обычно мы не будем разграничивать понятия нормы и узуса, подразумевая под термином «норма» оба этих понятия).

Одной из основных технологических задач, связанных с применением понятия нормы, является определение меры нормированности в языке и речи. Введение такой меры становится обязательным условием при разрешении вопроса о функциональном весе отдельных лингвистических единиц и отделения элементов заполнения текста от семантически нагруженных доминантных (ключевых) единиц [3].

При выборе меры нормированности нужно учитывать следующие особенности нормы.

Во-первых, существование нормы языка или его разновидности предполагает возможность выбора определений лингвистической единицы при условии существования иных вариативных (синонимических) возможностей.

ческая интерпретация нормы языка.— СтРААТ, стр. 11 и сл.; *Г. В. Степанов.* О двух аспектах понятия языковой нормы (на испанском материале). «Методы сравнительно-сопоставительного изучения современных романских языков». М., 1966, стр. 226; *S. R. Levin.* Langue et parole in American linguistics. «Foundations of Language», 1965, 1, стр. 83—94; *H. Parret.* Language and Discourse. «Janua Linguarum». Series minor, 119. The Hague — Paris, Mouton, 1971, стр. 111—124.

[2] *Ф. де Соссюр.* Курс общей лингвистики. М., 1933, стр. 42 и 86.

[3] Ср.: *Р. Пиотровский.* Машинный перевод (некоторые итоги и перспективы). «Проблемы структурной лингвистики. 1971». М., 1972, стр. 531.

Во-вторых, существование нормы речи предусматривает некоторую упорядоченность в той массе повторяющихся лингвистических элементов, которые составляют любой текст.

При исследовании повторяющихся массовых явлений должны применяться методы, чувствительные к категориям порядка и беспорядка. К таким методам относятся в первую очередь приемы теории вероятностей и математической статистики. Вариативность (синонимичность) средств языка предполагает случайность в выборе лингвистических единиц плана выражения; закономерности же, связанные со случайностью выбора, изучаются, как известно, также с помощью аппарата теории вероятностей и математической статистики. Наконец, употребительность отдельных лингвистических единиц, связанная с их функциональным весом, может быть измерена с помощью информации, которая обычно вычисляется как логарифм вероятности.

Само понятие нормы имплицитно предусматривает присутствие вероятностных оценок, правда, таких оценок здесь только две: 1— допустимость употребления данного варианта и 0— запрещение его употребления. Однако использование только двух этих оценок сильно огрубляет описание лингвистической реальности. Чтобы получить достаточно богатое описание норм речи, необходимо использовать весь интервал вероятностной меры от нуля до единицы.

В наших предыдущих работах была показана принципиальная возможность обнаружения и описания нормативности и ненормативности лингвистических единиц в тексте с помощью статистического аппарата [4]. В настоящей статье мы попытаемся сравнить разные приемы оценки нормативности текстовых единиц и статистического выделения ключевых элементов.

Наиболее простым приемом выявления ключевых единиц является метод сравнения их рангов (порядковых номеров) или относительных частот по частотным словарям, составленным по различным функциональным стилям и подъязыкам.

---

[4] *Р. Г. Пиотровский и Л. А. Турыгина.* Указ. соч., стр. 15—46; *К. Б. Бектаев и К. Ф. Лукьяненков.* О законах распределения единиц письменной речи.— СтРААТ, стр. 48 и сл.

Таблица 1

Штейнфельдт		Турко		Сафьян		Калинина		Гоффманн (медицина)		Приведенные номера
i	Слово	i	Слово	i	Слово	i	Слово	i	Слово	
1	*и*	3	*а*	1	*и*	1	*в(во)*	1	*в(во)*	
2	*в(во)*	4	*в(во)*	2	*в(во)*	2	*и*	2	*и*	2
3	*на*	5	*и*	3	*на*	4	*на*	4	*с*	3
7	*что*	6	*что*	5	*с*	6	*с*	5	*на*	4
8	*с(со)*	13	*на*	9	*из*	9	*что*	10	*что*	5
11	*а*	16	*как*	11	*к(ко)*	10	*из*	11	*к*	6
15	*как*	19	*с(со)*	13	*а*	11	*как*	13	*из*	7
17	*к(ко)*	36	*к(ко)*	14	*что*	13	*к*	18	*а*	8
25	*из*	117	*из*	15	*как*	14	*а*	31	*как*	9
26	*о*	160	*о*	118	*о*	101	*о*	34	*о*	10

В качестве иллюстрации этого подхода рассмотрим некоторые результаты, полученные при сравнении десяти наиболее частотных русских словоформ (см. табл. 1) по следующим частотным спискам:

1) *Э. А. Штейнфельдт.* Частотный словарь современного русского литературного языка. Таллин, 1963 (сокращенно — Штейнфельдт; этот ЧС представляет русский литературный язык в целом);

2) *Л. А. Турко.* Частотный словарь русской разговорной речи.— СтР, стр. 191—197 (сокращенно — Турко; этот ЧС отражает современную разговорную речь);

3) *Ю. А. Сафьян.* Частотный словарь русской технической лексики. Ереван, 1971 (сокращенно — Сафьян; этот ЧС представляет научно-техническую речь);

4) *Е. А. Калинина.* Частотный словарь русского подъязыка электроники.— СтР, стр. 144—150 (сокращенно — Калинина);

5) «Fachwortschatz Medizin. Häufigkeitswörterbuch. Russisch—Englisch—Französisch». Hg. L. Hoffmann. Leipzig, 1970 (сокращенно — Гоффманн (медицина). Последние два ЧС репрезентируют специальные подъязыки — электроники и медицины).

---

[5] *Я. Гаек, З. Шидак.* Теория ранговых критериев. М., 1971, стр. 141—145.

Сравнение произведено путем применения метода корреляции рангов по Спирмену с использованием известной формулы рангов

$$R = 1 - \frac{\sigma \Sigma d^2}{n(n-1)(n+1)}, \qquad (1)$$

где $d = i(Y) - i(X)$ — разность номеров (рангов) сравниваемых лингвистических единиц в подъязыках Y и X (см. ниже), а n — количество единиц, подвергаемых сравнению. Попарное сопоставление указанных списков обнаруживает высокие значения коэффициента ранговой корреляции (не ниже 0,4, т. е. 40% — см. табл. 2), что свидетельствует о близости статистико-дистрибутивных характеристик названных словоформ во всех рассмотренных стилях и подъязыках (совершенно естественно, что разговорная речь показывает наименьшее сходство с научно-техническим стилем).

Таблица 2

	Штейнфельдт	Турко	Сафьян	Калинина	Гоффманн (медицина)
Штейнфельдт	—	—	—	—	—
Турко	0,77	—	—	—	—
Сафьян	0,71	0,40	—	—	—
Калинина	0,87	0,46	0,85	—	—
Гоффманн (медицина)	0,85	0,48	0,89	0,93	—

Если принять ЧС Штейнфельдт за некоторый эталон статистического распределения лексики в текстах современного литературного языка, то можно полагать, что и в разговорной, и в научно-технической речи, и в двух рассмотренных подъязыках употребление служебных словоформ *и*, *в* (*во*), *на*, *что*, *с* (*со*), *а*, *как*, *к* (*ко*), *из*, *о* нормативно. Однако, если мы обратимся к ранговому сопоставлению не служебных, но знаменательных слов, то статистико-дистрибутивное их схождение в текстах разных стилей и подъязыков будет очень незначительным [6].

[6] Обычно величина коэффициента R не превышает здесь 20%; см.: *Р. Г. Пиотровский, С. В. Ястребова.* Статистическое опознание термина.— СТ I, стр. 253.

Такой результат хорошо согласуется с нашими интуитивными представлениями и поэтому, вероятно, не имеет большой научной ценности. Здесь важнее фиксировать величины разности рангов для конкретных слов относительно рассматриваемых разновидностей языка и соотнести их с понятиями нормативности—ненормативности (а если необходимо, то и узуальности—неузуальности).

Введем в связи с этим понятие коэффициента нормативности лингвистических элементов языковой разновидности (стиля, подъязыка) Y относительно единиц разновидности X, рассматриваемой в качестве нормативной. Коэффициент этот имеет вид:

$$N = \frac{i(Y)}{i(X)}, \quad \text{если} \quad i(X) > i(Y), \tag{2}$$

и

$$N = \frac{i(X)}{i(Y)}, \quad \text{если} \quad i(Y) > i(X).$$

Чем ближе ранг $i(X)$ к нормативному рангу $i(Y)$ и чем ближе их частное к единице, тем сильнее детерминировано нормой, а также системой и узусом языка употребление i-того слова в разновидности Y. Чем значительнее расхождение $i(X)$ и $i(Y)$ и чем ближе их частное к нулю, тем значительнее подчинено ситуации употребление i-того слова в разновидности Y.

Если принять данные ЧС Штейнфельдт в качестве эталона нормы, то можно показать, пользуясь данными табл. 3, что глагол *знать* в разговорной речи показывает бóльшую нормативность ($N = 0{,}7$), чем в научно-технической речи, где $N = 0{,}03$.

Напротив, слово *работа* дает: в разговорной речи $N = 0{,}48$, в подъязыке медицины $N = 0{,}58$, в подъязыке физики $N = 0{,}81$.

Наконец, слово *время* будет давать для разговорной речи $N = 0{,}92$, для подъязыка медицины $N = 0{,}54$, для подъязыка физики $N = 0{,}43$.

Если же принять за эталон нормы ЧС Сафьяна, то для слова *время* коэффициент нормативности в подъязыках медицины и физики вырастет до 90% и т. п.

Благодаря своей простоте только что рассмотренные приемы позволяют оперативно оценивать вчерне степень нормативности, а также терминологичности [7] большого

[7] См.: *Р. Г. Пиотровский, С. В. Ястребова.* Указ. соч., стр. 251—259.

Таблица 3

Слово	Ранг				
	Штейнфельдт	Турко*	Сафьян	Гоффманн (медицина)	Гоффманн (физика)**
знать (глагол)	45	<33	1172	Нет	525
работа	67	Ок. 140	17	115	82
время	69	Ок. 75	32	37	30
человек	70	Ок. 80	Нет	100	Нет
процесс	1265	Нет	34	25	201

* Для ЧС Турко мы указываем приблизительные значения рангов слов, поскольку этот ЧС составлен относительно словоформ.

** См.: «Fachwortschatz Physik. Häufigkeitswöterbuch. Russisch — Englisch— Französisch». Hg. L. Hoffmann. Leipzig, 1970—(сокращенно — Гоффманн (физика)).

числа лингвистических единиц при условии, что имеется их статистическое описание относительно разных стилей и подъязыков. Однако эти приемы слишком грубы для того, чтобы служить надежными и точными оценками нормативности. Дело здесь не только в том, что указанные методы обычно не учитывают смысловой вариантности рассматриваемых единиц при переходе от одного подъязыка или стиля к другому. Основной недостаток этих приемов заключается в том, что здесь не учитывается степень равномерности употребления лингвистических единиц в исследуемых текстах.

* * *

Более содержательные оценки нормированности текста и нормативности отдельных лингвистических единиц можно получить с помощью таких лингвостатистических критериев, которые учитывают устойчивость распределения вероятностей абсолютных частот $P(F)$ отдельных лингвистических единиц.

Прежде всего, сосредоточим свое внимание на сравнении эмпирических распределений отдельных словоформ в разных (в данном случае в двух) выборках, извлечен-

ных из английских публицистических текстов по 100 000 словоупотреблений каждая [8].

Фиксируем частоты данной словоформы относительно первой и второй выборки. Далее мы обращаемся к сравнению этих распределений. Как правило, характеристики этих распределений точно не совпадают, но отличаются друг от друга на некоторую величину.

При интерпретации этих различий мы используем метод гипотез. Применительно к задачам нашей работы существо этого метода сводится к следующему. Формируются две гипотезы — нулевая (H_0) и альтернативная (H_1). Согласно нулевой гипотезе, расхождения между распределениями словоформ в обеих выборках являются результатом случайных колебаний. А это говорит о том, что статистическое строение текста обусловлено определенной нормой.

Альтернативная гипотеза утверждает, что расхождения в обеих выборках не случайны, а обусловлены лингвистическими факторами, иными словами, если справедлива альтернативная гипотеза, то это свидетельствует об отсутствии статистической нормированности текста.

Поскольку распределения частот словоформ неизвестны, необходимо при сравнении распределений и анализе гипотез выбрать такой прием, который не зависел бы от вида исследуемой функции распределения. В математической статистике в таких случаях используются так называемые непараметрические критерии: критерий Колмогорова — Смирнова, критерий Вилкоксона, критерий знаков и др.

Сперва применим критерий Вилкоксона. Не останавливаясь на подробности его обоснования [9], непосредственно применим его для проверки нулевой гипотезы.

Пусть имеется две выборки английских публицистических текстов по 100 000 словоупотреблений каждая. Каждую выборку разбиваем на 20 порций по 5000 словоупотреблений. Для наглядности в табл. 4 приведены распределения частот словоформ government ‘правительство’.

Определим число инверсии u[9а], которая равна 1+3 +

[8] *Р. Г. Пиотровский и Л. А. Турыгина.* Указ. соч., стр. 15 и сл.

[9] *Б. Л. Ван дер Варден.* Математическая статистика. М., 1964, стр. 328—346.

[9а] Для определения инверсий все значения F_i и F_j выстраиваются

Таблица 4

Распределение частот словоформы government

I выборка		II выборка		I выборка		II выборка	
Порция (i)	Частота (F_i')	Порция (i)	Частота (F_i')	Порция (i)	Частота (F_i')	Порция (i)	Частота (F_i')
1	1	1	2	11	7	11	14
2	3	2	4	12	3	12	1
3	12	3	1	13	6	13	4
4	2	4	7	14	10	14	10
5	14	5	1	15	5	15	13
6	3	6	6	16	3	16	7
7	12	7	3	17	4	17	8
8	5	8	10	18	9	18	6
9	8	9	5	19	4	19	7
10	4	10	8	20	8	20	3

$+ 4 + 4 + 5 + 5 + 6 + 6 + 7 + 8 + 9 + 9 + 12 + 14 + 16 + 16 + 16 + 18 + 18 + 20 = 197$. А теперь попытаемся выяснить, о чем говорит полученное нами численное значение u: требует ли оно принять или отвергнуть нашу нулевую гипотезу?

Согласно критерию Вилкоксона, нулевая гипотеза должна быть отвергнута, если количество инверсий u выходит за некоторые пределы

$$u_1(P_\beta) \quad \text{и} \quad u_2(P_\beta), \tag{3}$$

где $u_1(P_\beta) < u_2(P_\beta)$, а P_β — уровень значимости критерия. Действительно, оказывается, что если нулевая гипотеза верна, то случайная величина имеет определенное распределение вероятностей с математическим ожиданием $\bar{u} = \frac{n_1 \cdot n_2}{2}$ и дисперсией

$$\sigma^2(u) = \frac{n_1 \cdot n_2}{12}(n_1 + n_2 + 1). \tag{4}$$

Если $n > 3$ и $n_1 + n_2 \geqslant 20$, то это распределение с достаточной точностью может считаться нормальным [10]. Это

в порядке возрастания их величин. Если имеем неравенство $F_j > F_i$, то считается, что имеет место одна инверсия.

[10] *Б. Л. Ван дер Варден.* Указ. соч., стр. 342 и сл.

обстоятельство позволяет определить пределы u_1 (P_β) и u_2 (P_β), если уровень значимости P_β задан.

Таким образом, при заданном P_β легко находятся пределы u_1 и u_2 по формуле:

$$u_1 = z\sqrt{\frac{n_1 \cdot n_2}{12}(n_1 + n_2 + 1)} + \frac{n_1 \cdot n_2}{2}, \qquad (5)$$

$$u_2 = z\sqrt{\frac{n_1 \cdot n_2}{12}(n_1 + n_2 + 1)} + \frac{n_1 \cdot n_2}{2}, \qquad (5а)$$

где z определяется по таблице из соотношений $\Phi(z) = \frac{1 - P_\beta}{2}$. В частности, при $P_\beta = 0{,}01$ значение $z = 2{,}6$, а это, в свою очередь, согласуется с известным «правилом трех сигм», широко использующимся в лингвостатистике.

В нашем эксперименте $n_1 = n_2 = 20$, поэтому условия $n > 3$ и $n_1 + n_2 \geqslant 20$ выполнены, $\bar{u}$ и $\sigma(u)$ оказываются при этом равными

$$\bar{u} = \frac{n_1 \cdot n_2}{2} = \frac{20 \cdot 20}{2} = 200,$$

$$\sigma(u) = \sqrt{\frac{n_1 \cdot n_2}{12} \cdot (n_1 + n_2 + 1)} = \sqrt{\frac{20 \cdot 20}{12} 41} = 37.$$

В соответствии с выражением (5) 1%-ные доверительные пределы для критерия Вилкоксона в нашем случае будут равны:

$$u_1 = 200 - 2{,}6 \cdot 37 = 104,$$

$$u_2 = 200 + 2{,}6 \cdot 37 = 296.$$

Нетрудно заметить, что значение $u = 197$ для контрольного слова government попадает в только что указанный доверительный интервал. Это дает нам право с уверенностью утверждать, что расхождения между распределениями в обеих выборках имеют случайный, нелингвистический характер.

Как показала Л. А. Турыгина [11], из обследованных ею 600 частных словоформ английского подъязыка публицистики только одна словоформа began ($u = 304$) дала значение критерия Вилкоксона, выходящее, причем очень незначительно, за 1%-ные доверительные пределы. На ос-

[1] *Р. Г. Пиотровский и Л. А. Турыгина.* Указ. соч., стр. 19.

новании этого можно сделать вывод, что словоформы в английских публицистических текстах имеют устойчивые распределения $P(F)$. Если в этих текстах и встречаются лингвистические единицы с неустойчивыми распределениями $P(F)$, то вклад таких единиц не превышает здесь $\frac{1}{600} \times 100\% = 0{,}17\ \%$. Иными словами, употребление 600 наиболее частых словоформ, в число которых входят существительные, прилагательные, глаголы, наречия, местоимения, числительные и служебные слова, судя по полученным величинам критерия Вилкоксона, подчиняется некоторой норме.

Тот факт, что основная масса словоформ имеет устойчивые распределения вероятностей $P(F)$, говорит о том, что частоты F имеют свойства, аналогичные свойствам классической случайной величины, описывающей тот или иной статистический объект. Величина F описывает некоторую лингвистическую единицу — в нашем случае словоформу. Отсюда следует, что словоформы английских публицистических текстов можно рассматривать как статистические объекты.

Первым вопросом, возникающим при исследовании статистических объектов, является вопрос о постоянстве (устойчивости) их вероятностей при переходе от одной к другой. В нашем случае речь будет идти о том, сохраняет ли словоформа свою вероятность употребления при переходе от одного усредненного по многим авторам участка текста к другому. От ответа на этот вопрос зависит не только решение проблемы нормированности текста, но и правильный выбор «вероятностной схемы», а значит и правильное применение к речи аппарата теории вероятностей.

Известно, что вероятность P употребления некоторого явления (в нашем случае — появления словоформы) оценивается его относительной частотой $f = F/N$. Известно также, что полученные из опыта относительные частоты употребления данной словоформы в выборках N_1 и N_2 обычно не равны друг другу, т. е. $f_1 \neq f_2$. Это несовпадение может быть объяснено как следствие случайных колебаний f при постоянной вероятности P (нулевая гипотеза) или как следствие непостоянства значения вероятности P употребления словоформы (альтернативная гипотеза). Справедливость нулевой гипотезы будет свиде-

тельствовать об объективности существования норм, напротив, правильность альтернативной гипотезы укажет на отсутствие нормированности текста.

Чтобы выяснить, какая из гипотез верна, необходимо определить, значима ли, с точки зрения статистики, разница между f_1 и f_2 или нет.

Анализ зависимости расхождения между f_1 и f_2 снова осложняется тем, что неизвестен вид распределения вероятностей $P(F)$. В силу этого, как уже было выше указано, применим критерий знаков.

Для применения критерия знаков воспользуемся проведенной выше разбивкой двух равных выборок английского публицистического текста ($N_1 = N_2 = 100\,000$ словоупотреблений) на n порций. Подсчитав относительные частоты исследуемой словоформы в каждой порции, составим разности

$$z_i = f_i^{(1)} - f_i^{(2)} (i = 1, 2, \ldots, n),$$

где верхний индекс указывает на принадлежность частоты к первой и второй выборке, нижний — показывает номер порции.

Сосчитав число положительных значений z_i (число плюсов), получаем числительное значение критерия знаков (будем обозначать его буквой m).

Чтобы решить, какую из двух гипотез следует принять, необходимо опытное значение критерия знаков сопоставить с границами доверительного интервала для числа плюсов. Эти границы, определяемые уровнем значимости P_β, находятся исходя из следующих соображений. Если нулевая гипотеза справедлива для каждого i, то вероятности событий $z_i > 0$ и $z_i < 0$ равны друг другу:

$$P(z_i > 0) = P(z_i < 0). \tag{6}$$

Если вероятности события $z_i = 0$, то из (6) вытекает, что

$$P(z_i > 0) = P(z_i < 0). \tag{7}$$

Возьмем снова $P_\beta = 0{,}01$. Воспользовавшись специальной таблицей [12], находим, что при $n = 20$ $m_1 = 5$, а $m_2 = 16$. Из 600 словоформ только четыре — busy ($m = 39$), can ($m = 16$), by ($m = 16$) и refused ($m = 17$) —

[12] *Б. Л. Ван дер Варден.* Указ. соч., стр. 416.

дают для критерия знаков такие значения, которые выходят за пределы 1%-ного доверительного интервала. Иными словами, только 0,7% обследованных словоформ обнаруживают неустойчивость своих вероятностей, остальные 99,3% словоформ имеют постоянные вероятности. Это позволяет нам принять нулевую гипотезу и утверждать, что вероятность употребления словоформ в английских публицистических текстах подчиняется норме.

Как уже говорилось (см. выше), введение количественной меры нормированности текстовых единиц является обязательным условием разграничения более или менее равномерно употребляющихся и подчиненных в основном норме и узусу элементов заполнения, с одной стороны, и подсказанных ситуаций и поэтому семантически нагруженных ключевых (доминантных) единиц текста — с другой.

Поскольку употребление единиц заполнения диктуется системой, нормой и узусом, регулярно порождающими тексты определенного типа (стиля или подъязыка), можно предположить, что в достаточно больших выборках текстов, удовлетворяющих требованию однородности жанра и тематики, появление этих единиц будет подчиняться либо закону Пуассона

$$P_{F_i'} = \frac{a^{F_i'}}{F_2'} e^{-a}, \qquad (8)$$

где

$$a = \frac{\sum_i \cdot F_i' \cdot m_{F_i'}}{N},$$

либо нормальному закону

$$\varphi(F'') = \frac{1}{\sigma\sqrt{2\pi}} e^{-\frac{(F''-a)^2}{2\sigma^2}}, \qquad (9)$$

где

$$a = \frac{\sum_i F_i'' \cdot m_{F_i''}}{N}, \qquad \sigma = \sqrt{\frac{1}{N}\sum [F_i''(a)^2 \cdot m_{F_i''}]}.$$

[13] $m_{F_2'}$ ($m_{F_i''}$) — количество внутрисерийных выборок, в которых интересующая нас лингвистическая единица встретилась F_i' раз (F_i'' раз).

72010

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

Напротив, для ключевых элементов, отражающих быстро меняющуюся семантическую ситуацию, текстовая выборка любой длины никогда не будет однородной, вследствие чего указанные элементы будут давать эмпирические распределения, существенно отличающиеся от нормального и пуассонова распределений [14].

Чтобы проверить эту идею, воспользуемся результатами работы, проведенной одним из авторов настоящей статьи совместно с К. Ф. Лукьяненковым [15].

В указанной работе исследовалось соответствие эмпирического распределения с двумя названными теоретическими распределениями у 300 словоформ, извлеченных из английских текстов по судостроению (частоты всех этих словоформ находятся в диапазоне достоверности).

Были образованы следующие нормировки: 400 выборок по 1000 словоупотреблений каждая, 200 выборок по 2000 словоупотреблений, 100 — по 4000 словоупотреблений, 50 — по 8000 словоупотреблений и 25 по 16 000 словоупотреблений каждая выборка [16].

---

[14] Текст, написанный на естественном языке, представляет собой некоторый марковский процесс; появления словоформ и словосочетаний в тексте, строго говоря, не являются независимыми событиями. Однако ввиду сложности применения математического аппарата, в частности марковских цепей, к изучению зависимых случайных событий, какими являются появления лингвистических единиц в речи (тексте), исследователи обычно делают допущение о независимости появления лингвистических единиц в тексте, например, словоформ, словосочетаний и т. п. Такое допущение вполне правомерно. Действительно, появление слов в тексте в какой-то степени диктуется стилем изложения, содержанием описываемых объектов, экстралингвистическими факторами. Однако данные, полученные с помощью теоретико-информационных методов, показывают, что далеко действующие статистические связи между словами очень слабо проявляются и практически затухают через четыре-пять слов,— ср., например: *Р. Г. Пиотровский.* Информационные изменения языка. Л., 1968, стр. 57—58; также некоторые другие данные: *Ю. И. Левин.* Знаки, язык и математика (о некоторых вопросах современной математики и кибернетики). М., 1965, стр. 449; *N. G. Burton and S. C. K. Licklider.* Long-Range constraint in the statistical structure of printed Englisch. «The American Gournal of Psychology», v. LXVIII, № 4, December 1955, стр. 650; *M. Aborn, H. Rabinstein and Th. D. Sterling.* Sources of contextual constraint upon words in sentences. «Journal of Experimental Psychology», v. 57, № 3, стр. 178—179.

[15] *К. Б. Бектаев и К. Ф. Лукьяненков.* Указ. соч., стр. 49 и сл.

[16] Подбор материала и машинная обработка проведена К. Ф. Лукьяненковым.

В настоящей работе мы не задавались целью дать оценку всем полученным статистическим характеристикам. Остановимся лишь на результатах сравнения степени соответствия эмпирических распределений с выбранными теоретическими законами [17] и использования этих результатов для решения вопроса о нормативности отдельных словоформ. В количестве критерия нормативности словоформ использованы показания χ^2 — Пирсона.

$$\chi^2 = \sum_{i=1}^{l} \frac{(F_i - \overline{F}_i)^2}{\overline{F}_i}, \qquad (10)$$

где F_i — эмпирическая частота, F_i — теоретическая частота, l — число группы.

Считаем, что если полученные значения χ^2 равны или меньше табличных, соответствующих уровню значимости 0,01, то эмпирические распределения словоформ соответствуют теоретическим законам с различной степенью приближения [18].

Результаты сравнения эмпирических распределений с теоретическими распределениями (8) и (9) по критерию χ^2 дали следующую картину. Из 300 отобранных для обследования словоформ эмпирические распределения 157 единиц соответствуют закону Пуассона, а распределения 143 единиц не подчиняются этому закону. Нормальному закону соответствуют распределения 192 словоформ, распределения 108 единиц не согласуется с этим законом. При этом из 300 единиц 42 словоформы подчиняются только закону Пуассона, в то время как распределения 77 словоформ согласуются только с нормальным законом. Распределения 115 словоформ подчиняются и тому, и другому закону одновременно. Эмпирические распределения 66 словоформ остались неизвестными [19].

На первый взгляд создается довольно неопределенная картина и судить по этим данным о закономерностях распределения словоформ в тексте трудно. К. Б. Бектаев и К. Ф. Лукьяненков, проанализировав полученные данные с учетом порядковых номеров и абсолютных частот словоформ, при которых их эмпирические распределения

---

[17] *К. Б. Бектаев и К. Ф. Лукьяненков.* Указ. соч., стр. 52 и сл.
[18] *Б. Л. Ван дер Варден.* Указ. соч., стр. 408.
[19] *К. Б. Бектаев и К. Ф. Лукьяненков.* Указ. соч., стр. 88 и сл.

согласуются (не согласуются) с указанными теоретическими законами, показали, что 77 словоформ, распределения которых отвечают условиям только нормального закона, находятся в зоне порядковых номеров 1—230 частотного словаря английских текстов по судовым механизмам [20]. При этом первая словоформа (drive), подчиняющаяся только закону Пуассона, имеет порядковый номер 266, т. е. все словоформы, соответствующие закону Пуассона, находятся в зоне $i \geqslant 266$. Большинство словоформ (43 из 60), которые не подчиняются ни одному из двух законов, находятся в диапазоне действия смешанной зоны с преобладанием словоформ, отвечающих условиям нормального закона распределения.

Полученные нами данные показывают, что согласие с теоретическим нормальным законом обнаруживают артикли (3), предлоги и частицы (все 16), союзы (все 4), единицы искусственных языков (2), местоимения (8 из 9) и наречия (24 из 26).

42 прилагательных из 49 характеризуются нормальным распределением. Это в основном прилагательные, относящиеся к общеупотребительной лексике, например: marine ‘морской’, specific ‘особенный’, proper ‘собственный’, hot ‘горячий’, recent ‘современный’, current ‘текущий’, horisontal ‘горизонтальный’ и др.

Словоформы, не подчиняющиеся нормальному закону, относятся к терминологической лексике.

При нормировке объема внутрисерийной выборки в 1000, 2000 и 4000 словоупотреблений у 87 именных словоформ наблюдаются признаки «терминологичности». Условия «терминологичности» не выполняются для следующих 13 терминологических словоформ:

parts	‘части’
ports	‘порты’
hand	‘стрелка’
failure	‘неисправность’
rods	‘стержни’, ‘шатуны’
gearing	‘зубчатая передача’, ‘механизм привода’
contact	‘контакт’

[20] *К. Ф. Лукьяненков.* Лексико-статистическое описание английского научно-технического текста с помощью электронно-вычислительной машины (подъязык судовых механизмов). Автореф. канд. дисс. Минск, 1969.

indicator	‘указатель’
pinion	‘зубчатый валик’, ‘малое зубчатое колесо’
circuit	‘цепь’, ‘контур’, ‘схема’
thickness	‘толщина’
content	‘емкость’, ‘содержимое’
tip	‘кончик’, ‘наконечник’, ‘вершина’.

Среди глагольных словоформ преобладают словоформы, не подчиняющиеся нормальному распределению. Так, всего лишь у 40 глагольных словоформ из 70 выявлено нормальное распределение эмпирической частоты.

Приводим список словоформ, не подчиняющихся нормальному распределению:

was	‘был’
should	‘мог бы’
must	‘должен’
would	‘мог бы’
flow	‘течь’
control	‘проверять’
work	‘работать’
drive	‘управлять’
thrust	‘толкать’
moving	‘двигая(сь), движущий(ся)’
see	‘видеть, понимать’
considered	‘полагал, полагая’
scavenging	‘продувающий’
done	‘сделанный’
located	‘расположенный, расположили(сь)’
indicated	‘указанный, указал’
scavenge	‘удалять газы’
ctress	‘нажимать’
resulting	‘имея результатом’
compared	‘сравнивая, сравненный’
connecting	‘соединяющийся, соединяя’
occur	‘встречаться’
might	‘мочь’
shut	‘закрывать’
clutch	‘зажимать’
mesured	‘измеренный’
making	‘делая, делающий’
providing	‘запасая, снабжающий’
indicates	‘указывает’.

С другой стороны, совершенно очевидно, что все без исключения именные словоформы, не подчиняющиеся нормальному закону, в научно-техническом тексте имеют терминологическое значение. Ниже приводится список таких словоформ:

turbine	‘турбина’
valve	‘клапан’
was	‘был’
boiler	‘котел’
cylinder	‘цилиндр’
temperature	‘температура’
engines	‘машина, двигатель’
power	‘сила, мощность, энергия’
chould	‘мог бы’
gas	‘газ’
pump	‘насос’
heat	‘теплота’
exhaust	‘выхлопная труба, выхлоп, выпуск’
proper	‘свойственный’
corrosion	‘коррозия’
stress	‘давление, нажим, подвергать давлению’
hours	‘часы’
mixture	‘смесь’
filter	‘фильтр’
crank	‘кривошип, коленчатый рычаг’
timing	‘синхронность’
reading	‘читающий, чтение’
cleanning	‘очищающий, очистка’
degress	‘степени, градусы’
clutch	‘зажимное устройство, сцепление’
current	‘струя, ток, текущий’
shafts	‘валы, оси, шпиндели’

Описанный материал позволяет сделать следующий вывод: в определенных условиях наблюдения характер распределения лингвистической единицы может стать объективным признаком «терминологичности»/«нетерминологичности» этой единицы в тексте. В частности, несоответствие эмпирического распределения теоретическому свидетельствует о том, что для данной лингвистической единицы в анализируемом тексте характерно терминологическое значение и, напротив, соответствие закону указывает на ее нетерминологичность.

* * *

Выше была осуществлена попытка использовать статистический аппарат для выявления вида эмпирического распределения английских словоформ, функционирующих в подъязыках публицистики и судовых механизмов, на основании которого можно судить о их нормативности или ненормативности, терминологичности или нетерминологичности.

Несомненный интерес представляет также применение статистического аппарата к оценке функционирования лингвистических единиц больших, чем словоформа, и интерпретация полученных данных с помощью лингвистической теории, изложенной в начале статьи.

В качестве объекта исследования выступают глагольные и предикативные сегменты (триады) [21] русских текстов по электронике (например: *можно получить* Ф, *объясняется увеличением температуры*, *является отрицательным* △ и др.).

Рассматриваемые триады могут выступать в качестве «чистых» единиц заполнения текста, например: *видно* △ *что*, *необходимо отметить* △ и т. п. Однако чаще они представляют собой единицы заполнения текста, включающие в себя термины, терминологические сочетания, а также семантически насыщенные имена существительные: *имеет индуктивный характер*, *представляет собой полупроводник*, *обладает максвелловским распределением* и др.

Исследование статистических свойств подобных сегментов текста проведено на материале ЧС, составленного Л. И. Белоцерковской. Список включает в себя 200 тысяч триад, извлеченных из текстов по электронике длиной в 4 млн. 500 тысяч словоупотреблений. Технологией получения списка в 200 тысяч глагольных и предикативных сегментов текста было предусмотрено предварительное получение четырех малых частотных списков по 50 тысяч рассматриваемых единиц в каждом списке. Это дало возможность сравнить эмпирическое распределение каждого сегмента текста в разных (в данном случае — в четырех) выборках.

---

[21] Обоснование модели вычленения триад из текста, сведения об их ядрах содержатся в сб. СТ I. Принятые условные обозначения см. в конце данной статьи (стр. 42).

Анализ частот триад по малым выборкам показывает, что одни из них характеризуются равномерным, другие — неравномерным распределением в подъязыке электроники.

Естественно считать, что статистическое свойство равномерности распределения триады свидетельствует о ее подчиненности норме и узусу. Вправе ли мы считать, что статистические свойства равномерности и неравномерности распределения служат признаками соответственно нормативности и ненормативности рассматриваемых единиц?

Известно, что сочетаемость как свойство лингвистических единиц, благодаря которому они функционируют в речи, всегда определяется нормой. В большей мере это относится к подъязыкам науки, на что в свое время указывали Г. О. Винокур, Л. П. Якубинский, Л. В. Щерба и др.

Материалы нашего ЧС показывают, что трехсловные сегменты текста построены по определенным грамматическим моделям, а лексическая заполняемость модели исключает реализацию неузуальных для рассматриваемого подъязыка лексем.

Следовательно, статистическое свойство равномерности или неравномерности распределения является проявлением нормативности в том случае, когда в системе языка есть несколько способов передачи одного плана содержания (вариантность, дублетность). Тогда один из эквивалентных по значению сегментов текста (или несколько) будет узуальным для данного подъязыка, а другие — нет.

Если же в системе языка нет параллельных способов передачи одного плана содержания, то нерегулярность появления наших сегментов, и следовательно, неравномерность их распределения может быть объяснена действием различных экстралингвистических причин.

Для оценки равномерности распределения эмпирических частот триад в малых выборках нами был использован критерий χ^2, вычисляемый по формуле (10). В табл. 5 приведен пример расчета эмпирического значения χ^2 у сегмента *считать* △ *что*, который равен 2,09. Значение эмпирического χ^2 намного меньше его табличного значения, соответствующего уровню значимости 0,02 при трех степенях свободы. Фактически уровню значимости 0,02 соответствует значение χ^2, равное 9,8, а значение χ^2,

Таблица 5

Расчет значения χ^2 для конфигурации *считать* Δ *что*

i	F_i	$\overline{F}$	$\chi_i^2 = \frac{(F_i - \overline{F})^2}{\overline{F}}$
1	196	186,5	0,48
2	185	186,5	0,01
3	171	186,5	1,30
4	194	186,5	0,30
	746		$\chi_i^2 = \sum_{i=1} \frac{(F_i - \overline{F})^2}{\overline{F}} = 2{,}09$

равное 10, соответствует уровню значимости 0,019. Мы решили взять круглое значение 10 и считать его равным 2% уровню значимости.

На ЭВМ «Минск-22» было рассчитано значение χ^2 для каждой триады с $F \geqslant 10$ (их в ЧС оказалось 1482).

313 из 1482 триад имеют значение эмпирического χ^2 больше теоретического. Мы провели группировку триад с $\chi^2 \geqslant \chi_2^2$ теоретического с тем, чтобы выявить возможную зависимость между упомянутым статистическим свойством и их семантикой (см. табл. 6—10) [22].

Наблюдения показывают, что неравномерность распределения приведенных в табл. 6—10 сегментов текста объясняется структурой научного изложения и ситуацией.

Триады, помещенные на табл. 6, появляются тогда, когда возникает необходимость описать графические изображения (рисунки, кривые, фигуры и под.). Их появление диктуется меняющейся научной ситуацией (темой книги или статьи), а не стационарной системой, нормой и узусом языка.

Сегменты текста, помещенные в табл. 8, оформляют, как правило, абзацы, содержащие вывод (*следует* △ *что*;

[22] В табл. 10 приведены сегменты текста больше, чем триада, полученные нами методом наложения (подробно об этом см.: *Л. И. Белоцерковская*, *Н. С. Булашева* и др. Порождение текста из сегмента. «Автоматическая переработка текста методами прикладной лингвистики». Кишинев, 1971, стр. 303).

Таблица 6

Сегменты, ядром которых являются краткие страдательные причастия, а также предикатив *видно*

№ пп	Конфигурация	x^2
1	*показано в* Ц	58,623
2	*видно из* Ц	55,303
3	*показано на рис.*	44,805
4	*было показано в*	42,074
5	*показаны на рис.*	36,877
6	*приведены дисперсионные кривые*	36,002
7	*приведены на фиг.*	29,559
8	*видно из рис.*	28,288
9	*видно из фиг.*	22,527
10	*показана на рис.*	20,911
11	*показана на фиг.*	18,725
12	*приведены зависимости* Ф	18,188
13	*видно из схемы*	14,446
14	*видно также* △	13,201
15	*приведены полученные*	12,637
16	*приведены кривые зависимости*	11,978
17	*представлены на рис.*	11,909
18	*видно* △ *в*	11,715
19	*представлены кривые зависимости*	11,472
20	*приведены в* Ц	10,801
21	*видно из формулы*	10,685
22	*показано на схеме*	10,530
23	*приведены кривые* Ф	10,334
24	*приведены на рис.*	10,205
25	*могут быть представлены*	10,002
26	*приведены значения* Ф	10,002

видно △ *что*; *показывает* △ *что*) и выступающие в качестве своеобразных индикаторов [23] связанности одного сегмента текста с другим (*было отмечено выше*; *было выясне-*

[23] Термин «индикатор» используется нами в том значении, в котором он употреблен В. Е. Берзон (*В. Е. Берзон.* Исследование связности текста при разработке автоматических методов его свертывания. Автореф. канд. дисс. Л., 1972).

Таблица 7

Сегменты текста, содержащие различные сокращения, единицы измерения («см.», «%», «в» и др.), а также обозначающие различные пределы изменения

№ пп	Конфигурация	χ^2
1	*равны* Ф △	65,287
2	*равны* Ф △	60,655
3	*равна* △Ф	54,646
4	*составляет* Ц *в*	45,903
5	*равен* Ц %	45,606
6	*равны нулю* △	39,469
7	*будут равны* Ц	30,241
8	*равен* Ф△	28,666
9	*достигает минимума* Ф	24,848
10	*равно* Ф△	24,060
11	*достигает* Ц %	22,801
12	*достигает* Ц △	19,863
13	*достигает величины* Ф	16,668
14	*будет равен* Ц	15,652
15	*равны* △ Ф	15,456
16	*равно* △ Ф	13,712
17	*равен* Ц △	12,763
18	*пренебречь единицей в*	12,667
19	*будет в* Ц	11,924
20	*быть порядка* Ц	11,884
21	*быть меньше* Ц	11,819
22	*может достигнуть* Ф	10,455
23	*может быть меньше*	10,373

но △ *что*; *было указано выше*; *выше было установлено* и др.).

Особый интерес представляют конфигурации, содержащие вывод. Эти конфигурации 1) имеют в ЧС соответственно ранги 1, 2 и 5, что характеризует их как весьма употребительные в научных текстах сочетания; 2) характеризуются неравномерным распределением.

Принимая во внимание скорость критерия χ^2 при оценке случайности расхождения частот в малых выборках,

Таблица 8

Сегменты, вводящие ключевые единицы текста

№ пп	Конфигурация	χ^2
1	*показывает* △ *что*	46,754
2	*рассмотрим случай* △	21,602
3	*следует* △ *что*	19,939
4	*видно* △ *что*	18,939
5	*было выяснено* △ *что*	16,287
6	*было отмечено выше*	11,934
7	*было установлено* △ *что*	11,644
8	*было указано* △ *что*	10,612
9	*было указано выше*	10,001

Таблица 9

Сегменты с ядерным словом *зависит*

№ пп	Конфигурация	χ^2
1	*зависит от температуры*	22,393
2	*зависит от частоты*	21,788
3	*зависит от энергии*	21,711
4	*зависит от угла*	18,944
5	*зависит от концентрации*	16,363
6	*зависит от постоянной*	16,001
7	*зависит от скорости*	14,311
8	*зависит от конструкции*	14,092
9	*зависит от относительной*	12,852
10	*зависит от способа*	10,001

применим критерий Вилкоксона, который был использован Р. Г. Пиотровским и Л. А. Турыгиной [24] для выявления статистической (вероятностной) нормы применительно к словоформам английского подъязыка публицистики (интерпретация метода гипотез изложена выше).

[24] *Р. Г. Пиотровский, Л. А. Турыгина.* Указ. соч., стр. 15—46.

Таблица 10

Сегменты, содержащие компонент Ф

№ пп	Конфигурация	χ^2
1	*определяется выражением* Ф	50,088
2	*может быть записана в виде* Ф	42,768
3	*определяется выражением* (Ц)	27,004
4	*может быть найдено по* Ф	20,732
5	*может быть представлен в виде* Ф	20,226
6	*определяется уравнением* Ф	16,668
7	*может быть представлена в виде* Ф	16,516
8	*могут быть выражены*	16,288
9	*можно рассчитать на* Ф	16,287
10	*могут быть записаны в виде* Ф	15,686
11	*можно записать в виде* Ф	14,967
12	*определяется уравнением* Ф	13,823
13	*можно представить в виде* Ф	12,929
14	*может быть найдена по* Ф	12,429
15	*может быть вычислен по* Ф	12,287
16	*определяется формулой* Ф	12,404
17	*может быть выражено* Ф	11,978
18	*может быть выражена* Ф	11,922
19	*определяется соотношением* Ф	11,724
20	*может быть рассчитана по* Ф	11,601
21	*можно вычислить по* Ф	10,914
22	*можно переписать так* △ Ф	10,693
23	*определяется величиной* Ф	10,085
24	*определяется формулой* (Ц)	10,001

Применим критерий Вилкоксона (9) к распределению эмпирических частот сегмента *следует* △ *что* в двух независимых выборках по 100 000 рассматриваемых единиц в каждой выборке. Выборки разобьем на 20 порций по 5000 триад в каждой (см. табл. 11).

Получаем следующий вариационный ряд: F'_9 F'_4 F'_{17} F''_{13} F''_{20} F''_{15} F''_6 F'_7 F'_3 F''_{17} F'_{14} F'_5 F'_{13} F''_2 F'_{10} F''_1 F''_9 F''_{10} F''_{16} F''_4 F''_{14} F''_{19} F'_8 F''_{18} F'_{11} F'_{16} F''_3 F''_7 F'_2 F'_{12} F'_{19} F'_{12} F''_{11} F'_6 F''_6 F'_5 F''_{15} F'_{18} F'_1 F'_{20}.

Таблица 11

Распределение частот конфигурации *следует* Δ *что*

I выборка		II выборка		I выборка		II выборка	
Порция	Частота конфигурации	Порция	Частота конфигурации	Порция	Частота конфигурации	Порция	Частота конфигурации
1	62	1	35	11	41	11	51
2	48	2	32	12	49	12	50
3	28	3	43	13	30	13	23
4	23	4	37	14	29	14	36
5	30	5	55	15	57	15	24
6	54	6	25	16	41	16	35
7	26	7	47	17	23	17	27
8	39	8	54	18	60	18	40
9	11	9	35	19	50	19	39
10	33	10	35	20	87	20	23

Выявим количество инверсий в данном вариационном ряду. В результате имеем:

$$F_i' = 3 + 3 + 3 + 5 + 8 + 9 + 9 + 9 + 9 + 9 + 9 + 9 + 9 + 10 + 12 + 12 + 15 + 15 + 15 + 16 = 180.$$

$$F_j'' = 4 + 4 + 5 + 5 + 5 + 6 + 13 + 14 + 14 + 16 + 16 + 16 + 19 + 20 + 20 + 20 + 20 = 217.$$

Всего число инверсий $u = 180 + 217 = 397$.

Гипотеза H_0 отвергается, если число u превосходит выбранную в соответствии с уровнем значимости границу, определяемую из того расчета, что при объемах $n_1 > 10$ и $n_2 > 10$ выборок число инверсий и распределено нормально, и может характеризоваться математическим ожиданием (или средней арифметической), вычисляемым по формуле:

$$\bar{u}_u = \frac{n_1 \cdot n_2}{2} = \frac{20 \cdot 20}{2} = 200,$$

$$\sigma_u^2 = \frac{n_1 \cdot n_2}{12}(n_1 + n_2 + 1) = \frac{20 \cdot 20}{12}(20 + 20 + 1) = 1367$$

(если $\sigma_u^2 = 1367$, то $\sigma = 37$).

Задавшись уровнем значимости $q = 5\%$ и учитывая, что обе выборки равноправны, строим критическую область больших по абсолютной величине отклонений, задавшись $t_{III} = 1{,}96$.

Критическая область для нулевой гипотезы будет:

$$u \leqslant 200 - 1{,}96 \cdot 37 \approx 127$$

$$u \geqslant 200 + 1{,}96 \cdot 37 \approx 273.$$

Полученное нами значение $u = 397$ лежит в критической области, а потому гипотеза H_0 опровергается. Следовательно, и непараметрический критерий Вилкоксона, и строгий критерий χ^2 свидетельствуют о существенности расхождений в распределении рассмотренной триады.

Хотя каждая из рассмотренных триад не включает ключевых элементов, неравномерность этих конфигураций свидетельствует о том, что абзацы текста, включающие рассматриваемые сочетания, не подчиняются норме и узусу.

Рассмотрим конфигурации, неравномерность появления которых в однородных текстах целиком определяется ситуацией. Сюда относятся конфигурации, содержащие ключевые элементы: различные формулы, единицы измерения (табл. 7 и 10).

Показательны высокие численные значения χ^2 у конфигураций с ядерным словом *зависит* (табл. 9) — конфигураций, содержащих важнейшие ключевые элементы текстов по электронике: *температура*, *частота*, *энергия*. Важно отметить и то обстоятельство, что содержащиеся в табл. 6 и в табл. 10 эквивалентные в условиях рассматриваемого подъязыка сегменты текста характеризуются различными значениями χ^2. У одних конфигураций он низок (напр., у сегмента *можно записать в виде* $\Phi\chi^2 = 14{,}967$, а у другого сегмента *может быть записана в виде* $\Phi\chi^2 = 42{,}768$)[25].

Естественно считать, что вариантные конфигурации, численное значение χ^2 у которых меньше, появляются в тексте регулярнее, чем те, у которых эмпирическое значение высокое.

---

[25] Ср. также численные значения χ^2 у вариантов 5 и 17, 7 и 11 из табл. 6; 2, 7, 11 и 13 из табл. 10 и др.

Таблица 12

№ пп	Конфигурация	F	χ^2
1	*возрастает при увеличении*	32	9,251
2	*возрастает с увеличением*	113	7,181
3	*растет с ростом*	18	2,445
4	*увеличивается с ростом*	59	1,814
5	*растет с увеличением*	64	1,250
6	*увеличивается с увеличением*	23	0,826
7	*возрастает с ростом*	30	0,667

Таблица 13

№ пп	Конфигурация	F	χ^2
1	*уменьшается при увеличении*	24	12,335
2	*уменьшается с ростом*	60	2,401
3	*уменьшается с увеличением*	81	1,322
4	*падает с увеличением*	18	0,778
5	*уменьшается с возрастанием*	12	0,667
6	*падает с ростом*	20	0,660

Резюмируя изложенное выше, можно сделать следующий вывод. Все приведенные на таблицах конфигурации по своему лексико-грамматическому оформлению абсолютно узуальны и тем более нормативны, но в результате того, что они употребляются с некоторым семантически насыщенным существительным, введение которого целиком показано ситуацией, или зависят от структуры научного изложения, конфигурации не выступают как регулярно и равномерно употребляющиеся узуальные единицы заполнения, но ведут себя статистически как ненормативные ключевые единицы текста.

Логично предположить, что сегменты текста, в которых нет доминантных единиц, должны вести себя статистически как узуальные и нормативные единицы заполнения. Так оно и есть, если существует единственный способ передачи какого-либо плана выражения той или иной кон-

Таблица 14

№ пп	Конфигурация	F	χ^2
1	*меняется при изменении*	19	19,949
2	*изменяется с изменением*	20	5,201
3	*изменяется при изменении*	17	4,883
4	*меняется с изменением*	16	0,500

фигурацией. Интерес представляют статистические характеристики эквивалентных по семантике конфигураций, выступающих в роли единиц заполнения. Можно при этом предположить, что, во-первых, все эквивалентные сегменты текста, в которых нет семантически нагруженных единиц, характеризуются статистическими параметрами как нормативные и узуальные ($\chi^2 \leqslant 10{,}00$); во-вторых, эквивалентные сегменты текста, в которых нет семантически нагруженных единиц, характеризуются:

а) как узуальные и нормативные,

б) как неузуальные (но нормативные с точки зрения их построения), $\chi^2 > 10{,}00$.

Эти предположения подтверждаются на примере группы глаголов, передающих различные процессы изменения в электронике (*возрастает*, *изменяется*, *меняется*, *падает*, *растет* и др.) — см. табл. 12—14.

* * *

С помощью статистической методики мы можем не только опознавать нормированные и ситуативные единицы текста, но и количественно оценивать близость двух узусов (или норм) одного и того же языка. В качестве иллюстрации этого положения воспользуемся некоторыми результатами диссертационной работы А. С. Ротарь, посвященной сравнительному анализу текстов прессы ГДР и ФРГ [26], которая выполнялась под руководством двух авторов настоящей статьи.

[26] *А. С. Ротарь.* Опыт статистического описания современных немецких публицистических текстов (к вопросу о некоторых дивергентных явлениях в газетных текстах ГДР и ФРГ). Автореф. канд. дисс. Минск, 1971.

Методика сравнения норм состоит в следующем. Имеется некоторое количество лингвистических единиц, характеризующих одновременно две разновидности языка. Необходимо на этом материале определить степень близости обоих узусов. Для каждой лингвистической единицы a вычислены следующие величины: ее относительная частота для первой разновидности (ГДР) $f_1 = F_1/N$, относительная частота для второй разновидности (ФРГ) $f_2 = F_2/N$. Кроме того, предполагаются существующими вероятности для a в первой разновидности p_1 и вероятности для второй разновидности P_2.

Выдвигается две гипотезы: нулевая H_0, предполагающая, что $p_1 = p_2$, и альтернативная H_1, утверждающая, что $p_1 \neq p_2$.

Так как $f_1 - f_2$ имеет меньшие скачки и меньшую асимметрию, чем функции распределения f_1 и f_2, мы можем утверждать, что разность $f_1 - f_2$ имеет нормальное распределение со средним $p_1 - p_2$ и дисперсией $\sigma^2_{p_1-p_2} = \sigma_1^2 + \sigma_2^2$.

Однако точное значение σ^2 нам неизвестно, но при достаточно большом N мы можем заменить неизвестные величины σ_1^2, σ_2^2 их эмпирическими оценками $S_1^2 = \frac{f_1(1-f_2)}{N_1-1}$ и $S_2^2 = \frac{f_2(1-f_2)}{N_2-1}$; следовательно, $\sigma^2_{p_1-p_2}$ заменим оценкой $S^2 = S_1^2 + S_2^2$. Нетрудно догадаться, что нормированное отклонение $\frac{(f_1-f_2)-(p_1-p_2)}{\sigma_{p_1-p_2}}$ распределено нормально. Отсюда при заданной доверительной вероятности P имеем:

$$P\left(\frac{|(f_1-f_2)-(p_1-p_2)|}{\sigma_{p_1-p_2}} < Z_\rho\right) = \rho.$$

Гипотеза H_0 утверждает, что если $p_1 = p_2$, величина критерия проверки принимает вид $Z = \frac{f_1-f_2}{\sigma_{p_1-p_2}}$.

Если $Z < Z_\rho$, то гипотеза H_0 принимается и p_1, p_2 статистически неразличимы; если $|Z| \geqslant Z_\rho$, то гипотеза отвергается, а различие p_1 и p_2 считается статистически существенным. Мы берем $Z_\rho = 3$, что соответствует трехсигмовому критерию, обычно применяемому в лингвистике.

С помощью указанного приема обследованы первые 1000 словоформ ЧС А. С. Ротарь в выборке ГДР (100 ми-

кровыборок по 1000 словоупотреблений в каждом) и в выборке ФРГ (та же нормировка).

В качестве примера рассмотрим словоформу nach ‘в, за, к, на, после’, которая, согласно данным ЧС А. С. Ротарь, имеет в выборке ГДР $F_1 = 317$, а в выборке ФРГ $F_2 = 538$.

1. Определяем доли данной словоформы в обеих выборках:

$$f_1 = \frac{317}{100\,000} = 0{,}00317,$$

$$f_2 = \frac{538}{100\,000} = 0{,}00538.$$

2. Определяем среднее квадратическое отклонение долей для каждой выборки: $\sigma_1 = \sqrt{\frac{f_1(1-f_1)}{N_1}}$. Для подсчетов удобнее брать формулу в таком виде:

$$\sigma_1^2 = \frac{f_1(1-f_1)}{N_1} = \frac{0{,}00317 \cdot 0{,}99683}{10^5} = \frac{0{,}0032}{10^5},$$

$$\sigma_2^2 = \frac{f_2(1-f_2)}{N_2} = \frac{0{,}00538 \cdot 0{,}99462}{10^5} = \frac{0{,}0053}{10^5}.$$

3. Определяем общее среднее квадратическое отклонение для обеих выборок:

$$\sigma_{p_1-p_2}^2 = \frac{f_1(1-f_1)}{N_1} + \frac{f_2(1-f_2)}{N_2} = \frac{0{,}0032 + 0{,}005}{10^5} =$$

$$= \frac{0{,}0085}{10^5} = \frac{0{,}085}{10^5}.$$

$$\sigma_{p_1-p_2} = \frac{0{,}085}{10^6} = \frac{1}{10^3} \cdot 0{,}298 = 0{,}0003.$$

4. Определяем отношение разности долей к среднему квадратическому отклонению:

$$Z = \frac{|f_1 - f_2|}{\sigma_{p_1-p_2}} = \frac{0{,}00211}{0{,}0003} = 7{,}03.$$

Поскольку $Z > 3$, различие долей словоформы в обеих выборках следует считать существенным. Распределение долей рассматриваемой словоформы в обеих выборках неоднородно, что является результатом каких-то не статистических, но лингвистических или экстралингвистических причин.

Таблица 15

Словоформы, которые употребляются только в одной выборке

№ пп	Словоформа		Доля словоформы в выборке	
			ГДР	ФРГ
1	FDJ	‘СНМ’	0,00032	
2	LPG	‘СПК’	0,00026	
3	VEB	‘ФЕБ’	0,00031	
4	Arbeiterklasse	‘рабочий класс’	0,00027	
5	Betrieben	‘предприятиям’	0,00027	
6	Staatsrates	‘Госсовета’	0,00022	
7	Volkskammer	‘Народная палата’	0,00022	
8	westdeutsche	‘западногерманский’	0,00038	
9	Nazis	‘нацисты’	0,00020	
10	Dynamos	‘Динамо’	0,00026	
11	Mrd.	‘миллиард’		0,00027
12	Amateur-Boxmeister	‘тренер по боксу’		0,00020
13	Bremen	‘Бремен’		0,00028
14	Istanbul	‘Стамбул’		0,00021
15	Nil	‘Нил’		0,00099

Переходим теперь к характеристике всего массива в целом. Из 1000 словоформ 22 лексических единицы дают полное совпадение относительных частот, что без всяких вычислений свидетельствует о близости их норм; примерами таких словоформ являются bald ‘скоро’, Mutter ‘мать’ и т. п.; 15 словоформ встретилось либо в выборке ГДР, либо в выборке ФРГ (см. табл. 15), что свидетельствует о расхождении их норм. Остальные словоформы, встречаясь в текстах обеих выборок, дают различные значения величины Z. В табл. 16 показаны словоформы, дающие $Z > 3$, что свидетельствует о различии в нормах и узусах их употребления в прессе ГДР и ФРГ.

Посмотрим теперь, какие качественные наблюдения можно сделать, анализируя результаты лингвостатистического анализа восточно- и западнонемецкой лексики.

Наибольшую статистическую однородность норм показывают наречия, предлоги, глаголы, артикли, прилагательные.

Таблица 16

Словоформы, у которых $Z > 3$

№ пп	Словоформа		Доля словоформы в выборке		z
			ГДР	ФРГ	
1	DDR	'ГДР'	0,00250	0,00005	16,3
2	wir	'мы'	0,00454	0,00096	15,3
3	unserer	'наших'	0,00166	0,00013	11,7
4	ich	'я'	0,00271	0,00067	11,3
5	alle	'все'	0,00239	0,00065	10,0
6	unsere	'наши'	0,00143	0,00015	9,8
7	Republik	'республика'	0,000113	0,00007	9,6
8	drei	'три'	0,00013	0,00093	8,1
9	neuen	'новый'	0,00064	0,00182	7,9
10	August	'август'	0,00011	0,00086	7,5
11	nach (prp)	'в, на, к, за, после	0,00317	0,00538	7,03
12	DM	'марка ГДР'	0,00021	0,00089	6,8
13	Genosse	'товарищ'	0,00047	0,00001	6,7
14	Westberlin	'Западный Берлин'	0,00073	0,00013	6,6
15	Bonner(a)	'боннский'	0,00069	0,00009	6,6
16	Westdeutschland	'Западная Германия'	0,00060	0,00006	6,6
17	Genossen	'товарищи'	0,00048	0,00002	6,5
18	gewissen(a)	'некий'	0,00048	0,00002	6,5
19	Frieden	'мир'	0,00055	0,00004	6,4
20	München	'Мюнхен'	0,00001	0,00039	6,3
21	der (pron)	'тот'	0,00232	0,00382	6,2
22	Arbeit	'работа'	0,00095	0,00026	6,2
23	Arbeiter	'рабочий'	0,00059	0,00008	6,2
24	er	'он'	0,00339	0,00524	6,1
25	selbst	'сам, -а, -о'	0,00095	0,00031	6,0
26	zurück	'назад'	0,00011	0,00059	6,0
27	bis (cj)	'пока не'	0,00004	0,00046	6,0
28	ihnen	'им, ими'	0,00093	0,00028	5,9
29	zwei	'два'	0,00026	0,00108	5,8
30	sozialistischen	'социалистические	0,00055	0,00008	5,8
31	Jugend	'молодежь'	0,00053	0,00006	5,8
32	Einheit	'единство'	0,00038	0,00003	5,8
33	Sozialismus	'социализм'	0,00038	0,00003	5,8
34	Februar	'февраль'	0,00008	0,00048	5,7

Таблица 16 (продолжение)

№ пп	Словоформа		Доля словоформы в выборке		z
			ГДР	ФРГ	
35	Uhr	‘часы’	0,00018	0,00074	5,6
36	demokratischen-	‘демократические’	0,00042	0,00003	5,6
37	Betriebe	‘предприятия’	0,00037	0,00003	5,6
38	Friedens	‘мира’	0,00036	0,00002	5,6
39	Berlin	‘Берлин’	0,00070	0,00152	5,5
40	westdeutschen	‘западногерманские’	0,00054	0,00009	5,5
41	zur (prp + art)	‘к, на, в’	0,00191	0,00312	5,4
42	mir	‘мне’	0,00045	0,00007	5,4
43	Volkes	‘народа’	0,00044	0,00006	5,4
44	Betrieb	‘предприятие’	0,00043	0,00005	5,4
45	Werktätigen	‘трудящиеся’	0,00034	0,00002	5,3
46	Korrespondenten	‘корреспонденты’	0,00001	0,00033	5,3
47	Zone	‘зона’	0,00001	0,00033	5,3
48	Staaten	‘государство’	0,00087	0,00030	5,2
49	elf	‘одиннадцать’	0,00001	0,00032	5,2
50	Mitglied	‘член’	0,00043	0,00007	5,1
51	rund	‘круглый, полный’	0,00015	0,00056	5,0
52	Bürger	‘гражданин’	0,00050	0,00010	5,0
53	meine (v)	‘полагаю, думаю’	0,00027	0,00002	5,0
54	USA	‘США’	0,00093	0,00039	4,9
55	uns	‘нам, нас’	0,00168	0,00090	4,8
56	amerikanischen	‘американские’	0,00016	0,00055	4,8
57	Prozente	‘проценты’	0,00034	0,00005	4,8
58	Steigerung	‘повышение’	0,00027	0,00003	4,8
59	Stellvertreter	‘заместитель’	0,00027	0,00003	4,8
60	Brief	‘письмо’	0,00023	0,00001	4,8
61	Berlins	‘Берлин’	0,00146	0,00075	4,7
62	etwa	‘приблизительно’	0000037	0,00089	4,7
63	da (cj)	‘так как’	0,00009	0,00042	4,7
64	ganzen	‘весь, целый’	0,00040	0,00007	4,7
65	Kollegen	‘коллеги’	0,00048	0,00011	4,6
66	Montag	‘понедельник’	0,00039	0,00007	4,6
67	Zentralkomitees	‘ЦК’	0,00034	0,00006	4,6
68	Vorsitzenden(s)	‘Председатели’	0,00033	0,00005	4,6
69	sieben	‘семь’	0,00002	0,00025	4,6

Таблица 16 (продолжение)

№ пп	Словоформа		Доля словоформы в выборке		z
			ГДР	ФРГ	
70	jedoch	‘однако, все же’	0,00034	0,00084	4,5
71	Monat	‘месяц’	0,00013	0,00049	4,5
72	Frankfurter(a)	‘франкфуртский’	0,00006	0,00033	4,5
73	Polizei	‘полиция’	0,0005	0,00032	4,5
74	wird	‘становится’	0,00356	0,00487	4,4
75	jeder	‘каждый’	0,00072	0,00028	4,4
76	fünf	‘пять’	0,00011	0,00042	4,4
77	Bundesregierung	‘правительство ФРГ’	0,00007	0,00038	4,4
78	offenbar	‘очевидно’	0,00004	0,00026	4,4
79	unserer	‘наших’	0,00067	0,00123	4,3
80	Produktion	‘продукция’	0,00040	0,00014	4,3
81	seien	‘будьте’	0,00012	0,00042	4,3
82	sechs	‘шесть’	0,00009	0,00039	4,3
83	unseren	‘наши’	0,00037	0,00007	4,3
84	Konferenz	‘конференция’	0,00006	0,00032	4,3
85	Bau	‘стройка’	0,00004	0,00025	4,2
86	Ministerrates	‘Совет Министров’	0,00022	0,00001	4,2
87	am(prp + art)	‘около, на, у’	0,00277	0,00384	4,1
88	einer (art)	‘одного’	0,00273	0,00383	4,1
89	Herr	‘господин’	0,00036	0,00007	4,1
90	Sozialistischen	‘социалистический’	0,00028	0,00003	4,1
91	Leipziger(a)	‘лейпцигский’	0,00018	0,00002	4,1
92	du	‘ты’	0,00057	0,00009	4,0
93	Meister	‘мастер’	0,00031	0,00007	4,0
94	Sekretär	‘секретарь’	0,00025	0,00005	4,0
95	Erzeugnisse	‘продукция’	0,00024	0,00004	4,0
96	Motor	‘мотор’	0,00024	0,00004	4,0
97	Bewohner	‘житель’	0,00021	0,00001	4,0
98	Grad	‘градус, степень’	0,00001	0,00021	4,0
99	Sprache	‘язык’	0,00018	0,00002	4,0
100	sowie	‘как и’	0,00071	0,00032	3,9
101	gestern	‘вчера’	0,00028	0,00067	3,9
102	unser	‘наш’	0,00050	0,00019	3,9
103	gemeinsam	‘общий’	0,00035	0,00008	3,9
104	Qualität	‘качество’	0,00035	0,00008	3,9

Таблица 16 (продолжение)

№ пп	Словоформа		Доля словоформы в выборке		z
			ГДР	ФРГ	
105	September	‘сентябрь’	0,00008	0,00035	3,9
106	etwas	‘немного	0,00048	0,00017	3,8
107	ging	‘ходил, пошел’	0,00048	0,00017	3,8
108	sieht	‘видит’	0,00009	0,00032	3,8
109	über (präf)	‘над, за, через’	0,00030	0,00007	3,8
110	sunächst	‘прежде всего’	0,00007	0,00030	3,8
111	Jungen	‘парни’	0,00029	0,00006	3,8
112	Technik	‘техника’	0,00029	0,00006	3,8
113	Erfahrungen	‘опыты’	0,00027	0,00004	3,8
114	NATO	‘НАТО’	0,00021	0,00002	3,8
115	hören	‘слышать, слушать’	0,00020	0,00001	3,8
116	Jahrestag	‘годовщина’	0,00020	0,00001	3,8
117	unternehmen	‘предпринимать’	0,00001	0,00020	3,8
118	Leben	‘жизнь’	0,00077	0,00036	3,7
119	hat	‘имеет, владеет’	0,00324	0,00426	3,6
120	Regierung	‘правительство’	0,00093	0,00050	3,6
121	unseres	‘нашего’	0,00053	0,00020	3,6
122	jungen	‘молодой’	0,00048	0,00019	3,6
123	mich	‘меня’	0,00046	0,00017	3,6
124	Proze&	‘процесс’	0,00035	0,00010	3,6
125	Weise	‘способ’	0,00010	0,00032	3,6
126	Frankfurt	‘Франкфурт’	0,00007	0,00029	3,6
127	Tod	‘смерть’	0,00007	0,00029	3,6
128	Westberliner	‘житель Западного Берлина’	0,00027	0,00005	3,6
129	Straßen	‘улицы’	0,00006	0,00024	3,6
130	Entspannung	‘разрядка’	0,00021	0,00003	3,6
131	km	‘км’	0,00003	0,00021	3,6
132	sei	‘будь, пусть’	0,00123	0,00077	3,5
133	viele	‘многие’	0,00070	0,00035	3,5
134	Fragen	‘вопросы’	0,00048	0,00020	3,5
135	allerdings	‘конечно’	0,00018	0,00046	3,5
136	Aufgaben	‘задачи’	0,00046	0,00018	3,5
137	Staat	‘государство’	0,00038	0,00013	3,5
138	Ausdruck	‘выражение’	0,00027	0,00006	3,5
139	Prozent	‘процент’	0,00057	0,00101	3,4

Таблица 16 (окончание)

№ пп	Словоформа		Доля словоформы в выборке		z
			ГДР	ФРГ	
140	Menschen	‘человека, человеку..., люди...’	0,00085	0,00047	3,4
141	deutsche	‘немецкий’	0,00040	0,00078	3,4
142	vor (präf)	‘перед’	0,00058	0,00027	3,4
143	könnte	‘мог бы’	0,00018	0,00045	3,4
144	verloren	‘потерял, потерян’	0,00038	0,00014	3,4
145	Kinder	‘дети’	0,00035	0,00011	3,4
146	Juli	‘июль’	0,00006	0,00023	3,4
147	Kräfte	‘силы’	0,00023	0,00006	3,4
148	Wettbewerb	‘соревнование’	0,00023	0,00006	3,4
149	Erfolge	‘успехи’	0,00020	0,00003	3,4
150	friedlichen	‘мирные’	0,00020	0,00003	3,4
151	zur (prp + art)	‘к, на, в’	0,00271	0,00198	3,3
152	Jahren	‘годы’	0,00066	0,00109	3,3
153	den (pron)	‘которого, -ым’	0,00064	0,00031	3,3
154	nichts	‘ничто, ничего’	0,00064	0,00031	3,3
155	gab—	‘дал’	0,00058	0,00028	3,3
156	Mitglieder	‘члены’	0,00043	0,00017	3,3
157	Bericht	‘доклад’	0,00016	0,00039	3,3
158	Hauptstadt	‘столица’	0,00035	0,00012	3,3
159	vier	‘четыре’	0,00012	0,00035	3,3
160	Handel	‘торговля’	0,00029	0,00009	3,3
161	SED	‘СЕПГ’	0,00029	0,00009	3,3
162	leider	‘к сожалению’	0,00027	0,00007	3,3
163	Prof.	‘проф.’	0,00027	0,00077	3,3
164	stark	‘сильно, резко’	0,00012	0,00034	3,2
165	dürfte	‘мог бы’	0,00003	0,00019	3,2
166	eigentlich	‘собственно’	0,00021	0,00005	3,2
167	ökonomischen	‘экономические’	0,00021	0,00005	3,2
168	statt (präf)	‘вместо’	0,00020	0,00004	3,2
169	Vorbereitungen	‘приготовления’	0,00020	0,00004	3,2
170	Saigon	‘Сайгон’	0,00003	0,00019	3,2
171	Kampf	‘борьба’	0,00051	0,00017	3,1
172	bei (Präf)	‘у, при, под, возле’	0,00017	0,00042	3,1
173	endlich	‘наконец’	0,00028	0,00009	3,1
174	Gebiet	‘область’	0,00012	0,00034	3,1

Меньшую однородность норм показывают имена существительные, местоимения. Наиболее заметное расхождение показывают словоформы, употребление которых подсказывается ситуацией. Сюда относятся:

1) сложносокращенные словоформы (аббревиатуры), относящиеся к общественно-политической терминологии — DDR, FDJ, NATO;

2) термины, связанные с общественно-политической тематикой — Bundesregierung, Burger, Einheit, gemeinsam, Stellvertreter;

3) географические названия — Berlin, Bremen, Frankfurter(a), Istanbul, Westdeutschland, Leipziger(a), München, Saigon;

4) экономические термины — Betrieb, Betriebe, DM, Geld, Handel, ökonomischen, Produktion, Prozente, Technik;

5) словоформы тематического характера — Amateur-Boxmeister, Motor, km

6) словоформы, зависящие от формы обращения в тексте — dir, du, ich, Genosse, Herr, Kollege, Mrd, Mutter, unsere;

7) некоторые служебные слова — bei(präf), den(pron).

Итак, лингвистические приемы позволяют нам с большей или меньшей объективностью и точностью оценивать степень нормативности отдельных лингвистических единиц и целых лексико-грамматических групп и классов, а также выделять такие единицы, употребление которых навязывается ситуацией и не подчиняется сложившимся в системе и норме языка правилам. Иными словами, развивая современную лингвостатистическую методику исследования речи, мы получаем возможность создать надежный аппарат для изучения взаимоотношения системы, нормы (узуса) и ситуации при порождении и восприятии текста.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

СТ I — сб. «Статистика текста», т. I. Минск, 1969.
СтР — сб. «Статистика речи». Л., 1968.
СтРААТ — сб. «Статистика речи и автоматический анализ текста». Л., 1971.
Ф — формула
Ц — цифра
ЧС — частотный список; частотный словарь
Δ — знак препинания.

КВАНТИТАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

П. М. Алексеев

При построении обобщающих схем речевой деятельности (langage) [1] главное внимание должно уделяться не столько еще одному или нескольким доказательствам того, что между языком и речью существует различие (оно общеизвестно), сколько его интерпретации: «важно не различие само по себе, а то, что на нем основывается» [2].

Из обзоров определений языка и речи [3] можно сделать вывод о недостаточной способности бинарных противопоставлений, рассматриваемых изолированно и не образующих систему, раскрыть все разнообразие важнейших характеристик речевой деятельности. Пытаться достичь этой цели следует, видимо, с помощью многомерной и многоаспектной модели. В целом ряде определений и в их критике имплицитно присутствует, например, необходимость учитывать некоторые факторы, управляющие реализацией системы языка в речи.

Одним из таких факторов можно считать норму, в которой пересекается индивидуальное и социальное, лингвистическое и экстралингвистическое, детерминированное и вероятностное [4]. Наибольшее внимание проблема

---

[1] Нельзя смешивать соссюровскую langage с речевой деятельностью в понимании Щербы (см.: *С. Д. Кацнельсон.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, стр. 95).

[2] *Э. Косериу.* Синхрония, диахрония и история. «Новое в лингвистике», вып. III. М., 1963, стр. 151. См. там же (стр. 147—148): «...в соссюровской концепции речь идет не о том, что представляет собой состояние языка, и не о двух способах существования языка, а только и исключительно о том, как именно мы рассматриваем язык... Здесь речь идет не о действительности языка, а о позиции исследователя».

[3] См.: *Н. А. Слюсарева.* Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики. М., 1975; *В. Я. Мыркин.* Различные толкования соотношения «язык — речь». «Иностранные языки в школе», 1970, № 1.

[4] *Э. Косериу.* Указ. соч.; *Л. И. Скворцов.* Норма. Литературный язык. Культура речи. «Актуальные проблемы культуры речи». М., 1970; *Л. К. Граудина.* Норма и статистика.— Там же; *Р. Г. Пиотровский, Л. А. Турыгина.* Антиномия «язык — речь» и статистическая интерпретация нормы языка. «Статистика речи и автоматический анализ текста». Л., 1971.

нормы привлекает к себе со стороны авторов работ по стилистике и культуре речи. Подробный анализ высказываний о норме содержится в сборнике Института русского языка [5], в нем прослеживается эволюция взглядов на норму за последние 60—70 лет и наряду со сводкой существующих определений предлагаются новые, уточняющие определения. Особо подчеркивается необходимость различать внутренний и внешний аспекты нормы.

Внутренний, лингвистический аспект представляет норму системы, т. е. совокупность норм, определяемых системой данного языка в отличие от систем других языков [6], и норму «структуры», т. е. совокупность норм, связанных с ограничениями, которые накладываются на возможности, предоставляемые системой. Оба эти понятия, сформулированные В. А. Ицковичем [7], и создают «объективный» аспект, в отличие от внешнего, «аксиологического», связанного с принятием, осознанием тех или иных средств языкового выражения как правильного, образцового [8].

Эти определения охватывают фундаментальные характеристики нормы и могут быть взяты за основу при построении ее теорий. Дальнейшего развития требуют два вопроса: во-первых, вопрос о природе и характере ограничений, которые накладываются на возможности, предоставляемые системой, и, во-вторых, вопрос о способах оценки правильности, образцовости тех или иных средств языкового выражения.

На второй вопрос могут ответить исследования «авторитетных источников», к которым, несомненно, по-прежнему относятся письменные (печатные) тексты признанных писателей [9], а также изучение письменной речи образованных носителей языка [10], массовые обследования реаль-

[5] «Актуальные проблемы культуры речи». М., 1970.

[6] Ср. понятие «типа» языка в работе: *E. Coseriu.* Sincronía, diacronía y tipología. «Actas del XI Congreso international de lingüística y filología románicas. Madrid, 1965». Madrid, 1968.

[7] *В. А. Ицкович.* Норма и ее кодификация. «Актуальные проблемы культуры речи».

[8] *Г. В. Степанов.* О двух аспектах понятия языковой нормы. «Методы сравнительно-сопоставительного изучения современных романских языков». М., 1966.

[9] На этом особо настаивал Л. В. Щерба (*Л. В. Щерба.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, стр. 34).

[10] «Общие принципы культуры языка» (без авт.). «Пражский лингвистический кружок». М., 1967, стр. 396.

ного употребления языка и изучение языка газет, журналов, писем, научных и деловых текстов [11].

Первый вопрос еще далек от своего решения, которое зависит от того, каким образом отвечать на целый ряд частных вопросов:

1. Входят ли в понятие нормы языковые средства, и что такое эти средства — только ли абстрактные схемы, модели, эталоны или также конкретные единицы и их классы? Э. Косериу исключает языковой материал из нормы, а пражские лингвисты, наоборот, предполагают его наличие в ней.

2. Связана ли норма непосредственно с речевой ситуацией? [12]

3. Представляет ли собой норма только возможности, или также и выбор возможностей?

4. Следует ли включать в понятие нормы реализуемые возможности, кроме уже реализованных и потенциальных? Если да, то есть ли разница между нормой как реализуемыми возможностями и узусом? Как вообще соотносятся в таком случае (если разница есть) норма и узус?

5. Целесообразно ли для понимания природы нормы противопоставлять норме, существующей в сознании коллектива носителей языка, кодификацию нормы? Ведь не противопоставляют же системе языка описания этой системы, т. е. конкретные словари и грамматики...

6. Целесообразно ли противопоставлять статику и динамику нормы, рассматривая ее в рамках общей схемы речевой деятельности?

Все это можно, по-видимому, свести к двум более общим вопросам:

1. Что такое норма — материал или правила его использования, или и то и другое?

2. Следует ли считать норму неотъемлемым свойством языка, считать ли ее особым компонентом языка, или относить ее к условиям использования языка?

---

[11] *Л. П. Якубинский*, *А. Иванов*. Очерки по языку. М., 1932; *Г. О. Винокур*. Культура языка. Задачи современного языкознания. «Печать и революция», 1925, кн. 5 (цит. по: *Л. И. Скорцов*. Указ. соч., стр. 55).— Через 40—50 лет после этих рекомендаций подъязыки газеты и особенно писем остаются практически белым пятном в лингвистических исследованиях.

[12] Высказывалось мнение, что не связана (*Б. Н. Головин*. Как говорить правильно. Горький, 1966, стр. 44).

Обзоры существующей литературы показывают, что в понятие нормы вкладывается столько различного по качеству содержания, что ни одно определение не будет отражать всех интересующих лингвиста характеристик нормированности, упорядоченности языковых явлений при функционировании языка в речи. Поэтому целесообразно, по-видимому, отграничивать в норме систему предписаний для языковых реализаций от конкретного материала, заполняющего эти реализации. Такой материал в этом случае можно было бы назвать, скажем, совокупностью или системой нормативных или нормальных употреблений. При этом остается в стороне проблема истории создания системы предписаний и системы нормальных употреблений; она относится уже к диахроническому изучению нормы.

Если норма — это свод правил реализации системы языка, система таких правил, то она не может быть полностью изолированной от условий существования языка; следовательно, она связана с внешней обстановкой. Но поскольку норма представляет собой лингвистические правила употребления лингвистического материала, она не может быть противопоставлена и языку. Следовательно, норма должна входить в состав языка, будучи буферной зоной для связи языка с неязыковыми ситуациями. С учетом этих ситуаций норма регулирует использование элементов, структур, моделей системы и речи. Она, таким образом, служит фильтром, распределяющим возможности системы (обеспечивая при этом некоторый выбор в ограниченных пределах) по конкретным речевым актам в зависимости от конкретных (типовых) ситуаций.

Однако между нормой, выполняющей функцию такого фильтра, и конкретными речевыми актами должно находиться еще одно звено. Дело в том, что норма, существующая в сознании коллектива носителей языка, постоянно подкрепляется «кодификацией» — не только в виде нормативных справочников, но и в множестве высказываний, текстов, принимаемых коллективом за образцовые, за кодифицированную норму. Если несколько перефразировать высказывание Э. Косериу, то система содержит то, что м о ж н о говорить, норма — то, что и как н а д о говорить или с л е д у е т говорить (учитывая то, как это г о в о р и л о с ь ранее), а речь — то, что и как г о в о р и т с я н а с а м о м д е л е. Тогда будет

определенное различие между тем, как говорится на самом деле, и как п р и н я т о говорить, о б ы ч н о говорится. Очевидно, что есть разница также между понятиями «следует говорить» и «обычно говорится». Это «обычно говорится» («принято говорить») и относится, видимо, к промежуточному звену между нормой и речевым актом (и текстом). Оно представляет собой у з у с, своего рода обобщение конкретных речевых актов и текстов. Собственно речь в узком смысле — это речевые акты и результат речевых актов — тексты [13].

Норма выполняет роль фильтра не только при движении от системы языка к речи, т. е. при реализации системы. Она фильтрует также накопленные в речевых актах (и текстах) и обобщенные узусом изменения, прежде чем эти изменения попадут в систему.

Представленная таким образом схема речевой деятельности обладает тем преимуществом, что она не разрывает статический и динамический аспекты. Каждый уровень схемы может рассматриваться в статическом (жестко синхронном) плане, а последовательность действия компонентов (уровней) схемы — в динамическом: сверху (в нежестко синхронном плане) — процесс реализации системы, снизу вверх (в диахроническом плане) — развитие нормы и системы (см. рис. 1).

Систему и норму объединяет их принадлежность к языку (langue), узус и собственно речь — их принадлежность к речи (parole), норму и узус — их «нормальность». Узус, видимо, можно понимать как неосознанную и некодифицированную норму.

Схему речевой деятельности теперь можно представить в более подробном виде, указав в ней место для классов лингвистических явлений и процессов (рис. 2).

Обе эти схемы достаточно условны. Динамика речевой деятельности (langage) нагляднее была бы продемонстрирована в другом, объемном изображении, так же как и взаимодействие нормы и речевых ситуаций.

К настоящему времени известны несколько разработок исходной соссюровской антиномии «язык — речь» со ста-

[13] Естественно, что здесь имеется в виду продуктивная речь, процесс порождения текста. В процессе восприятия текста схема «система — норма — узус — речь» соответствует тому, как можно понимать — надо понимать — принято понимать — понимается на самом деле.

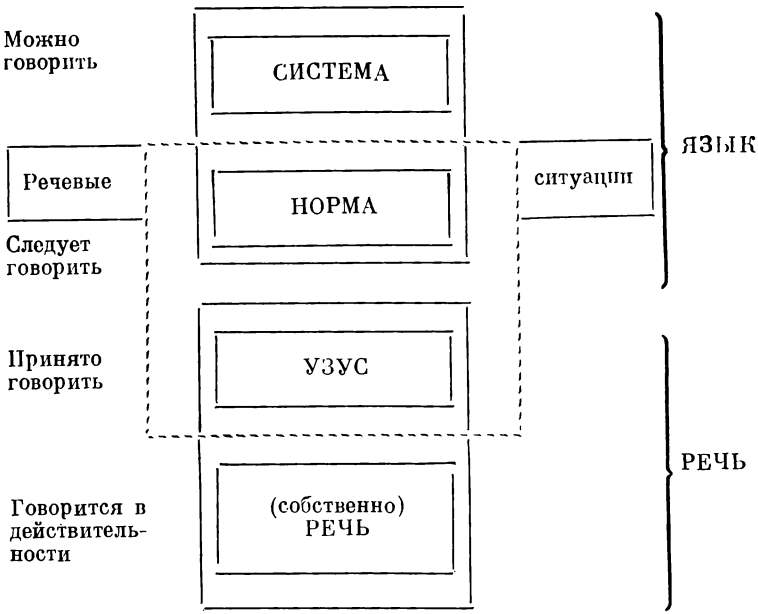

Рис. 1. Схема речевой деятельности (langage)

тистических позиций. Различаются они в основном либо тем, что относят вероятности и частоты к тому или иному члену дихотомии, либо тем, что лишают тот или иной ее компонент возможности интерпретироваться количественно. Автор наиболее полной сводки [14] исходит из схемы: речевая деятельность = язык (система + норма) + + речь. На эту схему он проецирует вероятностные представления, извлеченные из различных лингвостатистических концепций [15], подвергая эти концепции критическому рассмотрению и уточнению. Он согласен с нестатистическим характером системы [16], если только считать,

[14] *В. В. Богданов.* Статистические концепции языка и речи. «Статистика речи и автоматический анализ текста. 1972». Л., 1973.

[15] Он делит их на три группы: концепции Л. Р. Зиндера— Н. Д. Андреева и Н. Д. Андреева; Г. С. Клычкова; Г. Хердана, П. Гиро, Б. Н. Головина и Р. Г. Пиотровского— Л. А. Турыгиной.

[16] Вслед за Р. Г. Пиотровским (*Р. Г. Пиотровский, Л. А. Турыгина.* Антиномия «язык — речь» и статистическая интерпретация нормы языка. «Статистика речи и автоматический анализ текста». Л., 1971).

Рис. 2. Развернутая схема речевой деятельности

что она не описывается статистической вероятностью (которая является содержанием лишь одного из пяти определений вероятности). Используя предложенные Н. Д. Андреевым [17] понятия парадигматической и синтагматической вероятностей, можно вводить количественные оценки и в описание системы. Здесь концепция Н. Д. Андреева (который относит парадигматическую вероятность к языку, а синтагматическую — к речи) уточняется: обе эти вероятности предлагается связывать с системой

[17] *Н. Д. Андреев.* Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении. Л., 1967, стр. 17—18.

языка. В этом случае синтагматические вероятности «будут вычисляться не по речевым выборкам, а по матрице сочетаемости единиц определенного языкового уровня». Норму можно описывать нормирующими вероятностями, методика оценки которых предложена Р. Г. Пиотровским и Л. П. Турыгиной. Речь характеризуется выборочной (речевой) относительной частотой. Парадигматические вероятности элементов системы можно описывать классическими вероятностями, но парадигматические вероятности классов элементов и синтагматические вероятности элементов системы и их классов не имеют аналогов в математической теории вероятностей. Их предлагается моделировать «неправильным многогранником с различными по величине и формами гранями» [18]. Система языка описывается парадигматическими и синтагматическими вероятностями, норма языка — нормирующими вероятностями, речь — выборочными, или речевыми, частотами.

Эта схема, которая, как кажется, наиболее полно отражает существующие статистико-вероятностные представления о речевой деятельности, тем не менее требует дальнейшего уточнения и развития. Это относится прежде всего к вопросам о количественном или неколичественном характере системы, о парадигматике и синтагматике на уровне речи, об аналогах для парадигматических вероятностей классов элементов и синтагматических вероятностей элементов и классов элементов, а также о нормирующей вероятности.

В. В. Богданов считает, что система может описываться количественными оценками, отвергая тезис Н. С. Трубецкого о внеположенности языка мере и числу. Р. Г. Пиотровский настаивает на обратном, говоря вначале о нестатистичности системы [19], а позднее — о ее вообще неколичественном характере, тем самым сохраняя утверждение Н. С. Трубецкого в силе и относя его, правда, лишь к системе языка [20].

В решении этого вопроса следует выбрать одну из двух исходных позиций: включать в систему языка инвентари языковых элементов, из которых строится речевое высказывание, или считать систему лишь «схемой чистых отно-

[18] *В. В. Богданов.* Указ. соч., стр. 18—19.
[19] *Р. Г. Пиотровский, Л. А. Турыгина.* Указ. соч., стр. 46.
[20] *К. Б. Бектаев, Р. Г. Пиотровский.* Математические методы в языкознании, ч. 1. Алма-Ата, 1973, стр. 11.

шений». В первом случае ответ будет однозначным: если система языка представлена языковыми элементами, притом разных уровней, то уже группировка их в классы одного уровня и при переходе к другому уровню предполагает неравномерную численность классов. Например, деление фонем на гласные и согласные, различная количественная активность единиц низшего уровня в образовании единиц высшего уровня и т. д. Другое дело — позиция исследователя: считает ли он количественные признаки такого рода релевантными для описания системы. Кажется, в этом нет различных мнений, но если и есть, то куда придется относить эти признаки, к какому уровню речевой деятельности? Во втором случае, т. е. если считать системой языка не инвентарь языковых элементов вместе с системой отношений между ними, а только второе, то придется отвечать на вопрос о том, к какому уровню речевой деятельности отнести первое. Кроме того, система отношений между элементами может включать в себя отношения непосредственные, опосредованные («контактные», «дистантные», притом в разной степени, измеряемой в терминах «более» или «менее», следовательно, допускающей и количественную меру), свободные, связанные, характеризующиеся большей или меньшей силой связи, т. е. по существу опять-таки вполне подлежащие количественной оценке.

В рассмотренной выше схеме не нашли места различия между парадигматикой и синтагматикой на речевом уровне. Между тем, если эти различия для уровня системы относятся пока к классу ненаблюдаемых, моделируемых объектов, то в речевом акте и в тексте эти отношения реальны и обнаруживаются в наблюдении. Н. Д. Андреев всю синтагматику относит к речи, однако, как справедливо отмечает Б. Н. Головин [21], как язык, так и речь характеризуются и парадигматикой, и синтагматикой.

Действительно, каждый текст (или каждая совокупность текстов) реализует какое-то ограниченное число разных языковых элементов, например слов. Каждое из этих разных слов обладает одинаковой, сравнительно

[21] *Б. Н. Головин.* К вопросу о парадигматике и синтагматике на уровнях морфологии и синтаксиса. «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие». М., 1969. См. также: *В. М. Солнцев.* Язык как системно-структурное образование. М., 1971, стр. 65.

с другими, парадигматической численной характеристикой. При группировке этих слов в классы, например, по частям речи, их равные доли в словаре текста будут давать в сумме разные численные объемы классов. При группировке по другому признаку — например, при выделении ключевых слов, терминов, заимствованных слов и т. д., суммарные веса слов будут перераспределяться, образуя новые по объему классы. Таким образом, парадигматические характеристики слов будут приобретать различное количественное выражение. Синтагматические их признаки, такие, как способность сочетаться с другими словами, также могут и будут приобретать различное количественное выражение. Численная мера парадигматики и синтагматики лингвистических явлений в тексте будет определяться соответственно через парадигматические и синтагматические частоты.

Однако и такого представления о синтагматике и парадигматике в речи недостаточно для описания реальных, наблюдаемых в тексте употреблений лингвистических элементов. Сочетание слов в фразеологические образования, в синтагмы, в предложения реализует синтагматические отношения между словами, синтагматические характеристики слов. Такие сочетания, как *в связи с* или *в отличие от* могут встретиться в тексте более чем однократно, скажем, по пять раз. Тогда цифра 5 будет численной синтагматической характеристикой (частотой) слов *связь* и *отличие*, если иметь в виду их сочетаемость со словами *в*, *с*, *от*, в данных трехсловных сегментах. Но слово *в* будет иметь, с другой стороны, еще и характеристику 10, показывающую его способность быть 10 раз употребленным в словосочетании; оно будет характеризоваться также и цифрой 2, показывающей реализованную способность войти в два словосочетания. Оно будет характеризоваться и другим, большим числом, свидетельствующим о его способности встретиться в тексте и в других сочетаниях, в других сегментах, о способности, которая проявится в его суммарной частоте в данном тексте. Различные ли это характеристики (соответственно проявления различных свойств), или они принадлежат к одному типу характеристик? Очевидно, что речевая синтагматика лингвистической единицы отражается не в одном виде частот. Следовательно, и синтагматические частоты нельзя квалифицировать однозначно только как суммарные частоты

употребления лингвистического элемента в тексте. Все они должны занять свое место в статистической схеме речевой деятельности.

Важным для развития статистической схемы речевой деятельности является вопрос о вероятностных аналогах для парадигматической вероятности классов элементов и синтагматической вероятности элементов, а также для синтагматической вероятности классов элементов. Первому явлению в математической теории вероятностей такой аналог существует; он представлен статистической вероятностью, оцениваемой при бесповторном исчерпывающем извлечении элементов из их конечной генеральной совокупности. Представление о конечной генеральной совокупности не противоречит представлению о языке: набор языковых элементов в каждый данный период времени может быть конечным или практически конечным. Если все элементы имеют в себе признак принадлежности к определенному классу, то полная исчерпывающая выборка даст точные значения парадигматической численности, т. е. и вероятности каждого класса. Допустим, что общее число элементов совокупности равно 1000, а число классов 10. Извлечение элементов (без возврата) из их совокупности даст точную картину вероятностных весов классов (см. табл 1).

Таблица 1

Парадигматические вероятности классов элементов

№ пп	Класс	Численность класса	Вероятность класса безотносительно к его численности	Вероятность класса с учетом его численности
1	А	500	0,1	0,5
2	Б	200	0,1	0,2
3	В	100	0,1	0,1
4	Г	50	0,1	0,05
5	Д	50	0,1	0,05
6	Е	20	0,1	0,02
7	Ж	20	0,1	0,02
8	З	20	0,1	0,02
9	И	20	0,1	0,02
10	К	20	0,1	0,02
Итого	10	1000	1,0	1,00

Таблица 2

Оценка вероятностей трехкомпонентных сочетаний из двух элементов на основе принципа безразличия
(по Р. Карнапу и К. Черри)

№ пп		Возможные сочетания элементов	Вероятность			
			при условии равновозможности		при условии неравновозможности	
групп	сочетаний		сочетания	класса сочетаний	сочетания	
1	1	NNN	1/8	1/3	1/3	0,3333
2	2	NNA	1/8	1/3	1/18	0,0555
	3	NAN	1/8		1/18	0,0555
	4	ANN	1/8		1/18	0,0555
	5	AAN	1/8		1/18	0,0555
	6	ANA	1/8		1/18	0,0555
	7	NAA	1/8		1/18	0,0555
3	8	AAA	1/8	1/3	1/18	0,0555

Четвертая слева колонка содержит указание на парадигматическую вероятность класса без учета его численности. В данном случае класс рассматривается как элемент класса более высокого уровня организации, поэтому интерпретация его вероятности такая же, как и в случае с парадигматической вероятностью элемента, т. е. парадигматическая вероятность соответствует классическому определению. В пятой колонке приведены вероятности с учетом численности класса, и в этом случае они могут рассматриваться как статистические вероятности.

Что касается синтагматических вероятностей элементов и классов элементов, то аналог для них может быть найден в карнаповской методике оценки априорных вероятностей на основе принципа безразличия. В схематическом виде эта методика представлена в табл. 2, заимствованной, с небольшими изменениями применительно к лингвистическому материалу, из работы К. Черри[22].

В таблице показаны восемь возможных трехкомпонентных последовательностей из двух элементов (например,

[22] *К. Черри.* Человек и информация. М., 1972, стр. 271.

имен существительных и прилагательных словаря английского научного текста) [23]. Сочетания разбиты на три группы: в первую входят сочетания, состоящие только из существительных, в третью — только из прилагательных, во вторую — из существительных и прилагательных. Каждой группе присваивается одна и та же вероятность $^1/_3$. Но группы должны быть разных размеров, поскольку они состоят из различных последовательностей. Затем вероятность, равная $^1/_3$, распределяется на основании принципа безразличия поровну между отдельными альтернативными последовательностями в пределах каждой группы. Это определяет вероятности каждой возможной последовательности из трех событий, перечисленных в двух последних столбцах. Эти вероятности уже не все одинаковы.

Такое применение принципа безразличия учитывает возможность накопления свидетельств и, следовательно, возможность обучения на основе опыта [24]. Допустим, извлечение двух единиц дало сочетание NN (номера сочетаний 1 и 2). Вероятность того, что при третьем извлечении окажется N, равна $^1/_3$ (0,3333), а вероятность извлечения A будет равна $^1/_{18}$ (0,0555). Отношение 6 к 1 в пользу N. При извлечении сочетания AN (номера 4 и 6) вероятность обнаружить при третьем опыте N или A равны (по $^1/_{18}$ или 0,0555 каждая).

Эта модель, как видно из табл. 2, может быть применена для описания синтагматических вероятностей классов элементов. Ее можно развернуть и для оценки синтагматических вероятностей самих элементов. Способность каждого элемента сочетаться с другим (на этом примере) измеряется равной величиной, а сочетаемость каждого из них с двумя подобными ему, с одним подобным и с одним элементом другого класса, различна — соответственно вероятности равны $^1/_3$, $^1/_3$, $^1/_6$ и $^1/_6$. Расчеты можно продолжить, взяв либо абстрактные примеры, наподобие

[23] Здесь, естественно, никоим образом не принимается в расчет реальная частота употребления этих сочетаний в тексте. Кроме того, под сочетанием имеется в виду «структурная формула» сочетания, но это не существенно для иллюстрации описываемого метода. Более развернутое наполнение модели может быть достигнуто путем оценки численности структурных типов и построения, как предлагает В. В. Богданов, матрицы сочетаемости единиц данного уровня.

[24] *К. Черри.* Указ. соч., стр. 272.

нашего, либо использовав материал кодифицированного описания соответствующего уровня языковой системы. Тогда может быть оценена, как только что было показано, и синтагматическая вероятность элемента системы.

Важным для развития статистической схемы речевой деятельности вопросом является вопрос о нормирующей вероятности, характеризующей уровень нормы. В. В. Богданов предлагает считать ее аналогом статистическую вероятность, что согласуется со статистической концепцией нормы, выдвинутой Р. Г. Пиотровским, и разделяется автором настоящей статьи. Однако здесь неизбежно возникают два частных вопроса. Первый из них относится к тому, входят ли в область действия нормы ограничения, накладываемые на парадигматику и синтагматику. Если да, то нормирующая вероятность предстает в двух планах — парадигматическом и синтагматическом, но в отличие от уровня системы синтагматика здесь отражается в статистических вероятностях элементов и классов элементов, а парадигматика — в выборе из предлагаемых системой элементов тех из них, которые должны быть реально использованы в речи и, соответственно, в перераспределении парадигматических вероятностей между отбираемыми элементами. Например, если в системе предусмотрен инвентарь из n элементов, а норма отбирает из него $n—m$ элементов, то парадигматическая вероятность в системе равна $1/n$, а в норме $1/n — m$.

Второй вопрос относится к природе нормирующей вероятности: определяется ли нормирующая вероятность только внутренними свойствами языка или, напротив, она определяется вероятностью ситуации, в которой происходит реализация языка в речи, или, может быть, нормирующая вероятность является результатом действия как собственно языковых, так и экстралингвистических факторов. Очевидно, третья точка зрения более отвечает действительности. Влияние вероятностей ситуаций на лингвистический компонент нормирующей вероятности создает аспект среды, который связан с квантитативными аспектами изучения речевой деятельности и должен найти свое место в обобщающей схеме этих аспектов.

Статистическая схема речевой деятельности может выглядеть теперь следующим образом:

1. Речевая деятельность (количественные характеристики).

Таблица 3

Обобщенная схема аспектов речевой деятельности

	Речевая деятельность	Системно-структурный аспект			Статистико-вероятностный аспект		Аспект среды
		Система	Структура		Вероятностный аналог (вероятность)	Лингвостатистическая характеристика	
ЯЗЫК	СИСТЕМА	Система возможных реализаций	Парадигматика	Элементы Классы	Класическая Статистическая	Языковая вероятность	—
			Синтагматика	Элементы Классы	Индуктивно-логическая априорная		
	НОРМА	Система обязательных реализаций	Парадигматика	Элементы Классы	Статистическая	Нормирующая вероятность	Вероятность ситуации
			Синтагматика	Элементы Классы			
РЕЧЬ	УЗУС	Система действительных обобщенных реализаций	Парадигматика	Элементы Классы	Статистическая	Речевая (узуальная) вероятность	Частота ситуации
			Синтагматика	Элементы Классы			
	(Собственно) РЕЧЬ	Система конкретных частных реализаций	Парадигматика	Элементы Классы	Статистическая	Речевая частота	Частота ситуации
			Синтагматика	Элементы Классы			

1.1 Язык (вероятности).

1.1.1. Система (языковые вероятности).

1.1.1.1. Парадигматика (парадигматические вероятности элементов и классов).

1.1.1.2. Синтагматика (синтагматические вероятности элементов и классов).

1.1.2. Норма (нормирующие вероятности).

1.1.2.1. Парадигматика (парадигматические вероятности элементов и классов).

1.1.2.2. Синтагматика (синтагматические вероятности элементов и классов).

1.2. Речь (речевые вероятности и частоты).

1.2.1. Узус (узуальные вероятности).

1.2.1.1. Парадигматика (парадигматические вероятности элементов и классов).

1.2.1.2. Синтагматика (синтагматические вероятности элементов и классов).

1.2.2. (Собственно) речь (речевые частоты).

1.2.2.1. Парадигматика (парадигматические частоты элементов и классов).

1.2.2.2. Синтагматика (синтагматические частоты элементов и классов).

Обобщенная схема аспектов речевой деятельности представлена в табл. 3.

Вопросы квантитативной интерпретации отношений между системой языка, языковой нормой, узусом и речью могут рассматриваться как в рамках теории языка и речи, так и в прикладном плане, в частности, при разработке основ квантитативной типологии текста. Эта языковедческая область объединяет в себе лингвистику текста и статистическое языкознание и тесно соприкасается с инженерной лингвистикой. Она может иметь выход в типологию языков, функциональных стилей, подъязыков, индивидуальных стилей и текстов. Изложенные выше взгляды базируются на опыте исследований группы «Статистика речи» и на концепциях ее руководителя проф. Р. Г. Пиотровского.

ВАРИАНТНЫЕ ФОРМЫ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ
(формы сравнительной степени)

М. И. Морозова

Разнородные явления языка, охватываемые понятием литературной нормы, можно (с неизбежной долей условности) разделить на два класса: 1) детерминированные системой языка — либо как строго обязательные, либо как недопустимые, и 2) не детерминированные системой языка, т. е. возможные, но не обязательные.

Первый класс языковых явлений укладывается в рамки двузначной логики, и в этих случаях граница между «правильно» и «неправильно» проходит четко и ясно. Второй класс явлений выходит за рамки двузначной логики и является объектом модальной логики, которая наряду с полярными оценками «правильно» (истинно) и «неправильно» (ложно) допускает промежуточный модальный член, способный варьироваться в определенных пределах: «возможно», «возможно, но нежелательно», «возможно и предпочтительно» и т. д.

Мы полагаем, что подлинным объектом нормативных исследований должен быть лишь второй класс языковых явлений — а именно, явлений, не детерминированных системой языка, колеблющихся в определенном интервале возможного в системе функционирующего языка определенной эпохи. В отношении таких явлений оправданы колебания нормативных оценок и нормативные рекомендации, основанные на двух общепризнанных критериях: 1) эстетическом, или «вкусовом», который определяется преимущественно культурной традицией функционирования литературного языка, 2) количественном, который определяется частотой того или иного явления в статистической совокупности однопорядковых явлений.

Оба критерия нормативности взаимосвязаны, так как обычно те вариантные формы, которые получают более высокую оценку с точки зрения языковой эстетики образованной части общества, одновременно являются и наиболее частотными в речи носителей литературного языка. Но возможны и «конфликтные ситуации» в случае распространения новообразований: эстетический вектор может указывать на предпочтительность старой, традиционной формы, в то время как вектор количественный может быть

направлен в сторону новой формы и указывать на ее фактическую распространенность в литературном языке. В таких ситуациях двузначная логика с ее безапелляционными суждениями «правильно — неправильно» может оказаться непригодной и нормативными могут быть признаны конкурирующие вариантные формы.

В качестве другого исходного понятия в настоящем исследовании следует принять понимание языка как вероятностной системы, поведение которой подчиняется общим законам поведения вероятностных систем. Устойчивость, надежность функционирования таких систем обеспечивается подвижностью, мобильностью составляющих ее элементов. Между морфологическими формами и синтаксическими конструкциями как единицами высшего уровня не существует строго однозначного соответствия. Наличие взаимозамещаемых грамматических вариантов говорит о том, что высказывания, обладающие функциональной синонимичностью в системе языка, могут быть сконструированы из различных вариантных компонентов — следовательно, отношения между вариантными единицами нижнего уровня и теми синтаксическими единицами, в составе которых они функционируют, подчиняются вероятностным законам. Таким образом, варьирование и вероятностный характер функционирования единиц в микросистемах языка необходимо связаны с устойчивостью языковой системы в процессе коммуникации. Они являются одним из факторов, обеспечивающих надежность функционирования динамических структур верхних уровней языка (синтаксического, супрасинтаксического) в меняющихся условиях общения.

В статье делается попытка выявить, какие *внутренние* (обусловленные системой языка) и *внешние* (обусловленные сферой коммуникации, функциональным стилем речи) факторы влияют на выбор той или иной формы прилагательного. Вариативность форм свойственна имени прилагательному на всех ступенях сравнения, так что вариантные формы прилагательного образуют многоступенчатую функциональную подсистему, относительно автономную в системе языка. Однако из этой подсистемы мы рассмотрим только две группы вариантов, наиболее резко разграниченные и выражающие признак сравнительной степени: 1) синтетические формы, со всеми разновидностями суффиксальных и префиксальных обра-

зований (*сильнее*, *сильней*, *посильнее*) — в формулах обозначены «с» и 2) аналитические, с разновидностями, образуемыми краткой и полной формой прилагательного (*более сильный*, *более силен*) — в формулах обозначены «а».

Известно, что функциональное тождество вариантных форм необязательно бывает полным, всеобъемлющим, но оно непременно распространяется на их доминантный признак, относительно которого они могут рассматриваться как тождественные. Так, в случае вариантных форм сравнительной степени прилагательного (Тень стала *резче* — Тень стала *более резкой*) тождественным у них является грамматический признак сравнительной степени, который обеспечивает им возможность одинакового синтаксического функционирования в речи. Однако совокупность всех грамматических признаков у них не совпадает: признаки рода, числа и падежа, присущие аналитической форме, отсутствуют у синтетической. Такие грамматические варианты находятся в отношении частичного сходства (по доминантному признаку) и частичного различия, которое легко нейтрализуется при их функционировании в составе синтаксической единицы.

Между возможностями, которые потенциально имеют синтетические и аналитические формы в системе языка, и реализацией этих возможностей в речевом функционировании наблюдается несоответствие: в системе языка аналитические варианты обладают потенциальным преимуществом перед синтетическими, однако в речевом функционировании синтетические формы нередко оказываются более частотными в тех случаях, когда возможны обе формы. Чем это объясняется? Какие факторы влияют на выбор той или другой формы? И всегда ли выбор одной из них является вопросом литературной нормы?

Для выяснения этого мы постарались как можно более уравнять условия, в которых осуществляется выбор одной из возможных вариантных форм. С этой целью: 1) мы считали только равновозможные варианты, реально существующие в данное время в структуре языка, 2) расчлененно рассматривали частоту употребления вариантов в разных речевых условиях, выявляя, какие факторы влияют на выбор формы. К числу внутрисистемных языковых факторов можно отнести такие, как широта охвата лексики тем и другим способом формообразования (состав разных лексем в общем числе словоупотреблений) и тип синтак-

сической конструкции, в которой осуществляется выбор того или другого варианта. К числу внешних факторов, влияющих на выбор вариантной формы прилагательного, можно отнести функциональный стиль речи. Он отражает целевую установку речевого общения и более всего связан с нашим пониманием языковой нормы. По-видимому, он определяет синтаксическую структуру текстов, а уже последняя, в свою очередь, влияет на выбор морфологического варианта в составе синтаксических конструкций. Таким образом, связь функционального стиля речи (фактора социального) с выбором морфологического варианта опосредована синтаксической структурой текста и частотой в нем тех или иных синтаксических конструкций.

В настоящей статье объем наблюдаемого материала составляют 1150 форм сравнительной степени прилагательного. Формы эти малочастотны в речи, поэтому объем обследованных нами текстов составил около 1 млн. словоформ (при том, что несоотносительные синтетические формы типа *больше*, *меньше*, *лучше* и т. п. и несоотносительные аналитические формы типа *более трудоемкий*, *более кинематографический* и т. п. не считались). Все выборочные данные относятся к одному синхронному срезу — 60-м годам нашего века. Были сделаны сплошные выборки вариантных форм сравнительной степени из текстов трех стилей: научного биологического — 500 форм, публицистического — 400 форм и художественной литературы — 250 форм [1].

Доля (удельный вес) синтетических и аналитических форм в выборках из текстов трех стилей оказалась различной настолько, что может служить характеристической чертой стиля. Однако поскольку объем выборок (общая

[1] Научный биологический стиль представлен выборками из журнала «Цитология», сборников «Радиационная генетика», «Проблемы регенерации и клеточного деления», «Вопросы цитологии и протистологии», монографии Н. П. Дубинина «Молекулярная генетика и действие излучений на наследственность». Публицистический стиль представлен выборками из газет «Правда» и «Экономическая газета». Из них выбирались только статьи по вопросам внешней и внутренней политики и экономики; жанр художественных очерков, фельетонов, спортивных хроник был исключен из обследования. Стиль художественной литературы представлен выборками из рассказов С. Антонова, В. Солоухина, повестей Вас. Аксенова, А. Рекемчука, А. Гладилина, П. Проскурина, Б. Балтера, Г. Бакланова, В. Тендрякова, А. Битова (по 25 форм из произведений каждого автора).

совокупность набранных форм сравнительной степени) был в нашей работе неодинаковым по трем стилям, то, чтобы сделать сравнимыми наши данные, придется проводить их сопоставление не по абсолютным числовым показателям, а по частостям, т. е. по относительным величинам, которые выражают отношение абсолютного числа форм того или иного варианта к числу всех вариантных форм сравнительной степени в данной совокупности вариантов. Покажем, как производилось вычисление частостей, на примере общих данных об относительной частоте вариантов в трех наших выборках.

Так, абсолютное число синтетических форм в выборке из текстов научной биологической литературы, в совокупности из 500 вариантов, составило 135 форм, значит, относительная частота их, точнее частость, определяется отношением 135с : 500 = 0,27; абсолютное число синтетических форм в выборке из текстов публицистического стиля, в совокупности из 400 вариантов, составило 120 форм, значит, частость их определяется отношением 120с : 400 = 0,30; абсолютное число синтетических форм в выборке из текстов художественной литературы, в совокупности из 250 вариантов, составило 205 форм, значит, их частость определяется отношением 205 с : 250 = 0,82. Соответственно частость аналитических форм в текстах научного стиля определяется отношением 365с: 500 = = 0,73; частость аналитических форм в текстах публицистического стиля определяется отношением 280а : 400 = = 0,70; частость аналитических форм в текстах художественной литературы определяется отношением 45а : 250= = 0,18. Эти данные сведены в табл. 1.

Как видим, эти общие недифференцированные данные уже отражают большое различие стилей современной русской речи по употребительности вариантов сравнительной степени: в научном и публицистическом стилях доля ана-

Таблица 1

Формы	Стиль		
	научный	публицистический	худож. лит-ра
Синтетические	0,27	0,30	0,82
Аналитические	0,73	0,70	0,18

литических форм примерно в два раза больше доли синтетических форм, в то время как в языке художественной литературы доля аналитических форм примерно вчетверо меньше доли синтетических форм. Заметим, кстати, что по соотношению вариантов сравнительной степени прилагательного публицистический стиль характеризуется как книжный (приближается к научному). Выяснению причин столь резкого различия стилей по содержанию вариантов сравнительной степени мы и посвятим последний анализ.

Рассмотрим сначала факторы внутрисистемные, которые обусловливают выбор одного из вариантов.

Наибольшее влияние на выбор вариантной формы оказывает синтаксическая функция: во всех стилях литературной речи в предикативной функции преобладают синтетические формы, в атрибутивной функции преобладают аналитические формы, что в известной мере предписано системой языка, как говорилось выше (разной способностью к изменяемости и согласованию).

При сравнении выборочных данных можно заметить большую разницу между стилями по частоте синтаксических функций, в которых встретилась одна из форм сравнительной степени: в книжных стилях наиболее частотной является атрибутивная функция, в языке художественной литературы — предикативная функция, причем более высокой частоте атрибутивной функции соответствует более высокая частота употребления аналитических форм, более высокой частоте предикативной функции соответствует более высокая частота употребления синтетических форм. Следовательно, синтаксическая структура текстов в известной мере предопределяет разные возможности выбора аналитических форм в научном и публицистическом стилях и синтетических форм в языке художественной литературы.

Тем не менее стилистический фактор все же оказывает известное, хотя и не определяющее, влияние на выбор вариантной формы. Это можно выявить, наблюдая за колебанием частости вариантных форм в предикативной функции, так как именно в позиции сказуемого взаимозаменяемость (вариативность) форм используется особенно широко. По выборочным данным, частости синтетических форм в функции сказуемого по стилям речи таковы: в материалах устной речи зафиксированы одни только

синтетические формы, т. е. их относительная частота близка к 1. В сплошных выборках из текстов художественной литературы в предикативной функции всего было отмечено 192 формы сравнительной степени, из них синтетических 175 форм, т. е. их $p \approx 0{,}91$. В выборке из текстов биологической литературы всего было отмечено в предикативной функции 205 форм, из них синтетических 127, т. е. их $p \approx 0{,}62$. В выборке из газетных текстов относительная частота синтетических форм в числе форм, употребленных в синтаксической функции, $p \approx 0{,}73$. Таким образом, в стилях речи, близких к разговорному, содержание синтетических форм в числе форм, употребленных в предикативной функции, поднимается выше 90%, в книжных стилях оно снижается за счет увеличения доли аналитических форм до 60—70%.

Соотношение синтетических и аналитических форм в предикативной функции публицистического стиля ближе к соотношению этих форм в научном стиле и в данном частном случае сближает его с книжными стилями.

Примеры употребления вариантных форм сравнительной степени в предикативной функции из текстов разных стилей: 1) частотный случай — синтетические формы в функции сказуемого: Позиции доллара сейчас *слабее*, чем когда-либо после второй мировой войны («Правда», 1968, № 71); Цитоплазма оказывалась *беднее* тиоловыми соединениями по сравнению с контролем («Цитология», 1963, № 1); Электрическую лампу погасили, чтобы *эффектнее* был свет от печки (С. Антонов, В одну ночь); 2) малочастотный случай — аналитические формы в функции сказуемого: Первичные парторганизации с т а л и *более крупными* по своей численности... («Правда», 1966, № 157); Снимем шапки перед наукой... Она в состоянии с д е л а т ь руку *более сильной*, глаз *более зорким*, даже мозг *более проворным* (В. Тендряков, Чрезвычайное).

Преобладание синтетических форм в предикативной функции в современном языке понятно — это их старая синтаксическая функция, которую они выполняли до появления в русском языке аналитических форм сравнительной степени. Такое использование синтетических форм более устойчиво в тех стилях, которые теснее связаны с устной речью, потому, что частая повторяемость форм в речи прочнее закрепляет их в языковом сознании говорящих и обеспечивает им большую стабильность в струк-

туре языка (наблюдение, сделанное еще младограмматиками). Более того: выбор вариантной формы в функции сказуемого в известной мере зависит от частоты повторяемости целой предикативной конструкции, образуемой сочетанием служебного глагола с формой сравнительной степени прилагательного. В более частотных предикативных конструкциях прочнее сохраняется частотное преобладание старых, синтетических форм над новыми, аналитическими.

По данным выборки из текстов биологической литературы были подсчитаны абсолютные частоты вариантных форм сравнительной степени, встреченных в сочетании с разными служебными глаголами.

Таблица 2

Глагол	Всего	Синтетические формы	Аналитические формы
Быть	137	101	36
Казаться (оказаться)	27	10	17
Стать (становиться)	19	13	6
Являться	9	—	9
Делать-ся (сделать-ся)	7	2	5
Разные *(представляться, получаться, считаться и др.)*	6	1	5

Судя по этим данным, служебный глагол оказывает влияние на выбор той или иной формы сравнительной степени. При глагольной связке *быть* преимущественно употребляются синтетические формы (чаще всего при нулевой связке): Частота мутирования при остром облучении в семь раз *выше*, чем при хроническом («Радиационная генетика»). Аналитические формы в этой конструкции встречаются значительно реже: Первые клетки имеют меньшую величину, вторые значительно *более крупные*, неспособные к делению («Цитология», 1963, № 1). При этом значительная часть из них приходится на несклоняемые аналитические формы, образованные от кратких прилагательных: Определения ее объема *более точны*, чем других хромосом («Цитология», 1963, № 4).

При глаголе *стать — становиться* предпочтительнее употребляются синтетические формы: Очертания гранул *становятся определеннее*, а форма правильнее («Цито-

логия», 1963, № 4). Реже выбираются аналитические формы: При возбуждении животного окраска *становится более темной* («Вопросы цитологии и протистологии»).

При глаголах *казаться*, *оказаться* — *оказываться* возможны те и другие формы, но незначительный перевес, по-видимому, имеют формы аналитические: Нам *кажется более вероятным* предположение, что структурные сдвиги..; Процент хромосомных перестроек *оказался несколько выше* («Цитология», 1963, № 4).

При глаголе *являться* отмечены только аналитические формы. Видимо, это связано с книжной стилистической окраской предикативной конструкции, содержащей этот глагол,— в выборке из текстов художественной литературы конструкция с этим глаголом не встретилась. Примеры: Эта культура *является* гораздо *более старой*, чем остальные («Цитология», 1963, № 6); Тоническая деятельность скелетных мышц *является* филогенетически *более древней* по сравнению с деятельностью тетанических мышечных волокон («Цитология», 1962, № 3).

При глаголах *делаться*, *представляться*, *оставаться*, *считать* и др., которые реже встречаются в конструкциях с формой сравнительной степени прилагательных, нами отмечены только аналитические формы: Вся структура пробки *делается более аморфной и плотной* («Проблемы регенерации»); Интерес рассматриваемого явления для белковой теории *представляется* в настоящее время *более обоснованным* («Вопросы цитологии и протистологии»); В период интенсивного синтеза РНК содержание СПРН *остается более низким* по сравнению с РНК («Цитология», 1963, № 6); Авторы *считают более вероятным* последнее предположение («Цитология»,1962, № 1).

Сравним две полярные по частоте группы предикативных конструкций: с одной стороны, конструкции форм сравнительной степени с глаголом *быть*, встретившиеся в выборке более 100 раз, и с другой стороны, группу конструкций с глаголами, каждый из которых встретился менее 10 раз — *делать-ся* (*сделаться*), *являться*, *представляться*, *считать*, *оставаться*, *получаться*. В первой группе, частотных конструкций, отношение числа употреблений синтетических форм к числу употреблений аналитических форм составило в выборке 101с : 36а $\approx$ 3 : 1. Во второй группе, малочастотных конструкций, то же отношение составило в сумме 3с : 19а $\approx$ 1 : 6. Налицо

явный контраст: чем частотнее предикативная конструкция с данным служебным глаголом, тем чаще в ней выбирается синтетическая форма — чем реже предикативная конструкция со служебным глаголом, тем реже в ней выбирается синтетическая форма и чаще аналитическая.

Частая повторяемость в речи синтаксической структуры делает ее более стандартизованной, закрепляет связь между частями, вследствие чего она становится более консервативной к проникновению в нее новых форм. Редкие конструкции, в меньшей степени стандартизованные, повышают возможности выбора новых форм. Синтетические формы обнаруживают связь с традиционными для них сферами синтаксического функционирования: прежде всего, с предикативной функцией, а затем с наиболее частотными предикативными конструкциями. Аналитические формы свободнее функционируют в тех сферах, которые традиционно не заняты синтетическими формами: прежде всего, в атрибутивной функции, в предикативной же функции — в малочастотных конструкциях.

Из этого следует, согласно нашему пониманию нормы, что в предикативной функции нормативны обе вариантные формы сравнительной степени прилагательного. При этом оценки нормативности несколько колеблются: синтетические формы «возможны и предпочтительны» в позиции сказуемого, аналитические формы «возможны, но менее желательны».

Перейдем теперь к рассмотрению атрибутивного функционирования вариантов сравнительной степени. В атрибутивной функции научного и публицистического стилей абсолютно преобладают аналитические формы. Из этого можно заключить, что выбор их в позиции определения обусловлен (детерминирован) системой языка и не является вопросом литературной нормы. Так, в выборке из текстов биологической литературы в атрибутивной функции встретилось всего 295 вариантных форм сравнительной степени, из них только 10 синтетических. Таким образом, их частость составила $p = 10 : 295 = 0{,}03$. В выборке текстов публицистического стиля в атрибутивной функции встретилось всего 244 формы (из 400), из них только одна форма — синтетическая. Таким образом, частость синтетических форм в публицистическом стиле близка к 0: $p = 1 : 244 \approx 0{,}004$. Эти частотные характеристики говорят о том, что в книжных стилях современ-

ного русского языка выбор аналитических форм в позиции определения предопределен системными факторами, употребление же синтетических форм в этой позиции можно рассматривать как случайное, как отступление от выбора, предписываемого системой языка.

Рассмотрим подробнее распределение частот (абсолютных числовых показателей) по позициям отдельных падежей в выборке из текстов биологической литературы:

	Синтетическая форма	Аналитическая форма
Им.	3	72
Род.	1	55
Дат.	—	7
Вин.	2	61
Твор.	—	28
Предл.	3	65

Примеры употребления аналитических форм:

Им. п. В клетку бактерии проникает биохимически *более могущественная* генетическая программа (Н. П. Дубинин, Молекулярная генетика...). Вариантная форма *могущественнее* существует, но подстановка ее в этот контекст невозможна.

Род. п. Наши и будущие эпохи — это эпохи все *более интенсивного* и *широкого* использования энергии атома («Радиационная генетика»). Здесь также невозможна замена аналитических форм синтетическими *интенсивнее* и *шире*.

Дат. п. Такое положение в системе координат неизбежно должно способствовать *более легкому* проявлению парадоксальных взаимоотношений между силой раздражения и величиной ответной реакции («Вопросы цитологии и протистологии»). Подстановка формы *легче* в этот контекст невозможна.

Вин. п. По мере течения профазы хроматиды спирализуются и утолщаются, образуя все *более крутые* завитки (Н. Дубинин, Молекулярная генетика и действие излучений на наследственность). Подстановка здесь формы *круче* невозможна.

Твор. п. Расстояние между *более отдаленными* метками увеличилось менее резко («Проблемы регенерации и клеточного деления»). Подстановка формы *отдаленнее* здесь невозможна.

Предл. п. Это действие проявляется в *более высокой* концентрации, чем у трифенилметановых («Вопросы цитологии и протистологии»). Здесь подстановка формы *выше* тоже невозможна.

Отметим, что замена аналитической формы синтетической сопровождается изменением препозиции на постпозицию. В контекстах, где подстановка синтетического варианта вместо аналитического невозможна, сочетание прилагательного с существительным обременено дополнительно определяющими словами, относящимися либо к форме прилагательного, либо к существительному: *все* более интенсивного использования энергии атома; *биохимически* более могущественная генетическая программа; *все* более крутые завитки. Благодаря этому после перенесения формы прилагательного в постпозицию оно оказывается отделенным от определяемого существительного другими словами.

Примеры употребления синтетических форм в сочетании с разными падежными формами существительного:

Им. п. Температуры как *ниже*, так и *выше* оптимального уровня уменьшают эффективность закалки («Цитология», 1962, № 3).

Род. п. Частоты мутирования, доказанные для доз *выше* 2 р, полностью сохраняют свое значение при любых дозах («Радиационная генетика»).

Дат. п.— нет.

Вин. п. Величину коэффициента распределения, значительно *ниже* единицы, полученную для цианола, можно объяснить пониженной растворимостью цианола в воде («Цитология», 1963, № 4).

Твор. п.— нет.

Предл. п. При температурах *ниже* пороговых деление клеток у данных видов растений начаться не может («Цитология, 1963, № 5—6); Мутации возникают в овоцитах при облучении мышей в дозах *выше* 25 р («Радиационная генетика»).

Можно заметить, что в этих примерах многократно повторяются формы прилагательных *выше* и *ниже* — самые частотные среди форм сравнительной степени в современных биологических текстах. Таким образом, состав лексем прилагательных, употребляемых в атрибутивной функции, очень ограничен.

Все синтаксические конструкции, содержащие синтаксические формы сравнительной степени, могут быть трансформированы в конструкции с аналитическими формами, но такая трансформация сопровождается усложнением (расчленением) конструкции за счет введения сравнительного оборота вместо родительного объекта: при температурах *ниже* пороговых → *при более низких* температурах, чем пороговые; для доз *выше* 2 р → для *более высоких* доз, *чем* 2 р, и т. п. Поэтому редкие случаи, когда в атрибутивной функции синтетические формы предпочитаются аналитическим, могут быть объяснены стремлением более сжато выразить сравнение. Избирается более свернутая синтаксическая конструкция, в которой функционирует синтетическая форма сравнительной степени.

Наконец, можно отметить, что в большинстве случаев синтетическая форма, стоящая в постпозиции, занимает контактное положение относительно определяемого имени: при температурах *ниже* пороговых; в дозах *выше* 25 р, для доз *выше* 2 р и т. д.

Нет сомнения, что возможности атрибутивного функционирования аналитических форм сравнительной степени значительно шире, чем возможности неизменяемых синтетических форм. Синтаксическая конструкция, содержащая синтетическую форму, всегда может быть трансформирована в конструкцию с аналитической формой, обратное же не всегда возможно.

По-видимому, более широкие возможности атрибутивного функционирования аналитической формы объясняются ее падежной изменяемостью, способностью согласоваться с формой определяемого имени. Благодаря тому, что ее зависимость от имени получает формальное выражение, она приобретает бóльшую позиционную свободу в предложении.

Между тем сильное отклонение от частностей, которые дали выборки из книжных стилей, обнаружилось в выборке из текстов художественной литературы. В выборке из 250 форм в атрибутивной функции встретилось всего 56 форм сравнительной степени, по 28 форм синтетических и аналитических, т. е. частость синтетических форм в позиции определения в выборке из текстов художественной литературы составила $p = 28 : 56 = 0{,}50$.

Такая необычайно высокая частость синтетических форм в атрибутивной функции несомненно выходит за рам-

ки, предопределенные системой языка, и является следствием каких-то побочных факторов. Рассмотрим эти факторы.

1) Большую группу составляют особые формы с приставкой *по-*: *потолще*, *поплотнее*, *пореже*, *пониже*, *потяжелее*, *понастойчивее*, *поумнее*, *покрупнее*, *помоложе* и др. Приставка *по-* в них ослабляет признак сравнения, и формы эти нередко выражают безотносительно высокую степень качества. Возможно, поэтому они обычно употребляются в конструкциях, не содержащих объекта сравнения: Осмотревшись и расправив плечи, крестьянин из множества встречных выбрал господина *посолиднее* и *поважнее*... (С. Антонов, Визит); Внизу шмыгнула стайка мелочи *покрупнее* (Вас. Аксенов, Звездный билет); Как раз я наклонился, чтобы слепить шарик *потяжелее*... (В. Солоухин, Мститель); Семьи с мужиками рубили избы, а там, где остались одни бабы, копали яму *попросторнее*... (П. Проскурин, Горькие травы). Формы эти имеют разговорную окраску. Сферой их распространения является устная речь и язык художественной литературы. В наших выборках только одна форма встретилась в языке газеты, и та в устойчивом, сугубо разговорном обороте (*взвалить на себя ношу потяжелее*).

2) Другую значительную группу составляют синтетические формы, употребленные в особых отрицательных конструкциях с усилительным значением, аналогичным значению превосходной степени: Ничего *страшнее* этих слов я не слышал (Б. Балтер, До свидания, мальчики!); И нет ничего *сложнее* внутреннего мира человека (В. Тендряков, Чрезвычайное); Никогда я не ел яиц *вкуснее* этих (В. Солоухин, Мститель); ...И нет на ней ни одного дома *моложе* 400 лет (Вас. Аксенов, Звездный билет). В текстах 1960-х годов аналитические формы в этих конструкциях очень редки. Сферой распространения таких конструкций также является устная речь, язык художественной литературы и редко — язык публицистики, например: Сейчас нет задачи *важнее*, чем успешное выполнение годового плана («Правда», 1966, № 157).

3) Несколько синтетических форм в атрибутивной функции встретилось в сочетании с местоимением *всех*. Сочетание это тоже имеет значение превосходной степени и является довольно устойчивой разговорной конструкцией: Да, Петька Москаленко. Худой, длинный, *выше*

всех в классе, с маленькой головой... (Г. Бакланов, Июль 41 года).

Таким образом, употребление синтетических форм в атрибутивной функции связано с небольшим числом устойчивых синтаксических конструкций. Они особенно частотны в разговорном стиле речи и потому широко представлены в языке художественной литературы.

Рассмотрим случаи стилистически нейтрального употребления синтетических форм в атрибутивной функции: Мы уже говорили раньше, что движение *быстрее* света невозможно (Д. Я. Мартынов, Века и мгновенья); Мысли одна *мрачнее* другой раздирали мозг (С. Пророкова, Левитан); Температуры как *ниже*, так и *выше* оптимального уровня уменьшают эффективность закалки («Цитология», 1962, № 3); Частоты мутирования, доказательные для доз *выше* 2 р, полностью сохраняют свое значение при любых дозах («Радиационная генетика»).

Синтаксические условия употребления здесь синтетических форм отличаются от условий употребления аналитических форм: 1) синтетические формы в атрибутивной функции стоят в постпозиции — аналитические формы в препозиции (не считая обособленных определений); 2) как правило, синтетическая форма непосредственно примыкает к определяемому существительному и не осложнена определяющими словами, благодаря чему вся конструкция предельно сжата, компактна. По сравнению с ними конструкции, содержащие аналитические формы, часто бывают осложнены различными определяющими словами, например: Такое положение в системе координат неизбежно должно способствовать *более легкому* проявлению парадоксальных взаимоотношений между силой раздражения и величиной ответной реакции («Вопросы цитологии и протистологии») — трансформация такой осложненной конструкции в конструкцию с синтетической формой (*проявлению легче*) невозможна; 3) синтетические формы в атрибутивных конструкциях имеют при себе объект сравнения в форме родительного падежа имени (это правило необязательно для форм с приставкой *по-*); при аналитических формах в атрибутивных конструкциях объект сравнения или отсутствует, или выражен сравнительным оборотом — зависимость его от формы сравнительной степени неизмеримо слабее. В логическом плане

синтетическая форма сравнительной степени в конструкциях типа *температуры ниже пороговых*, *мысли одна мрачнее другой* выступает в роли предикативной связки, выражающей отношение между двумя сравнительными объектами. Вся атрибутивная конструкция, содержащая синтетическую форму сравнительной степени, обладает потенциальной предикативностью и, вырванная из контекста, она может стать реальной предикативной конструкцией, т. е. образовать законченное предложение, например: *Мои мысли одна мрачнее другой.* Трансформация атрибутивной конструкции с синтетической формой в атрибутивную конструкцию с аналитической формой (например: *движение быстрее света → более быстрое движение, чем движение света*) приводит к ослаблению полупредикативного отношения, выражаемого синтетической формой, и замене его более слабым атрибутивным отношением. Следовательно, при такой трансформации неизбежен сдвиг в логической структуре мысли (в плане содержания) — строго говоря, такая трансформация неправомерна.

Рассмотренные синтаксические условия атрибутивного функционирования синтетических форм делают понятным преимущество аналитических форм: они не связаны с узким кругом синтаксических конструкций, как синтетические формы, отличающиеся гибкостью и приспособляемостью к сложным синтаксическим условиям,— могут быть отделены от определяемого имени другими словами, допускают наличие при имени зависимых слов. Выражаемое ими отношение сравнения двух объектов гораздо слабее, чем отношение, выражаемое синтетической формой, поэтому в сложном высказывании оно легко отодвигается на второй план и уступает место более важным информационным структурам предложения.

Немаловажную роль играет способность аналитических форм к падежному изменению и согласованию с именем (возможность, предписываемая системой языка). Благодаря падежному изменению связь формы с именем получает внешнее выражение, и ясную синтаксическую зависимость не могут нарушить слова, вклинивающиеся между аналитической формой и существительным, например: Расшифровка этого кода составляет *более узкую по масштабам* задачу («Цитология», 1962, № 2); От него отходило тянущее *волокно веретена*, *более широкое* вначале и постепенно утончающееся к полюсу («Вопросы ци-

тологии и протистологии») — падежное окончание аналитической формы указывает на связь ее с первым из двух существительных, стоящих впереди. Следовательно, падежная изменяемость обеспечивает более широкие позиционные возможности аналитической формы. Напротив, неизменяемость синтетических форм вынуждает ее к позиционной связанности. Будучи отделена от определяемого имени, она теряет отчетливую смысловую связь с ним и может быть отнесена к глаголу. Например: Задний конец дает реакцию намного *слабее*, чем передний («Цитология», 1963, № 5) — здесь форма *слабее* может быть отнесена как к существительному (*реакция слабее*), так и к глаголу (*дает слабее*, т. е. более слабо). Ясность синтаксических зависимостей нарушается.

Из работы следует несколько выводов:

1) В книжных стилях литературной речи выбор вариантной формы сравн. степени прилагательных подчиняется в основном требованиям системы языка. В разговорном стиле на выбор вариантных форм сравн. степени сильнее влияют факторы нормативного порядка: традиционность формы, устойчивость синтаксической конструкции с определенным морфологическим компонентом, высокая частость в речи небольшого числа таких конструкций и т. п.

2) В предикативной функции нормативны оба варианта сравн. степени прилагательного. Однако вероятность выбора синтетической формы выше в разговорном стиле речи, где сильнее действуют нормативные факторы; вероятность выбора аналитической формы повышается в книжных стилях литературной речи, где сильнее проявляются факторы системного порядка.

3) В атрибутивной функции система языка предписывает выбор изменяемых аналитических форм, и наиболее последовательно эта системная обусловленность выбора аналитических форм проявляется в книжных стилях литературной речи.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ ВЫСОКОЙ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ

В. М. Богуславский

В последние годы все большую актуальность в русском языкознании приобретает изучение функционирования языка в процессе межличностной и коллективной коммуникации с точки зрения оценки говорящими и пишущими употребляемых ими средств выражения, выбора вариантных средств и мотивов этого выбора. Объектом описания являются случаи, когда оценка речи находит эксплицитное выражение в самом тексте. Оценки речи рассматриваются как «дополнительный, но существенный источник информации об изучаемых языковых явлениях в плане их употребления» [1]. В настоящей работе предпринята попытка описания такого явления, когда оценочное отношение к фактам речи не получает эксплицитного выражения в тексте, когда мотивы того или иного средства выражения связаны с узуальными оценочными представлениями о слове и нормативности его употребления, однако эти представления не всегда достаточно четко осознаются носителями языка и нередко сочетаются с индивидуальными оценками слова, с приписыванием слову таких семантико-стилистических и ассоциативных связей, которые не всегда соответствуют узусу. Последнее обстоятельство обусловливает необходимость обращения к такому аспекту описания языковых явлений, как «человек и его язык», так как известно, что «говорящие по-разному используют ресурсы языка, следовательно, и их позиция в сфере литературного языка оказывается несходной. Лингвист имеет полное право интересоваться не только языком, но и отношением человека к этому языку. Больше того. Без освещения второго вопроса и первый получает одностороннее истолкование. Язык описывается сам по себе, как бы вне «человеческого» его восприятия. Между тем сама проблема «человек и его язык» должна опираться не только на описание функционирования языка, но и на осмысление подобного функционирования людьми опре-

[1] *Б. С. Шварцкопф.* Оценки говорящими фактов речи (лингвистический аспект). Автореф. канд. дисс. М., 1971, стр. 9; *Он же.* Проблема индивидуальных и общественно-групповых оценок речи. «Актуальные проблемы культуры речи». М., 1970.

деленной эпохи и определенного общества, независимо от того, являются ли эти люди писателями или «просто говорящими». До последнего времени лингвистика и стилистика интересовались почти исключительно первыми и очень мало вторыми» [2]. Речь идет о численно большой и широкоупотребительной группе слов, используемых в речи для непосредственного выражения высоких положительных оценок.

Как отмечал А. М. Горький, в русском языке «кроме слов: хорошо, отлично, есть еще немало хвалебных слов, например: славно, прекрасно, великолепно, неподражаемо, совершенно, удивительно, замечательно, изумительно, чудесно, обаятельно, даровито, талантливо и т. д.» [3]

Если понятие «хвалебное слово» интерпретировать как «слово, обозначающее высокую положительную оценку» (ВПО), то выражать эту оценку, по нашим подсчетам, может 220 прилагательных. Многие слова в этом значении не зафиксированы в толковых и синонимических словарях. Вычленение прилагательных, объединяемых выражением ВПО, проводилось в два этапа. Сначала по толковым и синонимическим словарям был составлен лексический перечень, который затем был дополнен самостоятельно собранным материалом (1000 примеров из газетных текстов) [4]. «Газетный язык», как известно, отражает типичные процессы живого языкового употребления, фиксирует сдвиги и позиции, присущие разговорному языку, газетная речь обращена к массовой аудитории и ориентирована на ее речевые навыки [5]. Ориентацию на массовую аудиторию мотивирует и то обстоятельство, что газетное словоупотребление, способы сочетаемости слов, с одной стороны, отражают навыки массового читателя, а с другой —

---

[2] *Р. А. Будагов.* Человек и его язык.— ВЯ, 1970, № 6, стр. 11—12.

[3] *А. М. Горький.* Беседа.— В кн.: *М. Горький.* О литературе. Литературно-критические статьи. М., 1953, стр. 745—746.

[4] Для составления списка использовались: «Словарь современного русского литературного языка», т. 1—17. М.— Л., 1950—1965; «Словарь русского языка», т. 1—4. М.—Л., 1957—1961; «Словарь синонимов русского языка», т. 1—2. Л., 1970—1971; *З. Е. Александрова.* Словарь синонимов русского языка. М., 1968. Отбор фактического материала производился из газет «Известия», «Литературная газета», «Комсомольская правда» и харьковской областной газеты «Красное знамя» с 1970 по 1973 г.

[5] *Н. Ю. Шведова.* Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., 1966, стр. 10—11.

в определенной степени влияют на них, служат свидетельством и образцом нормативности. Это и позволяет считать газетный материал наиболее подходящим для целей настоящей работы.

Ядро поля ВПО составила синонимическая группа, состоящая из слов *прекрасный*, *великолепный*, *превосходный*, *замечательный*, *отличный*, *отменный*, *мировой*. Члены этой синонимической группы, за исключением слов *отменный* и *мировой*, характеризуются высокой частотностью употребления. По данным частотных словарей, а также нашей выборки, они обладают следующими показателями:

Таблица 1

	Слово	I	II	III	IV	V
I	*прекрасный*	50/65	10	39	18/8	58
	замечательный	44/61	6	30	23/9	57
II	*отличный*	28/32	6	10	27/9	32
	великолепный	—	8	13	15/7	31
III, IV, V	*превосходный*	—	—	—	—	12
	отменный	—	—	—	—	2
	мировой	—	—	—	—	

Примечание. Цифрами I — V в боковике и головке таблицы обозначены источники данных:

I. *Э. А. Штейнфельд.* Частотный словарь современного русского языка. Таллин, 1963 (числитель — количество текстов. знаменатель — частота).

II. *Т. А. Вишнякова, Ю. А. Маркоз.* 1200 наиболее употребительных слов русской разговорной речи. — РЯНШ, 1965, № 6.

III. «2380 слов. наиболее употребительных в русской разговорной речи». УДН им. Патриса Лумумбы. М., 1968.

IV. *Г. П. Полякова, Г. Я. Солганик.* Частотный словарь языка газеты. Изд-во МГУ, 1971 (числитель — частота, знаменатель — количество тем).

V. Выборка автора в 1000 примеров из газетных материалов.

Сопоставление данных разных источников, из которых два отражают употребление указанных слов в разговорной речи, а два — в языке газеты, свидетельствуют о том, что употребительность интересующих нас слов в обоих стилях носит сходный характер: если слова *прекрасный*,

замечательный, *отличный*, *великолепный* частотно представлены в устной и письменной речи, то слово *превосходный* отмечено лишь в специальной выборке, слово *отменный* отмечено лишь в этой выборке невысоким номером, а слово *мировой* в интересующем нас значении не представлено вовсе. Между тем известно, что жизнеспособность слова определяется частотой его употребления, отсутствие отмеченности какого-либо из значений данного слова — один из важных симптомов семантической или стилистической эволюции данного слова.

Известно и то, что есть четкая корреляция между частотой употребления и показателем широты реализуемых словосочетательных связей, что сокращение числа актуализируемых словосочетательных валентностей свидетельствует об уходе слова (значения) из активного словарного запаса. Это обстоятельство побуждает нас обратиться к определению числа и характера словосочетательных способностей данных слов, которые, как известно, связаны с их семантико-стилистическими особенностями.

Однако обращение к лексикографическим источникам (толковые словари и словарь синонимов) отнюдь не проясняет интересующий нас вопрос: толкование данных слов строится по принципу замкнутого круга. Приведем подтверждающие примеры.

Академический «Словарь современного русского литературного языка» в 17 томах: *прекрасный* — «1. Внешне привлекательный, производящий приятное впечатление. 2. Очень хороший, отличный (т. 11, стр. 211); *замечательный* — «1. Заслуживающий внимания, выдающийся по своим достоинствам; Разг. Хорошего качества, отличный» (т. 4, стр. 663); *отличный* — «2. Устар. Выдающийся, исключительный, обладающий высокой степенью какого-либо качества. 3. Очень хороший, превосходный» (т. 8, стр. 1454); *великолепный* — «Распространительно. Прекрасный, очаровательный. 2. В значении высшего качества. Отличный, замечательный» (т. 2, стр. 143); *превосходный* — «1. Превосходящий себе подобных качеством; очень хороший, отличный по своему качеству» (т. 11, стр. 77) и т. п.

Академический «Словарь русского языка» в 4 томах: *прекрасный* — «2. Очень хороший, отличный» (т. 3, стр. 517); *замечательный* — «1. Выдающийся, необыкновенный по своим качествам (исключительный, чрезвы-

чайный). Разг. Очень хороший» (т. 2, стр. 945); *великолепный* — «2. Разг. Прекрасный, превосходный, отличный» (т. 1, стр. 183); *превосходный* — «2. Очень хороший, замечательный» (т. 3, стр. 494); *отменный* — «1. Отличный по качеству, превосходный. Исключительный, необыкновенный» (т. 2, стр. 947); *мировой* — «3. Прост. Очень хороший, замечательный» (т. 2, стр. 378).

Иллюстрации словоупотребления оказываются малополезными: они не отражают возможностей дифференцированного употребления данных слов, а фиксируют лишь совпадающие моменты. Столь же недифференцированно представлены данные слова и в «Словаре синонимов русского языка» АН СССР, в котором они составляют ряд *превосходный*, *прекрасный*, *распрекрасный*, *великолепный*, *замечательный*, *отличный*, *отменный*, *идеальный* с общим значением: «В высшей степени хороший (по своим качествам, достоинствам)» и комментарием: «*Отличный*, *отменный* и *идеальный* содержат указание на очень высокую оценку кого-, чего-л. *Отменный* в современном языке употреб. преимущ. в речи разговорного характера, в прошлом употреблялось шире, стилистически более нейтрально» (т. 2, стр. 224) и ряд *хороший*, *славный*, *добрый*, *ладный*, *важный*, *важнецкий*, *мировой* с общим значением: «Отличающийся положительными качествами, заслуживающий положительной оценки» и комментарием: «слово *мировой* имеет усилительный характер, означая: очень хороший (т. 2, стр. 656)». Это обстоятельство наталкивает на мысль о том, что данные слова, обладающие почти тождественным значением и выполняющие одну и ту же функцию в речи, с известным допуском могут быть названы лексическими дублетами. Однако, как известно, абсолютные синонимы редко сосуществуют как равноправные. Между тем, как свидетельствует статистика, об уменьшении круга употребления, а стало быть и о вероятности ухода из данной синонимической группы, можно говорить лишь применительно к словам *отменный* и *мировой*. Возникает вопрос: чем же обусловливается функционирование и высокая частотность остальных слов данной группы? Едва ли будет полностью удовлетворяющим объяснение, что они обусловливаются потребностями пишущих и говорящих в средствах разнообразия и выразительности речи, хотя такое объяснение имеет под собой достаточно веские основания. «Функция тождества для синонимов — живая

функция. Она обусловлена потребностями коммуникации и стилистического разнообразия... В синонимических рядах в первую очередь обнаруживаются не «глубинные» особенности значений, а общность, лежащая на поверхности, иногда, может быть, мнимая» [6].

Однако, если не ограничиваться подобным объяснением применительно к интересующим нас словами, то вполне правомерно допустить, что имеются достаточно веские мотивы их функционирования в языке, не получившие эксплицитного выражения. Такое допущение в свою очередь наталкивает на мысль обратиться непосредственно к носителям языка, так как отношение носителей языка к употребляемым словам способно вскрыть такие нюансы и обертоны значений, а также оценки, которые нельзя выявить в результате анализа лексикографических источников и письменных текстов (последние являются результатом процесса речи, а потому не дают возможности установить мотивы выбора того или иного слова).

В данном случае уместно вспомнить замечание Л. Ельмслева: «Если мы хотим должным образом охарактеризовать семантический узус, принятый в каком-либо языковом коллективе и принадлежащий к описываемому нами языку, это следует делать отнюдь не с помощью физического описания означаемых вещей; напротив, это можно выполнить, лишь прибегнув в коллективным оценкам, принятым в данном коллективе, т. е. социальному мнению. Семантическое описание должно состоять прежде всего в сближении с другими социальными институтами; именно в этой точке лингвистика соприкасается с другими отраслями социальной антропологии. Ведь одной и той же физической «вещи» могут соответствовать совершенно различные семантические описания — в зависимости от того, в рамках какой цивилизации рассматривается эта «вещь». Это верно не только для терминов непосредственной оценки (хороший и плохой, красивый и безобразный), не только для предметов, прямо связанных с цивилизацией (дом, стул, король), но и для явлений природы. Лошадь, собака, гора, ель и т. д. будут определены совершенно по-разному в обществе, которое знает (и опознает) все эти объекты как исконные, и в обществе, для ко-

[6] *А. А. Брагина.* О двойственном характере синонимии.— РЯШ, 1973, № 3, стр. 85.

торого эти объекты являются экзотическими феноменами»[7].

Несомненно, что словам ВПО соответствуют узуальные представления, получающие конкретизацию и уточнение в зависимости от факторов социальной, возрастной принадлежности носителей языка, их образовательного уровня, однако сохраняющие основное содержание оценочного представления относительно устойчивым, так как в противном случае была бы нарушена возможность коммуникации.

Представляется, что изучение оценочных реакций носителей языка по отношению к данной группе слов, наряду с описанием семантики этих слов при реализации в речи, позволит внести уточнение в характеристики их словосочетательной способности и ситуаций употребления. Кроме того, предполагается, что опрос носителей языка позволит выявить мотивы предпочтительности выбора одних единиц данной группы по сравнению с другими. Наряду с этим предполагается также, что опрос поможет выявить и такие моменты в отношении носителей языка к слову, как определение степени забвения внутренней формы слова, ассоциации, порождаемые данным словом, эмоциональное и эстетическое отношение к слову. Совокупность данных сведений и должна, по нашему мнению, дать относительно полную и завершенную картину функционирования данных слов в языке, а стало быть и решить вопросы нормативного их использования, описать закономерности сочетаемости и круг типичных ассоциативных связей.

Предварительно следует кратко остановиться на природе формирования представлений о высоких положительных оценках. Эти представления, насколько нам известно, еще не получили специального освещения в современной науке. Этим объясняется возможная неполнота и фрагментарность их описания в настоящей работе, направленной в первую очередь на решение конкретных задач, о которых было сказано выше.

Представления ВПО связаны с концептами «хорошо» и «плохо». Последние же являются совокупностью представлений, соотносимых с определенными философскими,

---

[7] *Л. Ельмслев.* Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? «Новое в лингвистике», вып. II. М., 1962, стр. 133—134.

моральными, этическими, эстетическими категориями, понятиями, а также реалиями внешнего мира. Понятно поэтому, что описание их становится возможным лишь в результате привлечения данных многих научных дисциплин, изучающих человека как объект и субъект интеллектуально-духовной деятельности, как производителя и потребителя духовных и материальных ценностей. В основу описания должны лечь данные таких наук, как психология, взятая в аспекте теории отражения, этика как учение о личности, морали и высших ценностях, эстетика в аспекте представлений о прекрасном как должном, социология и история культуры и, наконец, лингвистика в аспекте способов фиксации в языке данных представлений. Таким образом, названные концепты рисуются как интердисциплинарное построение, отраженно проявляющееся в языке, в лексических совокупностях, соотносимых с данными концептами. Энтропия экстралингвистического в данном случае выступает в качестве фактора, во многом определяющего характер лексических отношений и связей.

Для обозначения представлений, соотносимых с высокой положительной оценкой, мы вводим понятие «эталоны высокой положительной оценки» (ЭВПО). ЭВПО в нашем понимании — это совокупность представлений, закрепляющих познавательный и общественно-исторический опыт определенной социальной общности и служащих опорой для члена данного социального коллектива при выборе им ролевого поведения и связанной с этим необходимости оценки деятельности с точки зрения заложенного в нем социального опыта данной общности. Такое понимание ЭВПО позволяет соотносить их с понятиями высших ценностей данной социальной общности и рассматривать их как исторически формирующееся явление. Функция ЭВПО — закрепление общественно-исторического опыта и опыта житейско-бытийного. Эта функция позволяет рассматривать ЭВПО как детерминанты, отражающие последовательный процесс освоения человеком различных сторон действительности, позволяющие фиксировать и корригировать представления, выработанные на предшествующих стадиях развития, и сопоставлять их с представлениями, выработанными современным социальным коллективом. ЭВПО как представления, соотносимые с высшими ценностями, отражают социаль-

ную и культурно-историческую эволюцию человеческого общества. Им присуща социально-классовая корреляция. ЭВПО как нормы поведения, отражение устремлений, требований, запросов, предъявляемых к действительности членами определенной классовой формации, общественно-политических популяций и страт внутри нее, охватывают все без исключения стороны действительности во многообразии ее проявлений, закрепляя в слове и образе исторически выработанные идеальные представления, уточняемые и дополняемые с каждым новым этапом развития данной классово-социальной общности. Это определяет стимулирующее воздействие таких представлений на каждого члена данной социальной общности. Эта особенность определяет такую функцию ЭВПО, как ценностное ориентирование личности в ее каждодневной деятельности. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что названные функции ЭВПО являются одним из важных средств формирования личности. При этом содержательное наполнение ЭВПО неизменно сочетается с положительной эмоциональной окрашенностью. Синтез логического и эмоционального проявляется в ЭВПО как нерасторжимое единство и объясняет такую их особенность, как эстетическая завершенность. ЭВПО могут выступать в виде образов, соотносимых с конкретными образцами, символизирующими эталоны, и в виде логико-эмоциональных концептов, однако вне зависимости от того, какова форма данного ЭВПО, каждый из них выступает как единое логическое, эмоциональное и эстетическое представление, синтезированный мыслительный продукт. Эстетическая категория прекрасного в каждом ЭВПО неразрывно связана с моральными аспектами хорошего и должного. Это позволяет рассматривать ЭВПО как цельную взаимосвязанную структуру, познавательно-информативно и информативно-эстетически воздействующую на психику индивида и вызывающую у него положительное эмоциональное состояние.

В формировании ЭВПО существенная роль принадлежит языку — второй сигнальной системе. «Участием в формировании представлений второй сигнальной системы объясняется тот факт, что большое количество наглядных образов является не столько результатом личного чувственного опыта человека, сколько в процессе познавательной деятельности представления сами включаются

во внутреннюю структуру этой деятельности, что приводит к обогащению их содержания. По мере накопления информации об объекте происходит усложнение образа, который может достигать довольно высокого уровня абстракции, например в случае образования схемы, идеального наглядного плана последующих предметных действий» [8].

Описание ЭВПО в лингвистическом плане четко коррелируется с проблемой «человек и его язык», поскольку самым важным моментом такого описания является уточнение содержания ЭВПО и его взаимосвязей с конкретными единицами лексики.

«Большинство слов разговорных языков приобретают значения (т. е. связываются с предметами) в практической деятельности людей. Установившиеся связи передаются из поколения в поколение. Процесс сознательного совершенствования языка состоит, в частности, в стремлении к уточнению этих связей. Это достигается выработкой понятий тех предметов, которые принято обозначать в данном языке теми или иными словами.... Если вообще в данном языке и уточнен смысл того или иного слова, то, возможно, не каждому он известен; таким образом, если в данном языке слово выражает понятие, то нельзя сказать этого про каждый случай его употребления» [9].

Уточнение смыслового содержания слов вообще и слов ВПО в частности возможно лишь с помощью привлечения достаточно репрезентативного статистического материала, поскольку при наличии в каждом ЭВПО существенных константных признаков, мотивируемых социальными и психологическими факторами принадлежности индивида к определенной формации, содержание ЭВПО в представлении каждого конкретного члена этой формации может дополняться субъективно-индивидуальными признаками, которые определяются личностной значимостью той или иной реалии, представления и т. п. для данного индивида, особенностями его психического склада, спецификой порождаемых словом ассоциативных реакций. Индивидуальные дополнения ЭВПО как субъективное отражение реакции личности на слово могут варьироваться в большей степени. Однако наличие сущест-

[8] *А. В. Славин.* Наглядный образ в структуре познания. М., 1973, стр. 19—21.

[9] *Е. К. Войшвилло.* Понятие. Изд. МГУ, 1967, стр. 123—124.

венных константных признаков дает возможность достаточно четко дифференцировать и интерпретировать содержание ЭВПО, выделить типичное в связях ЭВПО с конкретными словами.

Сопоставляя и анализируя оценочные реакции носителей языка по отношению к определенным классам слов, мы можем сделать определенные выводы относительно имплицитно выраженных семантических признаков, мотивирующих сочетаемость и употребительность данных слов. «...Возможность или невозможность отнесения того или иного прилагательного к тому или иному существительному определяется реальными языковыми отношениями, семантикой слова и всего словосочетания в целом. Следует устанавливать эти связи, анализируя конкретные языковые отношения между существительными и прилагательными в том или ином языке, на том или ином этапе его исторического развития. Вместе с тем и здесь, хотя отдельные случаи сочетаний существительных и прилагательных во многом зависят от семантики самих этих слов, типы таких сочетаний, отвлекаясь от частных случаев, приобретают общий характер» [10].

Сказанное позволяет сделать вывод о неоднородной личностной значимости ЭВПО и связанных с ним оценочных реакций на слово для каждого конкретного носителя языка, о возможности выявления в связи с этим уровневой структуры при конкретном предъявлении носителю языка анализируемого языкового материала.

Сформулировав отправные положения, перейдем к описанию хода и результатов опроса. Было опрошено 45 преподавателей русского языка иностранцам (число, гарантирующее достоверность предварительной выборки). Выбор контингента мотивировался тем обстоятельством, что опрашиваемым в силу профессиональной принадлежности присуще «чутье языка», навыки четкого дифференцирования словосочетательных связей. Опрос проводился в несколько этапов по двум методикам: путем заполнения анкет и устно с фиксацией ответов на магнитофонной пленке. При анкетном опросе задание формулировалось так: «Напишите как можно больше существительных, которые, по вашему мнению, сочетаются со словом *пре-*

[10] *Р. А. Будагов.* Введение в науку о языке. Изд. 2 М., 1965, стр. 299.

красный(ая, ое)». При анализе анкет из всех написанных слов учитывались первые пять как отражающие самый верхний слой словосочетательных и ассоциативных связей. При записи на магнитофон фиксировались ответы до первой паузы. При отсутствии паузы в ответе время записи ограничивалось 30 секундами, что также соответствует возможности выявления самого поверхностного слоя словосочетательных и ассоциативных связей. Задание формулировалось так: «Назовите наибольшее число слов, которые, по вашему мнению, сочетаются со словом *прекрасный (ая, ое)*». При письменном и устном опросе среднее число названных существительных составило 5—7 слов, что дает возможность предположить правомерность использования обеих методик и достоверность полученных результатов. В результате анализа анкет и материала магнитофонных записей был составлен сводный систематизированный по тематическому принципу список существительных с учетом последовательности фиксации слов в индивидуальных списках и записях ответов. Список включает несколько тематических групп, отражающих типичные особенности употребления слова *прекрасный*. Для выявления особенностей употребления остальных слов данного синонимического ряда были проделаны аналогичные операции, что в результате позволило составить сводную таблицу употребления данных слов в сопоставлении (табл. 2).

Анализ результатов опроса позволяет сделать некоторые выводы относительно функционирования в речи рассматриваемых нами ЭВПО.

1. Данные вопроса показывают различие между потенциальными словосочетательными возможностями ЭВПО и реализацией этих связей в речи. Если круг первых чрезвычайно широк (все то, что характеризуется признаками элативности и положительной эмоциональной окраской), то возможности речевой реализации соотносятся по преимуществу с семантико-тематической заданностью перечисленных выше групп. Можно с большой долей достоверности предположить, что слова, относящиеся к выделенным тематическим группам, но не вошедшие в приведенный список, характеризуются сходными особенностями реализации в речи.

2. Данные опроса свидетельствуют о том, что слова *отменный* и *мировой* почти не используются в речи в значении ВПО, что круг их функционирования в речи крайне

Таблица 2

Реализация словосочетательных связей ЭВПО с тематическими группами слов

Тематические группы слов	*прекрасный*	*замечательный*	*отличный*	*великолепный*	*превосходный*	*отменный*	*мировой*
Погода, слова, обозначающие время суток, дни недели, месяцы, сезоны года							
погода	+	+	+	+	+	—	—
утро	+	+	+	+	—	—	—
день	+	+	+	+	—	—	—
вечер	+	+	+	+	—	—	—
лето	+	+	+	+	—	—	—
зима	+	+	+	+	—	—	—
весна	+	+	+	+	—	—	—
осень	+	+	+	+	—	—	—
май	+	+	—	+	—	—	—
август	+	+	—	+	—	—	—
воскресенье	—	—	+	—	—	—	—
Слова, обозначающие зрительное восприятие действительности							
вид	+	+	+	+	+	—	—
зрелище	+	+	+	+	+	—	—
пейзаж	+	+	+	+	+	—	—
Слова, обозначающие реалии, относимые к флоре и фауне							
дерево	+	+	—	—	—	—	—
дуб	—	+	—	+	—	—	—
береза	+	+	—	—	—	—	—
цветок	+	+	—	+	—	—	—
роза	+	+	—	+	—	—	—
лошадь	+	+	+	+	+	—	—
собака	—	+	+	+	—	—	—

Таблица 2 (продолжение)

Тематические группы слов	прекрасный	замечательный	отличный	великолепный	превосходный	отменный	мировой
Слова, обозначающие людей по признакам возраста и пола							
человек	+	+	—	+	+	—	—
женщина	+	+	—	+	—	—	—
мужчина	—	—	—	+	+	—	—
девушка	+	+	—	—	—	—	—
парень	—	—	+	+	—	—	+
Слова, обозначающие людей по признаку семейно-родственных отношений, по отношению к семье							
отец	+	+	+	+	+	—	—
мать	+	+	—	+	+	—	—
сын	+	+	—	+	+	—	—
дочь	+	+	—	+	—	—	—
семьянин	+	+	+	+	—	—	—
Слова, обозначающие внешность человека, части тела							
тело	+	—	—	+	—	—	—
фигура	+	+	+	+	+	—	—
ноги	—	—	+	+	+	—	—
руки	+	+	+	+	—	—	—
глаза	+	+	—	—	—	—	—
зубы	+	+	+	+	+	—	—
Слова, обозначающие одежду							
наряд	+	+	—	+	—	—	—
одежда	+	—	+	—	—	—	—
костюм	+	+	+	+	+	—	—
платье	+	+	—	+	—	—	—
свитер	+	+	+	+	+	—	—

Таблица 2 (продолжение)

Тематические группы слов	*прекрасный*	*замечательный*	*отличный*	*великолепный*	*превосходный*	*отменный*	*мировой*
Слова, обозначающие еду							
обед	+	—	+	+	+	+	—
банкет	—	—	+	+	+	—	—
угощение	+	+	+	+	+	—	—
закуска	+	+	+	+	+	+	—
вино	+	+	+	+	+	+	—
Слова, обозначающие помещение, жилье, мебель							
дом	+	+	+	+	—	—	—
здание	+	+	+	+	—	—	—
квартира	+	+	+	+	+	+	—
комната	+	+	+	+	+	—	—
мебель	+	+	+	+	+	—	—
Слова, обозначающие орудия труда, место работы							
прибор	+	+	+	+	+	—	—
инструмент	+	+	+	+	+	—	—
лаборатория	+	+	+	+	+	—	—
аудитория	+	+	+	+	+	—	—
Слова, обозначающие человека по профессиональным и другим признакам							
актер	+	+	+	+	+	—	—
певец	—	+	—	+	—	—	—
исполнитель	+	+	—	+	+	—	—
художник	+	+	—	+	+	—	—
писатель	+	+	—	+	+	—	—
мастер	+	+	—	+	+	—	—
руководитель	+	+	+	+	+	—	—
работник	+	+	+	+	+	—	—

Таблица 2 (продолжение)

Тематические группы слов	прекрасный	замечательный	отличный	великолепный	превосходный	отменный	мировой
спортсмен	—	—	—	+	+	—	—
стрелок	+	—	+	+	+	—	—
пловец	+	—	+	+	+	—	—
Слова, обозначающие продукты интеллектуальной деятельности							
книга	+	+	+	+	+	—	—
роман	+	+	+	+	+	—	—
рассказ	+	+	+	+	+	—	—
сочинение	+	+	+	+	+	—	—
статья	+	+	+	+	+	—	—
стих	+	+	+	+	+	—	—
песня	+	+	—	—	—	—	—
фильм	+	+	+	+	+	—	—
спектакль	+	+	+	+	+	—	—
Слова, обозначающие театрально-сценическую деятельность							
выступление	+	+	+	+	+	—	—
номер	+	+	+	+	—	—	—
дебют	+	+	+	+	+	—	—
ансамбль	+	+	+	+	+	—	—
дуэт	+	+	+	+	+	—	—
Слова, обозначающие положительный результат							
успех	—	+	—	+	—	—	—
достижение	—	+	—	+	—	—	—
победа	—	+	—	+	—	—	—
результат	+	—	+	+	+	—	—

Таблица 2 (окончание)

Тематические группы слов	*прекрасный*	*замечательный*	*отличный*	*великолепный*	*превосходный*	*отменный*	*мировой*
Слова, обозначающие абстрактные понятия, относящиеся к сфере умственной деятельности							
мысль	+	+	+	+	+	—	—
идея	+	+	+	+	+	—	—
решение	—	—	+	+	+	—	—
комбинация	—	—	+	+	+	—	—

ограничен. Таким образом, можно говорить о возможной утрате этими словами значения ВПО, поскольку, как было отмечено выше, и в письменных текстах наблюдается крайне ограниченное употребление слова *отменный*, а слово *мировой* не представлено вовсе.

С некоторыми словами выделенного нами списка оценочные прилагательные *прекрасный*, *замечательный*, *отличный*, *превосходный* употребляются недифференцированно. Это, на наш взгляд, может быть объяснено общим характером ВПО, отсутствием дополнительных конкретизирующих признаков, влияющих на выбор слова, и в связи с этим — реализацией в данных словосочетаниях поверхностных синонимических связей (ср., например, возможность употребления слов *погода*, *закуска*, *руководитель*, *фильм*, *книга*, *ансамбль*, *мысль* с этими прилагательными). Употребление слов *отличный* и *превосходный* с другими группами слов нашего списка связывается, вероятно, с семантическим имплицитным оттенком значения количественного измерения элативности, рассматриваемой с точки зрения возможности использования в прагматических целях. Так, в нашем списке оказались не отмеченными словосочетания *отличный дуб*, *отличная береза* в значении качественной характеристики древесины при отмеченности других сочетательных связей этих же существительных. Слова *прекрасный* и *замечательный* связываются по преимуществу с возможностью охаракте-

ризовать эстетическую сторону определяемого (ср., например, *прекрасный цветок* при неотмеченности *отличный*, *превосходный цветок*). Употребление слова *великолепный*, по всей вероятности, связывается в сознании носителей языка с ситуациями, в которых требуется выделить некоторую избыточность определяемого признака (ср., например, *отличная мебель* и *великолепная мебель*).

3. Как отмечалось выше, при константности существенных признаков ЭВПО их преломление в сознании конкретных носителей языка может характеризоваться дополнительными признаками индивидуального восприятия, которое обусловливается факторами социальной, профессиональной и возрастной принадлежности, уровнем образования, особенностями психологии восприятия, связанными с полом опрашиваемых. Спецификой данного контингента опрошенных является принадлежность к женскому полу и при приблизительном равенстве остальных факторов — различие в возрасте (от 25 до 50 лет). Данные настоящего опроса являются предварительными. Для получения же полной картины функционирования в речи рассматриваемых ЭВПО необходимо провести опросы носителей языка, учитывающие названные факторы. Сопоставление данных всех опросов дает возможность воссоздать полную картину использования этих слов в речи и сопоставить полученные списки для выявления специфики восприятия и оценочного отношения к слову.

4. Даже при названных ограничениях (недостаточность числа опрошенных, ввиду предварительности данного опроса, для достоверности обобщений; специфические особенности контингента опрошенных) данные настоящего опроса позволяют говорить о том, что выделенным группам существительных в сочетании с ЭВПО присуща уровневая структура по признаку возможности содержательной интерпретации данных словосочетаний и по признаку последовательности их расположения при воссоздании отраженной в языке картины восприятия мира. Как показывают данные опроса, самый верхний слой в этой иерархии составляют словосочетания, связанные с восприятием природы, окружающей среды. Интерпретация их возможна лишь на основе учета психологических черт носителей языка и других факторов. Следующие группы словосочетаний связаны с восприятием других людей, семейно-родственными отношениями, представле-

ниями о красоте человеческого тела. На интерпретацию этих словосочетаний большое влияние оказывает фактор социальной принадлежности. Последующие группы словосочетаний связаны с производительной деятельностью человека (в данном случае интеллектуальной), ее процессами и продуктами. Интерпретация их в еще большей мере зависит от социального фактора. Все эти группы в совокупности и создают картину восприятия мира, представленную в идеальном плане. Думается, что следующим этапом работы должен стать опрос носителей языка, который позволит конкретнее описать содержание каждого из приведенных словосочетаний, выделить их смысловые и другие различия, не зафиксированные в лексикографических источниках. Чрезвычайно интересным было бы сопоставление полученных данных с художественными текстами, различающимися по времени создания, поскольку зависимость ЭПВО от исторического и социального фактора мотивирует возможность описания этого явления как в плане синхронии, так и в плане диахронии.

РОЛЬ РЕЧЕВЫХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ ПРИ АТРИБУЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Г. В. Ермоленко

Статистический анализ речевых особенностей художественных текстов может быть использован в качестве эффективного вспомогательного средства при установлении авторства анонимных и псевдонимных текстов. «Совершенно ясна необходимость перенесения как проблемы авторства, так и проблемы правильности и точности авторского текста,— писал В. В. Виноградов,— на почву объективно-исторических, в том числе историко-лингвистических (включая сюда и лингвистико-статистические) и историко-стилистических методов исследования. Субъективные методы определения авторства и реконструкции адекватного авторского текста отжили, или, во всяком случае, отживают свой век» [1].

[1] *В. В. Виноградов.* Проблема авторства и теория стилей. М., 1961, стр. 159.

Наша статья — это попытка добиться как лингвистического, так и статистического уточнения метода В. Диттенбергера, который в свое время был применен к атрибуции и датировке диалогов Платона [2].

О возможностях этого метода написана глубоко обстоятельная статья А. Л. Гришунина [3], который утверждает, что этот забытый метод никогда не применялся к русскому материалу и вообще был неизвестен в России. В настоящее время он тоже никем не используется. А между тем этот метод имеет ряд преимуществ перед многими другими, страдающими либо субъективизмом, либо механицизмом. В первом случае — это следствие желания исследователя увидеть в тексте то, чего в действительности нет, но что соответствует предварительно (до эксперимента) созданной концепции; во втором — это следствие «гипноза» чисел и арифметических операций над ними. Как часто после статистической обработки текста мы получаем результаты, которые нам не хотелось бы получить! Не всегда интуитивные предвидения соответствуют языковой действительности, но почти всегда возможно «выхватывание отдельных фактиков» [4], которые якобы подтверждают эти предвидения. И как часто составляются статистические таблицы, лишенные всякого лингвистического смысла! Однако стремление свести к минимуму субъективные толкования при решении проблемы авторства путем доказательств с «цифрами в руках» нельзя не признать перспективным при условии обязательного сочетания качественного анализа языковых фактов с количественным, статистическим.

Объектом нашего наблюдения было множество р е ч е в ы х п а р а л л е л е й — таких конкурирующих особенностей текста, в которые входят несколько подмножеств: а) грамматические варианты, б) фонетические варианты, в) вариации фразеосочетаний, г) синонимы.

В качестве материала для анализа нами были взяты произведения двух современных друг другу авторов —

---

[2] *W. Dittenberger.* Sprachliche Kriterien für die Chronologie der platonischen Dialoge. «Hermes». Zeitschrift für klassische Philologie, 1881.

[3] *А. Л. Гришунин.* Опыт обследования употребительности языковых дублетов в целях атрибуции. «Вопросы текстологии», вып. 2. М., 1960.

[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 350—351.

А. И. Куприна и А. П. Чехова. Мы анализировали рассказы и повести А. И. Куприна [5] (62 произведения), написанные в 1889—1900 гг. У А. П. Чехова [6] были просмотрены произведения (27 повестей и рассказов), включенные автором в собрание сочинений и написанные в 1887—1900 гг. Статистической обработке подвергалась только авторская речь.

В понимании термина «грамматический вариант» мы исходили из определения Л. К. Граудиной [7], согласно которому он отвечает следующим требованиям: а) грамматической системности, б) регулярной взаимозаменяемости, в) функциональной эквивалентности грамматических значений, г) однородности сравниваемых грамматических структур. В совокупность грамматических вариантов входят: а) синтаксические варианты: А между тем Ольга Ивановна и ее друзья и добрые знакомые были не совсем *обыкновенные люди* (Ч., Попрыгунья) вм. *обыкновенными людьми*; б) словоизменительные варианты: *После громадной пустой залы* с колоннами мне было как-то по себе в этом уютном доме... (Ч., Дом с мезонином) вм. *после громадного пустого зала*; в) словообразовательные варианты: *Иван Иваныч* поперхнулся чаем, закашлялся и весь затрясся от скрипучего, удушливого смеха (Ч., Жена) вм. *Иван Иванович*; Жулька лежала неподвижно на боку. *Она издохла* (К., Барбос и Жулька) вм. *она сдохла*.

Фонетические варианты имеют незначительные различия в начертании, вследствие чего — и в звуковом облике. Ср.: По одной стене кабинета, через *шкапы* с книгами, тянулась широкая полоса света... (Ч., Враги) вм. *шкафы*; Он был в летнем пальто, летней войлочной шляпе и без *калош* (К., Чудесный доктор) вм. *галош*.

Вариации фразеосочетания [8] мы имеем при колебаниях внутри одной фразеологической единицы. Ср.: Он уже больше не волновался и не выл, а лишь изредка поднимал голову и *как будто бы* прислушивался к тому, что делается в сарае (К., Барбос и Жулька) вм. *как будто* или *буд-*

---

[5] *А. И. Куприн.* Собрание сочинений в девяти томах, т. 1 и 2. М., 1964.

[6] *А. П. Чехов.* Полное собрание сочинений, т. 7, 8, 9. М., 1967.

[7] *Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская.* Грамматические варианты. Опыт частотного словаря. М., 1971, стр. 37.

[8] *М. М. Копыленко, З. Д. Попова.* Очерки по общей фразеологии. Воронеж, 1972, стр. 32.

то — Не спешил уезжать и похоже было, *как будто* его уволили со службы (Ч., В овраге); Кого-то переехали или, *может быть*, раздавили. Был слышен вопль (К., Молох)— Я подозревал у нее недюжинный ум, меня восхищала широта ее воззрений, *быть может*, потому, что она мыслила иначе, чем строгая, красивая Лида... (Ч., Дом с мезонином); Она только раз и была в саду, *года два тому назад*, когда провела два дня на даче у крестной матери... (К., Детский сад) — *Года три тому назад* она наняла один из флигелей под дачу, да так и осталась жить у Белокурова, по-видимому, навсегда (Ч., Дом с мезонином).

При отборе синонимов мы руководствовались определением этого термина, принятым в «Словаре синонимов русского языка» (Л., 1970). Ср.: Я оглянулся на свою даму: она не *глядела* на меня, и мне казалось, что она дрожит (К., Первый встречный) вм. *смотрела*; Дверь из сеней в палату была *отворена* (Ч., Палата № 6) вм. *открыта*.

Существование речевых параллелей, как известно, является следствием непрерывного развития системы языка. Это приводит к сосуществованию в речевом сознании носителей данного языка разных речевых средств для выражения одной и той же мысли. Каждый пишущий и говорящий отдает предпочтение той или иной речевой параллели, руководствуясь либо подсознательно укоренившейся привычкой употреблять одну из них, либо своим пониманием современной ему нормы. На отбор речевых параллелей влияют многие факторы: среда, в которой вырос и вращался человек, родной язык, образование, возраст, профессия и т. д. Механическое, чисто интуитивное использование речевых параллелей можно наблюдать в текстах любого автора. Так, у Куприна на одной и той же странице одной и той же повести читаем: «*После чая* пришли воспитатели, разделили всех новичков на два отделения...» и немного ниже «...в понедельник *после чаю*, когда во всех классах и залах горели лампы, а кадеты уныло дрожали от холода, Грузов ткнул Буланина кулаком в зубы и сказал...» (К., На переломе). У Чехова встречаются такие примеры: ...дедушка лег спать, а я *вышел из дому* и сел на крылечке (Ч., Красавицы); ...обрадованный Абогин помог ему надеть пальто и вместе с ним *вышел из дома* (Ч., Враги).

Вместе с тем нам известно и то, что при исправлении рассказов для Собрания сочинений Чехов систематически

изменял отчества героев: *Михайлович* заменял разговорной формой *Михайлыч*, *Иванович — Иваныч* и т. д. Так было сделано в рассказах «Соседи», «Володя большой и Володя маленький» и др. Интересно, что и персонажи Чехова, за редким исключением, предпочитают тоже усеченные формы отчеств мужчин. У Куприна и его персонажей — явное предпочтение полным формам отчеств.

Статистическая методика нашего исследования опирается на использование «Таблицы достаточно больших чисел» [9]. Сравнительные частоты речевых параллелей, выявленные в текстах двух или нескольких авторов, могут быть успешно использованы при атрибуции текстов. Однако какие данные можно считать достаточно точными и надежными? Выводы, сделанные на недостаточном количестве фактов, могут иметь лишь ориентировочный характер, а подчас их и вовсе не следует делать. А. Л. Гришунин, например, приходит к убеждению, что рецензия на книгу В. Плаксина «Учебный курс русской словесности», II ч., принадлежит не Белинскому, а А. Д. Галахову. Он пишет: «... В рецензии 5 раз встречается форма *надобно* при совершенном отсутствии дублетной формы (*надо. — Г. Е.*). В статьях и рецензиях Белинского мы нигде не найдем примера такого употребления... Напротив, Галахов употребляет только форму *надобно*, и это могло бы служить дополнительным аргументом, решающим вопрос об авторстве данной рецензии в пользу Галахова» [10]. Это, действительно, соображения, носящие лишь ориентировочный характер, а не доказательство, опирающееся на числа.

При использовании данных таблицы достаточно больших чисел нас будет интересовать не объем просмотренного текста (проанализированные тексты Чехова и Куприна не равны по объему), а частоты выявленных речевых параллелей.

Если принять достаточной величину относительной ошибки $\delta = 0{,}10$ или 10%, то, согласно данным таблицы, частота речевых параллелей будет изменяться в зависимости от величины надежности (см. табл. 1).

Примем в качестве порога достоверности величины надежности $\beta = 0{,}75$ (при $\sigma = 0{,}10$). Тогда аб-

[9] *А. К. Митропольский.* Техника статистических вычислений. М., 1971, стр. 490.

[10] *А. Л. Гришунин.* Указ. соч., стр. 165.

Таблица 1

Надежность β	0,75	0,80	0,85	0,90	0,91	0,92	0,93	0,94	0,95
Абс. частота *F*	33	41	51	67	71	76	82	88	96

Абсолютные частоты будут считаться достоверными при $\beta \geqslant 0{,}75$ и малодостоверными при $\beta < 0{,}75$.

Речевые параллели, дифференцирующие авторскую речь, будем называть признаками авторской принадлежности; речевые параллели, не дифференцирующие авторскую речь при сопоставлении текстов двух или нескольких авторов,— общеречевыми признаками для данной эпохи, например, конца XIX в.

Таблица 2

Достоверные речевые параллели, дифференцирующие авторскую речь

	Усеченные формы отчеств мужчин — *Иваныч*	Неусеченные формы отчеств мужчин — *Иванович*	*глядеть*	*смотреть*	*как будто бы*	*как будто*	*быть может*	*может быть*	*дверь* (ед. ч.)	*двери* (мн. ч.)	*всякий раз*	*каждый раз*
Чехов	370	1	131	114	—	118	56	—	53	9	33	2
Куприн	4	225	67	33	80	17	—	55	34	21	2	21

Речевые параллели типа *Иваныч — Иванович* очень четко дифференцируют тексты двух авторов. Единственный случай неусеченной формы, обнаруженный нами у Чехова, остался, видимо, по недосмотру автора или корректора: — Это идея! C'est raison — запел я, идя к себе в кабинет, чтобы написать письмо *Ивану Ивановичу* (Ч., Жена).

К числу 4 — количеству усеченных форм отчеств мужчин у Куприна — мы не присоединили 4 случая, когда автор величает своих героев только по отчеству (*Захарыч* из рассказа «Мясо» и *Акинфыч* — «Тапер»). Остальные

единицы: *Никита Назарыч Мищенко* («Олеся») — 3, *Иван Иванович* (в первом рассказе I тома «Последний дебют») — 1.

В чеховских текстах расхождение между частотами синонимов *глядеть — смотреть* несущественно, у Куприна — существенно (проверено по критерию «хи-квадрат»). Значит, можно утверждать, что Чехов одинаково часто использует эти синонимы (и приставочные глаголы, образованные от тех же корней), зато у Куприна наблюдается преобладание глагола *глядеть*.

Тексты двух авторов противопоставляются и по признакам *как будто — как будто бы*, *быть может — может быть*. Чехов употребляет (в авторской речи) только *как будто* и *быть может*. Куприн отличается «пристрастием» к *как будто бы* и *может быть*. Наши выводы сделаны с надежностью 85—92%.

У Чехова явное преобладание имеет форма *дверь* (ед. ч.) над *двери* (мн. ч.). В текстах Куприна расхождение между частотами этих грамматических вариантов несущественно. Ср.: *Дверь* отворилась от ветра и в избушку занесло снегом (Ч., В ссылке) — Николай Евграфович Алмазов едва дождался, пока жена отворила ему *двери*... (К., Куст сирени).

Относительно речевой параллели *всякий раз — каждый раз* определенное высказывание можно сделать (с надежностью 75%) только в отношении чеховских текстов: преобладает *всякий раз*.

Таблица 3

Достоверные речевые параллели, не дифференцирующие авторскую речь

	зала	*зал*	*отворять*	*открывать*	*калоши*	*галоши*	*об ее + + N*	*о ее + + N*
Чехов	34	2	13	2	13	—	5	—
Куприн	47	1	33	1	5	—	9	—

Единственный случай употребления формы *зал* (м. р.), встретившийся в авторской речи Куприна: ...он на цыпочках перешел *длинный зал* и взглянул в гостиную (К., Игрушка). Третий и четвертый общеречевые признаки лишь условно присоединены к данной группе речевых параллелей ввиду полного отсутствия в просмотренных тек-

стах конкурирующих форм. Надежность остальных результатов колеблется от 75 до 80%. Однако частоты параллели *отворять — открывать* в чеховских текстах малодостоверны. Итак, оба автора предпочитают употреблять формы *зала*, *калоши*, *об ее* (*сыне*). Это — общеречевые признаки авторской речи. Если то же самое будет установлено в текстах других авторов-современников, то эти признаки можно будет считать принадлежностью литературного языка конца XIX в. С точки зрения современной литературной нормы эти признаки являются архаизмом.

Таблица 4

Малодостоверные речевые параллели

	рояль (м. р.)	*рояль* (ж. р.)	*чаю*	*чая*	*из дому*	*из дома*	*шкап*	*шкаф*	*несколько лет тому назад*	*несколько лет назад*
Чехов	20	3	20	3	15	1	14	—	6	9
Куприн	11	—	6	4	5	3	1	4	10	1

Колебания в частоте употребления рассмотренных речевых параллелей не имеют стилистического характера, никакой дифференциации значений в паре *из дбма — из дому* мы не наблюдали. Грамматический вариант *чаю — чая* отбирался без определения перед существительным.

При увеличении объема выборки может произойти перераспределение малодостоверных речевых параллелей: некоторые из них могут стать достоверными и примкнуть к одной из двух групп признаков.

При вторичном чтении проанализированных текстов можно выявить еще не замеченные нами признаки. И чем их будет больше, тем точнее описание авторской речи. Чем больше сходных признаков будет замечено в текстах автора и анонима, тем точнее решится вопрос об атрибуции.

СИНТАКСИЧЕСКИЙ СТАНДАРТ В ГАЗЕТЕ

Е. Д. Борченко

Проблема стандарта в газете очень тесно связана с темой газетного штампа, приобретшей печальную (и в то же время юмористически-пародийную) известность [1]. Большинство работ о языке газеты затрагивают проблему словарного штампа — словарь, как известно, подвижнее синтаксиса, и словарные штампы являются более благодарным материалом для исследования. Необходимо проводить четкую границу между штампом и синтаксическим стандартом, в противном случае на стандарт несправедливо переносятся негативные характеристики штампа; различно и их отношение к речевой норме. Если на вопрос о нормативности словарного штампа языковеды дают отрицательный ответ, то синтаксический стандарт считается необходимым компонентом газетного стиля: «Стандарт необходим уже потому, что невозможно для каждого случая (и, конечно, совершенно не нужно — более того, это затруднило бы или даже разрушило возможность нормального взаимопонимания носителей языка!) изобретать особые средства выражения, изводя тонны словесной руды... Выступая итогом отбора, усреднения и типизации, стандарт не несет в себе ничего предосудительного и является отражением исторического опыта, показателем богатства и шлифованности языка» [2]. В то же время истертые, утратившие экспрессию, но пользующиеся незаслуженной популярностью словарные штампы типа *получить постоянную прописку* подвергаются беспощадному гонению: «И пошли „получать постоянную прописку“ переходящие вымпелы и хрустальные кубки, телефонные станции и новые товары» [3]. Необходим дифференцированный подход к стандартам и штампам: «Вопреки принятому

---

[1] *В. Г. Костомаров.* Русский язык на газетной полосе. Изд. МГУ, 1971; *Г. О. Винокур.* Культура языка. М., 1929; *Г. Я. Солганик.* О языке газеты. Изд. МГУ, 1968; *Т. Г. Винокур.* Когда «канцеляризмы» и «штампы» становятся опасной болезнью?— В сб. «Наша речь». М., 1965; *В. М. Богуславский.* В защиту делового штампа. «Русская речь», 1968, № 6.

[2] *В. Г. Костомаров.* Указ. соч., стр. 181, 183.

[3] *Г. А. Золотова.* Слово и штамп. «Вопросы культуры речи», вып. 7. М., 1966, стр. 166.

мнению, бедой газетного языка является не стандарт, а «плохая» экспрессия» [4].

Следует также учитывать, что структура газеты неоднородна: «...Внутри газетной речи насыщенность словесными клише различных газетных жанров неодинакова (ср., например, информацию и очерк). Поэтому вряд ли можно говорить о стандартизованности газетного языка в целом» [5].

В. Г. Костомаров определяет стандарт как «любое интеллектуализованное средство выражения — независимо от характера, природы — в его противопоставлении средствам с так или иначе выраженной экспрессией» [6]. Объектом данного исследования были синтаксические стандарты типа *как известно*; *возможно, что*; *сообщают, что* и другие, общим для которых является отклонение от двусоставной модели предложения. Они исследовались на фоне двусоставных и односоставных конструкций. Исследование проводилось по методу структурно-вероятностного анализа [7]. За единицу организации выборки и подсчета принято элементарное предложение (ЭП), равное по объему простому распространенному или нераспространенному предложению. Сложные предложения считались состоящими из нескольких ЭП: например, сложноподчиненное предложение с одним главным и двумя придаточными рассматривалось как содержащее три ЭП. Из текстов на каждом языке бралось 10 выборок по 100 ЭП, и вычислялось среднее количество дву- и односоставных ЭП на 100 ЭП ($x_{ср}$), стандартное отклонение (σ), относительная квадратическая ошибка (ОКО) и коррелятивная функция (КФ). Выделенные односоставные ЭП затем рассматривались с точки зрения принадлежности их к синтаксическим стандартам.

Двусоставными считались ЭП с синтаксическим оформлением обоих главных членов предложения, односоставными — ЭП, в которых имеющийся главный член мог быть соотнесен с подлежащим или сказуемым двусоставного предложения.

Для анализа были выбраны заметки констатирующего

---

[4] *В. Г. Костомаров.* Указ. соч., стр. 104.
[5] *Г. Я. Солганик.* Указ. соч., стр. 6.
[6] *В. Г. Костомаров.* Указ. соч., стр. 180.
[7] *Н. Д. Андреев.* Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении. Л., 1967.

характера из раздела международной хроники, функция которых заключается только в информации, в отличие от комментариев и обзоров, где могут быть элементы эмоционального воздействия. Именно в хроникальных информационных заметках наиболее уместны и необходимы синтаксические стандарты. «Наибольшим однообразием обладают — в плане употребительности в них грамматических форм — некоторые узкие отрасли науки и техники, язык которых характеризуется чрезвычайной отработанностью не только терминологии, но и всей манеры изложения, где употребителен ряд постоянно повторяющихся структур, даже штампов, как бы заранее навязывающихся пишущему. Повторяемость формул и условных обозначений содействуют здесь единообразию в употреблении языковых форм. Вероятностно-статистические обследования более всего применимы именно к такому материалу» [8].

Были использованы тексты из газет «Правда», «Известия» и «Социалистическая индустрия» за 1968—1971 гг. Оказалось, что почти все односоставные ЭП являются синтаксическими стандартами, неоднократно повторяющимися в исследованном материале, причем повторяются не только сами модели, но и их лексическое наполнение. Наиболее частыми оказались безлично-возвратные комментабельные [9] обороты типа *указывается, что*; *ожидается, что* и др.: *В заявлении отмечается, что* этот визит будет способствовать всестороннему развитию франко-советских отношений... («Известия», 7 окт. 1971). Чаще всего повторялись с неизменным лексическим наполнением обороты *подчеркивается, что* и *говорится, что* или *говорится о*. В «Известиях» за 8 окт. 1971 г. в отрезке текста объемом в 6 ЭП оборот *говорится в...* был употреблен три раза, что находится уже на границе нормы и в некоторой степени приближает этот стандарт к штампу: «...стандарт характеризуется позитивно-конструктивной способностью. Он теряет ее лишь с утратой нормативной нейтральности при сильных дополнительных условиях применения» [10]. Норма принимается нами как «объективно существующие в данное время в данном языковом коллективе

[8] *В. Г. Адмони.* Об изучении количественной стороны грамматических явлений.— ВЯ, 1970, № 1, стр. 95.
[9] Понятие комментабельности введено Н. Д. Андреевым.
[10] *В. Г. Костомаров.* Указ. соч., стр. 181.

значения слов, их фонетическая структура, модели словообразования и словоизменения и их реальное наполнение, модели синтаксических единиц — словосочетаний, предложений — и их реальное наполнение» [11]. Приведенный выше пример показывает, что не следует упускать из виду также количественный аспект нормы: нейтральный синтаксический стандарт при его частом повторении в коротком отрезке текста приобретает негативную окраску штампа.

Кроме безлично-возвратных, были отмечены и другие стандартные комментабельные обороты — *нет сомнения в том, что*; *как известно*; *сообщают, что* и др. Обороты типа *как известно, как сообщают из...* тоже можно отнести к комментабельным, так как они легко преобразуются в комментабельные без изменения остальной части предложения и имеют комментабельные варианты — *известно, что* и т. д.

Содержание международной хроники в принципе инвариантно в разных газетах за одну и ту же дату. (Мы имеем в виду, подчеркиваем еще раз, только хроникальные заметки, а не комментарии и обзоры.) Инвариантны и синтаксические стандарты для разных газет, но это не исключает стилистических различий между ними: «Газета «Известия» одной из первых после длительного периода «стилистической монотонности» наших газет обратилась к стилевым смешениям... Газета «Правда», сохраняющая сдержанный и спокойный «нормативный» язык, стилистически ближе к журналу» [12]. Во всяком случае, для обнаружения различий в синтаксических стандартах между отдельными газетами потребовался бы гораздо более обширный материал.

Для сравнения были взяты материалы из газет «Радянська Україна», «Робітнича газета», «Молодь України», «Сільські вісті» и из зарубежных органов коммунистических партий, профсоюзных и молодежных организаций: «Отечествен фронт», «Народна младеж», «Работническо дело», «Борба», «Trybuna Ludu», «Sztandar młodych», «Życie Warszawy», «Głos pracy», «Rude pravo», «Pravda», «Vjesnik», «Neues Deutschland», «Berliner Zeitung», «Junge

---

[11] *В. А. Ицкович.* Языковая норма. М., 1968, стр. 5.

[12] *В. Г. Костомаров.* Стилистические «смешения» в языке газеты. «Вопросы культуры речи», вып. 8. М., 1967, стр. 28.

Таблица 1

Значения коррелятивной функции

Текст	Параметр	КФ ± δ	Интервал вариаций	ОКО
Русский	Двусост. ЭП	1,0±0,06	1,1 —0,9	0,06
Украинский	»	1,0±0,06	1,1 —0,9	0,06
Болгарский	»	1,0±0,06	1,1 —0,9	0,06
Польский	»	1,0±0,08	1,1 —0,9	0,08
Чешский	»	1,0±0,05	1,1 —0,9	0,05
Словацкий	»	1,0±0,06	1,1 —0,9	0,06
Немецкий	»	1,1±0,05	1,2 —1,0	0,05
Английский	»	1,1±0,04	1,14—1,06	0,04
Французский	»	1,0±0,08	1,1 —0,9	0,08
Итальянский	»	1,0±0,07	1,1 —0,9	0,07
Испанский	»	1,0±0,07	1,1 —0,9	0,07
Русский	Односост. ЭП	0,7±0,30	1,0 —0,4	0,43
Украинский	»	1,0±0,45	1,5 —0,5	0,45
Болгарский	»	0,9±0,45	1,4 —0,4	0,50
Польский	»	1,2±0,56	1,8 —0,6	0,46
Чешский	»	1,3±0,46	1,8 —0,8	0,35
Словацкий	»	1,4±0,49	1,9 —0,9	0,35
Немецкий	»	0,2±0,11	0,3 —0,1	0,55
Итальянский	»	1,2±0,55	1,8 —0,6	0,46
Испанский	»	1,1±0,57	1,7 —0,5	0,52
Немецкий	ЭП с форм. подл.	1,1±0,65	1,8 —0,4	0,59
Английский	»	0,5±0,32	0,8 —0,2	0,64
Французский	»	1,5±1,06	2,6 —0,4	0,70

Welt», «Die Wahrheit», «Morning Star», «Daily World», «l'Humanité», «l'Unità», «Granma» за 1968—1971 гг.

Результаты сравнительных подсчетов даны в табл. 1 и графиках. Коррелятивная функция, как известно, по сравнению с прямыми измерениями более четко выделяет существенные различия и сглаживает несущественные. График значений КФ показывает, что категориальная мера двусоставности не отклоняется от среднего ни в одном языке, лишь в английском и немецком она немного больше единицы. Во французских и английских текстах односоставные ЭП отсутствуют в связи со слабостью флексии,

наименьшее их количество отмечено в немецких текстах с достоверным отклонением от среднего вниз (это также вызвано слабостью флексии), наибольшее — в словацких, но отклонение не очень выразительно. Можно сказать, что

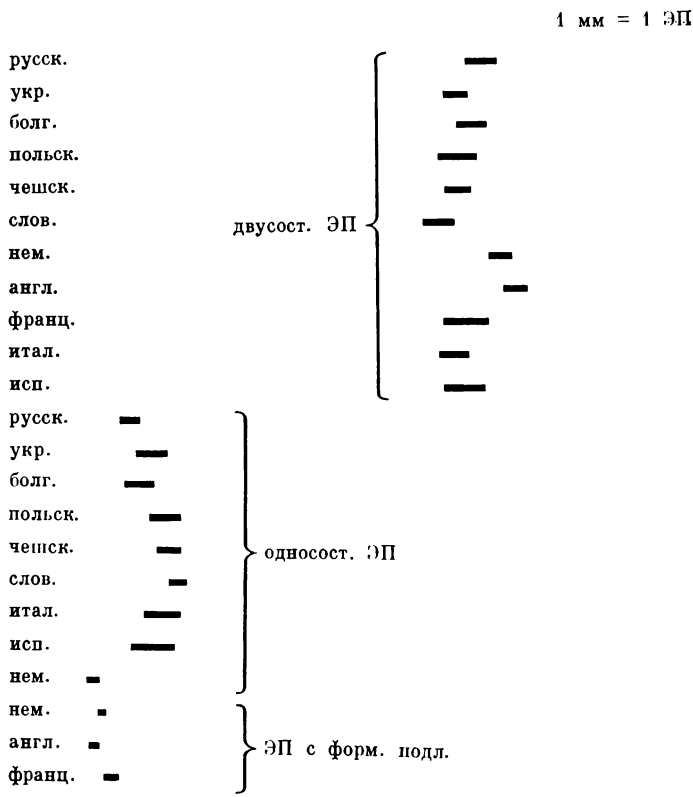

Рис. 1. Результаты параметрических измерений. Среднее количество дву-, односоставных ЭП и ЭП с формальным подлежащим на 100 ЭП

категориальные меры односоставных ЭП и ЭП с формальным подлежащим всех текстов расположены в зоне нейтральности, кроме односоставных ЭП в немецких текстах и ЭП с формальным подлежащим в английских. Коррелятивные функции зоны нейтральности могут быть далее

расположены по субзонам [13]: субзона положительной квазинейтральности — КФ $\geqslant$ 1,2 (польские, чешские, словацкие, итальянские тексты по односоставности и французские по ЭП с формальным подлежащим); субзона

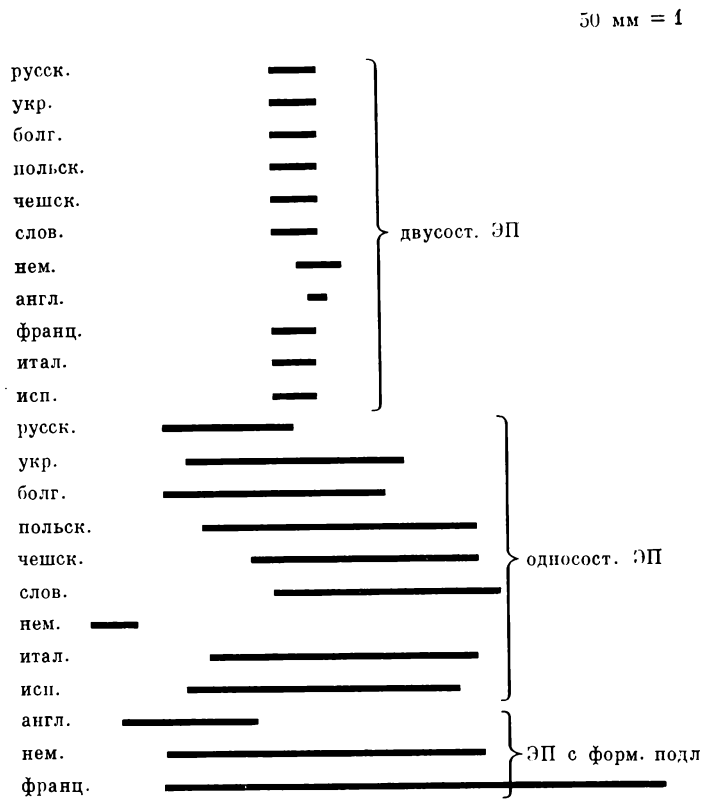

Рис. 2. Графическое изображение значений КФ

собственно нейтральности — 1,2 $>$ КФ $\geqslant$ 0,7 (русские, украинские, болгарские, испанские тексты по односоставности и немецкие по ЭП с формальным подлежащим); зо-

[13] *В. И. Южакова.* Параллельное исследование плана выражения и плана содержания в конструкциях с and и then. «Уч. зап. Горьковского гос. пед. ин-та им. Н. А. Добролюбова», 1971, вып. 47. «Исследования по структурно-вероятностному анализу», стр. 160—161.

на отрицательной валентности — КФ $< 0{,}7$ (немецкие тексты по односоставности и английские по ЭП с формальным подлежащим). Среди флективных языков в русском отмечается самая низкая категориальная мера односоставности, это связано с большей слабостью флексии в русском языке по сравнению с остальными.

В украинских газетах, как и в русских, большинство односоставных ЭП — это синтаксические стандарты, которые также представляют собой комментабельные обороты, преимущественно с возвратными глаголами *вказується, що*; *зазначається, що*: У повідомленні *говориться, що* 17 червня в Ель-Аюні відбулася массова демонстрація... («Радянська Україна», 21 июня 1970). Самыми частыми были обороты *говориться, що* или *говориться про*; *вказується, що*; *відзначається, що*; *підкреслюється в.* В отрезке текста размером 16 ЭП в газете «Молодь України» за 19 июня 1970 четыре раза был употреблен комментабельный оборот *підкреслюється, що*, а в болгарской газете «Отечествен фронт» за 26 окт. 1971 в заметке на 17 ЭП было найдено четыре повторения оборота *се казва, че*, что также в некоторой степени приближает стандарт к штампу. В болгарских газетах среди односоставных ЭП самыми частыми являются также стандартные комментабельные обороты *очаква се, че*; *се отбелязва, че*; *се казва, че*: *Предполага се, че* събитията ще накарат Иньоню да свика конгреса... («Отечествен фронт», 26 окт. 1971). Имеются обороты и с невозвратными глаголами — *изглежда, че*; *напълно очевидно е, че*; *беше отбелязано, че.*

Комментабельные обороты с возвратными глаголами в польских газетах составляют гораздо меньшую долю среди односоставных ЭП, чем в русских, украинских и болгарских газетах. В польских газетных текстах главную массу односоставных ЭП образуют безлично-причастные конструкции на -no, -to — utworzono rade; podano do wiadomości, że. В большинстве случаев они не являются комментабельными: Obok zagadnień politycznych i dyplomatycznych wiele uwagi poświęcono sprawom osobistego bezpieczeństwa prezydenta i jego świty («Życie Warszawy», 23—24 февр. 1969). Такие предложения считаются в польском языке характерными для книжной речи и нехарактерными для разговорной [14]. Аналогичные конструкции

[14] *Я. В. Маюсович.* О двух синтаксических конструкциях современного польского языка (предложения со сказуемым, выражен-

в русских и украинских текстах были отмечены лишь в единичных случаях. Специфичным для польских текстов является оборот doszło do, употребляемый при сообщениях о столкновениях, инцидентах или каких-либо изменениях: W środę doszło do poważnych starć pomiędzy strajkującymi a policją w Neapolu («Życie Warszawy», 31 янв. 1969).

В чешских текстах синтаксические стандарты представлены безлично-возвратными комментабельными оборотами, как и в польских, а также комментабельными оборотами, состоящими из личного глагола в 3 л. ед. или множ. числа прошедшего времени — konstatovaly, že; uvedl, že: Zdůraznil, že v čs. hospodářství hraje velkou úlohu zahranični obchod... («Rude Pravo», 5 ноября 1971). Такие обороты являются типологической особенностью чешских и словацких газетных текстов и в других славянских языках не были обнаружены, однако они представлены в испанском. Отмечено также частое повторение оборота se praví, že, аналогичного русскому *говорится, что*. Имеются комментабельные конструкции, состоящие из глагола-связки и наречия — je dobre, že; je zřejme, že, а также фразеологические обороты jde o, došlo k: Policie zatím odmítla sdělit, za jakých okolností ke střelbe došlo («Rude Pravo», 2 ноября 1971).

Как и в чешских текстах, в словацких тоже отмечены комментабельные обороты с личными глаголами — uviedol, že; zdôraznil, že: Poviedal, že Biely dom sa stále drží zvrátenej a akrobatickej politiky... («Pravda», 12 окт. 1971). Аналогично чешским текстам, здесь есть комментабельные и некомментабельные безлично-возвратные обороты sa zdôrazňuje, že; rokovalo sa o; ako sa dalo predpokladat'; связочно-наречные и связочно-причастные типа nie je vylúčené, že, а также фразеологические обороты jde o, dochadza k.

Отдельные примеры выбраны из югославских газет: сербской «Борбы» и хорватской «Vjesnik». Для полной выборки материал был недостаточен. Здесь также были найдены стандартные выражения kako se ističe u; se proglasilo; se tvrdi da; došlo je do: Iz Mikozije se saznaje da je

---

ным предикативным причастием на *-o* или безличным глаголом с возвратным местоимением się). «Исследования по польскому языку». М., 1969, стр. 129.

predstavnik turske zajednice upoznao predstavnika grcke zajednice... («Vjesnik», 20 авг. 1969), сербск.: *у... истиче се да*; *констатује се — ...*; *се говори о*; *се каже да*; *дошло је до*; *рачуна се да*; *као што је познато*: *Како што је саопштено*, *циљ* лета свог брода је заједнички рад са орбиталном станицом «Салют»... («Борба», 7 июня 1971).

Особенность синтаксических стандартов в немецких текстах заключается в том, что они представлены как односоставными конструкциями, так и конструкциями с формальным подлежащим es — daraus geht hervor, daß; in der Erklärung wird betont, daß; es wird deutlich, daß: Mit Genugtuung wird vermerkt, daß Ägypten bereits positiv auf diese Initiative reagierte («Berliner Zeitung», 15 дек. 1971).

Предложения с неопределенно-личным местоимением man в качестве подлежащего не являются синтаксическими стандартами, так как в их структуре не замечено какой-либо закономерности, они очень малочисленны, и man сочетается с различными по семантике глаголами.

Особенно часто повторяется комментабельный фразеологический оборот es heißt и оборот es kam zu, соответствующий польскому doszło do. Он употребляется в подобных же случаях, когда речь идет об инцидентах или изменениях. Оборот es heißt аналогичен русскому *говорится*, (*что*): In der Erklärung heißt es weiter: «Wir begrüßen die Haltung der indischen Regierung, die...» («Berliner Zeitung», 17 дек. 1971) [15].

В английских текстах все ЭП с формальным подлежащим it относятся к двум видам: это комментабельные обороты типа it is known that; it was evident that; it was rumored that и простые инфинитивные it is necessary to; it was possible to; они тоже повторяющиеся, стандартные.

Синтаксические стандарты во французских текстах представлены большей частью предложениями с неопределенно-личным местоимением on — on déclare que, on parle de, on sait que, реже — с формальным подлежащим il — il est vrai que; il semble que; il s'agit de: ...il apparaît

[15] Составность предложений с формальными подлежащими it, man, es, il, on является спорной: одни лингвисты считают их двусоставными, другие — односоставными (см.: *Ц. Н. Шрайбер*. Безличные предложения в современном немецком языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1963). Мы считаем, что свойственное им своеобразие позволяет выделить их в отдельную группу.

que les militaires n'ont pas voulu laisser échapper la situation... («l'Humanité», 22 окт. 69).

Самыми частыми синтаксическими стандартами в итальянских газетах, подобно русским, являются комментабельные и некомментабельные конструкции с возвратной частицей — si sa che; si afferma che; si tratta di; si parla di: A Berlino — si apprende oggi da un dispaccio della agenzia ADN — si è tenuta nei giorni scorsi una reunione... («l'Unità», 14 февр. 1969). Здесь представлены также связочно-наречные комментабельные обороты è noto che; come è noto; non è improbabile che; è sintomatico che; è naturale che. Аналогичные обороты в русском языке более синтетичны — *известно*, *что* и т. д.

Комментабельные обороты с личным глаголом в 3 л. ед. или множ. числа, найденные в чешских и словацких текстах, отмечены также в испанских: recordó que; afirmó que; añadió que (повторен трижды в одной заметке). Кроме того, в испанских газетных текстах имеются безличновозвратные и связочно-наречные обороты, большей частью комментабельные — se informó que; se dice que; se espera que; se ha anunciado que; se trate de; es evidente que; es cierto que; claro està qué: También se reportò que otros dos del Ejército saigonés corrieron igual suerte («Granma», 29 сент. 1971).

Выявленные при исследовании синтаксические стандарты можно отнести к следующим семантическим группам:

1) передача содержания какого-либо документа или корреспонденции — наиболее часто повторяющийся стандарт: *в... говорится*, *что*; *указывается*, *что*; *у... підкреслюється*, *що*; *в... се отбелязва*, *че*; v... se konstatuje, že;

2) информация без указания источника: *сообщают*, *что*; it was announced that; on dit que; se dijo que; se ha anunciado que и др.;

3) предположение, прогноз: *возможно*, *что*; *ожидается*, *что*; *се вероj е да*; es ist möglich, daß; se espera que и др.;

4) ссылка на имеющиеся сведения: *как известно*; *как уже сообщалось*; *известно*, *что*; jak wiadomo; come è noto,

5) вывод из сказанного: stąd wynika, że; daraus geht hervor, daß; ne consegue che; vyplyva, že;

6) уверенность в сообщаемом: *нет сомнения в том*, *что*; *напълно очевидно е*, *че*; je nesporne, že; it is evident that.

На более обширном материале этот список, безусловно, может быть продолжен.

Как известно, «отличительными чертами стандарта выступают воспроизводимость, однозначная семантика и, прежде всего, нейтрально-нормативная окраска. Особенно существенно подчеркнуть именно нейтральность стандарта, его всеобщность по отношению к эстетике речи и языковой норме» [16]. На основании проведенного исследования мы можем добавить, что синтаксическим стандартам свойственна функционально-стилевая специфичность, установленная нами при сравнении функциональных стилей художественной прозы, газеты и медицинских текстов с помощью той же методики. При этом оказалось, что газетные и медицинские тексты имеют много общих и своих специфических стандартов, в отличие от беллетристики, сферы «антистандарта».

Следует также отметить межъязыковую, «интернациональную» универсальность недвусоставных синтаксических стандартов, которые сходны не только в родственных, но и в неродственных языках. Гипотетически можно допустить, что в двенадцати функциональных стилях одного и того же языка [17] мы нашли бы меньше общих стандартов, чем нами было найдено в одном и том же функциональном стиле двенадцати языков, причем есть основания полагать, что аналогичные синтаксические стандарты имеются и в других языках, кроме исследованных. Факт наличия универсальных синтаксических стандартов говорит о функционально-стилевой закономерности, преодолевающей языковые барьеры. Универсальное в такой степени явление не может не быть нормативным. Но синтаксический стандарт нормативен не вообще, а лишь в конкретной речевой ситуации: «Вовсе не следует утверждать, будто в языке вообще не должно быть клише и фиксированных формул, у них есть с в о я функция и с в о е место в механизме языкового выражения. Но беда, если эти клише появляются там, где их быть не должно в силу самой природы вещей» [18].

Правильный, дифференцированный подход к синтаксическому стандарту необходим для овладения навыками культурной речи. Нельзя требовать индивидуальности и экспрессии там, где их не может и не должно быть.

---

[16] *В. Г. Костомаров.* Русский язык на газетной полосе, стр. 180.

[17] См. об иерархии и рангах подъязыков: *Н. Д. Андреев.* Указ. соч., стр. 90 и сл.

[18] *Г. О. Винокур.* Указ. соч., стр. 152.

ВАРИАНТЫ СЛОВ И СТАТИСТИКА

Т. А. Якубайтис, А. В. Рубина

В любом развитом естественном языке существуют вариантные средства выражения одного и того же содержания. За последние годы они все чаще становятся объектом изучения в различных аспектах: общетеоретическом [1, 2, 3], социолингвистическом [4], статистическом [5], прикладном [6]. Особенно возрос интерес к проблеме вариантов у исследователей литературных языков. И это становится понятным, если принять во внимание, что «преодоление нефункционального многообразия единиц» некоторыми исследователями предлагается не только включить в число характерных признаков литературного языка, но и считать определяющей чертой, из которой можно вывести все его остальные признаки [7, 8].

Как ни относиться к этому предложению, нельзя не признать, что проблема вариантности имеет первостепенное значение для изучения литературного языка.

Глубокое и всестороннее исследование вариантных средств выражения литературного языка предполагает решение многообразных задач. Здесь можно назвать такие, как инвентаризация основных типов вариантов, определение их удельного веса в литературном языке в целом и в его функциональных разновидностях, выявление характера различий между членами вариантного ряда и т. д. Даже этот краткий перечень показывает, что проблема вариантов требует не только качественного, но и количественного аспекта рассмотрения.

Именно такому рассмотрению подвергаются в этой статье некоторые варианты современного латышского литературного языка. Материал для анализа был собран в ходе составления «Частотного словаря латышского языка». Уже подготовлены и опубликованы три тома этого словаря. Первый из них составлен на текстах научно-технических [9], второй — газетно-журнальных [10], третий — художественных [11] [1]. Объем каждого тома — 300 000 словоупотреблений. Методика обработки текстов, принятая в этом словаре, позволила получить значитель-

[1] Сдан в печать также сводный том, в котором объединены словники всех трех томов.

ный материал, касающийся многих вариантов слов и грамматических форм.

Авторы данной статьи избрали для анализа только один тип вариантов слов, считая, что даже на этом небольшом материале раскрываются возможности количественного подхода к рассматриваемой проблеме.

* * *

В современном латышском языке некоторые существительные колеблются в отнесенности к типу склонения, например lenta — lente. Первое из этих существительных причисляют к четвертому склонению, второе — к пятому. Иногда эти колебания осложняются родовыми различиями, например taka — жен. р., taks — муж. р. Как известно, такие варианты имеются и в русском языке: *анемон — анемона*, *жираф — жирафа* [см., например, 1, 12].

При обработке текстов для «Частотного словаря латышского языка» фиксировались все пары, которые различаются по указанному признаку и обладают тождеством значения. В трех томах словаря оказалось 87 таких пар, что составляет 0,28% от длины словника сводного тома, включающего 31 039 слов. Суммарная частота этих пар равна 3767, или 1,21% от общего числа словоупотреблений (от 900 000).

Варианты анализируемого типа приводятся в алфавитных списках всех томов, в частотных же списках они представлены своим основным словом [2].

Количественный анализ вариантов может быть осуществлен в нескольких целях. Так, например, можно использовать статистический подход для решения спорных случаев языковой практики, когда важно выяснить реальное количественное соотношение конкурирующих вариантов. Можно выдвинуть задачу рассмотрения самого процесса образования, развития и распада вариантных пар, который, вероятно, сопровождается определенными статистическими сдвигами.

---

[2] В каждой паре основным считалось слово с большей частотой (в словаре и в данной статье оно всегда дается первым), вариантом — слово с меньшей частотой. В некоторых парах оказалось затруднительным установить точное соотношение частот, так как эти слова употреблены главным образом в падежных формах, одинаковых в обоих склонениях. В настоящей статье эти пары включались в подсчеты, но не подвергались рассмотрению.

В зависимости от целей исследования должен избираться принцип классификации вариантов.

В настоящей работе в основу рассмотрения и классификации вариантов положены количественные отношения между членами вариантной пары. Как полагают авторы, такое рассмотрение даст возможность выявить качественные различия в характере и функционировании вариантов.

В последнее время в лингвостатистических исследованиях все чаще появляется мысль о том, что для решения целого ряда задач «слепая» частота языкового элемента недостаточно информативна, и она должна быть дополнена показателем степени его распространенности в текстах. С этой целью, например, в современных частотных словарях, выполненных на хорошем уровне, указывается не только частота слова, но и количество текстов, в которых оно встретилось. Иногда вводится специальный «поправочный» коэффициент [13].

Для того чтобы раскрыть реальную картину жизни варианта в языке, несомненно, следует принять во внимание его распространенность в текстах. В данном конкретном случае учитывалась встречаемость варианта в трех типах текстов (что отражено соответственно в трех томах «Частотного словаря латышского языка» и в приводимых ниже примерах обозначено римскими цифрами).

Исходя из указанных выше двух критериев, весь анализируемый материал можно легко разделить на две группы. При этом в одной из них оказываются вариантные пары с очень большим перепадом частот; в подавляющем большинстве этих пар вариант имеет частоту 1:

pilsēta 676 (I, II, III)
pilsēts 2 (III)

nakts 482 (I, II, III)
nakte 1 (III)

sieviete 291 (I, II, III)
sievietis 8 (III)

pavasaris 287 (I, II, III)
pavasars 3 (III)

traktors 178 (I, II, III)
traktoris 1 (III)

krāsns 99 (I, II, III)
krāsne 1 (III)

medaļa 94 (I, II, III)
medālis 1 (III)

lāse [3] 62 (I, II, III)
lāsa 4 (III)
lāss 1 (III)

taka 63 (I, II, III)
taks 2 (III)

[3] Единственный пример, когда вариантный ряд состоит из трех членов.

tētis 59 (II, III)
tēta 1 (III)

kombains 41 (I, II, III)
kombainis 1 (III)

pērkons 33 (I, II, III)
pērkonis 1 (III)

lelle 22 (II, III)
lellis 1 (III)

viltus 21 (I, II, III)
vilts 1 (III)

padebesis 19 (II, III)
padebess 1 (III)

plīvurs 16 (I, II, III)
plīvuris 1 (III)

bezdibenis 13 (II, III)
bezdibens 1 (III)

tabaka 13 (II, III)
tabaks 1 (III)

varavīksne 11 (III)
varavīksna 1 (III)

В другую группу попадают пары, у которых можно отметить большее равновесие частот. Во многих подобных парах не только основное слово, но и вариант принадлежит к достаточно частотным пластам лексики.

Среди этих вариантов много иноязычных заимствований терминологического и нетерминологического характера:

lente 125 (I, II, III)
lenta 86 (I, II, III)

matrice 153 (I, II)
matrica 35 (I)

partizānis 31 (II, III)
partizāns 26 (II, III)

ordināta 10 (I)
ordināte 6 (I)

kinolente 4 (II)
kinolenta 3 (I, III)

sonāte 6 (II, III)
sonāta 1 (II)

soneta 6 (II, III)
sonets 1 (II)

koledža 3 (II, III)
koledžs 1 (II)

aprikoze 3 (II)
aprikozs 1 (III)

fleita 1 (III)
fleite 1 (II)

transportlenta 2 (I)
transportlente 1 (I)

Однако довольно значительную часть составляют и незаимствованные слова:

sausne 11 (I)
sausna 9 (I)

sadura 15 (I, II)
sadure 4 (I)

aile 14 (I, II, III)
aila 3 (I)

kastanis 9 (III)
kastaņa 3 (III)

niedre 8 (III)
niedra 3 (I)

grīste 6 (I, III)
grīsts 4 (III)

vīgrieze 5 (III)	aplieva 1 (I)
vīgriezis 4 (III)	blīve 2 (I, III)
vizbule 5 (III)	blīva 1 (III)
vizbulis 4 (III)	lūksne 2 (I)
krustceles 4 (II, III)	lūksna 1 (I)
krustceļš 4 (I, III)	piets 2 (I, III)
aplieve 3 (I)	piete 1 (III)

Интересно отметить, что испытывают колебания все встретившиеся в текстах образования со словом mala ‘край’, ‘берег’, ‘кайма’:

atmale 8 (I)	grāvmala 2 (III)
atmala 2 (I)	grāvmale 1 (III)
apmale 8 (I, II, III)	pļavmala 2 (III)
apmala 2 (I)	pļavmale 1 (III)
sētmale 3 (III)	ežmala 1 (III)
sētmala 1 (III)	ežmalis 1 (III)

Как можно видеть, классификация вариантных пар по соотношению частот входящих в них членов совпадает с их классификацией по степени распространенности. В самом деле, в первой группе основное слово каждой пары не только значительно более частотно, но и функционально не ограничено, т. е. зафиксировано во всех или почти всех типах текстов. Варианты же не только низкочастотны (бóльшая часть из них имеет частоту 1), но и функционально ограничены. Речь идет не о том, что они встретились в текстах только одного типа, что естественно при частоте 1, но и о том, что в с е без исключения варианты этой группы реализовались только в художественных текстах.

Что же касается вариантных пар второй группы, то здесь и основное слово и вариант в принципе могут реализоваться в любых текстах.

Между вариантными парами обеих групп имеется еще одно существенное различие. В парах первой группы основное слово, как правило, принадлежит к нейтральному пласту лексики, в то время как вариант всегда стилистически окрашен. Между членами вариантных пар второй группы практически нет различий ни стилистического, ни экспрессивно-эмоционального характера. Та-

ким образом, если произвести классификацию анализируемых вариантов по типу стилистической оппозиции [4], то она совпадает с той, которая осуществлена выше.

По-видимому, действительно, различия в количественных характеристиках вариантных пар сигнализируют об их качественной неоднородности. Можно думать, что мы имеем дело с различным типом не только количественных, но и качественных отношений и что эти группы вариантных пар находятся на разных ступенях «преодоления нефункционального многообразия единиц» [7]. В самом деле, вариантные пары второй группы — это безразличные, функционально тождественные дублеты, «живые» варианты языка.

Совсем иной характер имеют варианты, отнесенные к первой группе. Уже говорилось, что все варианты этой группы употреблены в художественных текстах, причем это употребление, как правило, мотивировано.

Основная их масса использована в стихотворных текстах. Обычно такие варианты принадлежат к пассивным слоям лексики. Поэты обращаются к этим пассивным запасам языка и используют варианты как своего рода поэтические вольности. Ведь помимо того, что эти слова зачастую придают тексту определенное стилистическое звучание, они представляют удобство и в чисто версификационном отношении, так как нередко на слог длиннее или короче основного слова. Примеры:

pilsēta 676 (I, II, III)
pilsēts 2

nakts 482 (I, II, III)
nakte 1

pavasaris 287 (I, II, III)
pavasara 3

krāsns 99 (I, II, III)
krāsne 1

lāse 62 (I, II, III)
lāsa 4
lāss 1

taka 63 (I, II, III)
taks 2

pērkons 33 (I, II, III)
pērkonis 1

viltus 21
vilts 1

plīvurs 16 (I, II, III)
plīvuris 1

bezdibenis 13 (II, III)
bezdibens 1

tabaka 13 (II, III)
tabaks 1

[4] О возможности такого подхода см. [14, 15].

varavīksne 12 (III) varavīksna 1	kambaris 6 (II, III) kambars 1
ziedonis 10 (II, III) ziedons 1	dzimta 8 (I, II, III) dzimts 1 [5]

Если предыдущая группа вариантов присуща исключительно стихотворным текстам, то варианты, к описанию которых мы переходим, характерны только для диалогической речи. В основном они встретились в драматургии, некоторые же в диалогах прозаических текстов. Все эти варианты представляют собой иноязычные слова, но употреблены они не в соответствии с литературной нормой. Большую часть из них, вероятно, можно квалифицировать как авторские неологизмы, образованные по существующей в языке модели. В данном случае такой моделью являются варианты типа lente—lenta, ordinãte—ordinãta, описанные выше. Неточное употребление иностранного слова выступает как средство речевой характеристики действующих лиц, во всяком случае, в исследованных текстах. Таковы, например:

traktors 178 (I, II, III) traktoris 1	krokodils 2 (II, III) krokodīlis 1
medaļa 94 (I, II) medālis 1	baldriāns 3 (III) baldrianis 1
kombains 41 (I, II, III) kombainis 1	

У целого ряда вариантов ограничение функции рамками художественных текстов связано с их отчетливой стилистической окраской, чаще всего разговорной или разговорно-просторечной.

sieviete 291 (I, II, III) sievietis 8	lelle 22 (II, III) lellis 1
tētis 59 tēta 1	aukle 3 (II, III) auklis 1

Можно выделить еще одну весьма небольшую группу вариантов, которые тоже вышли из активного употребления:

[5] В том же значении, что dzimta.

kļūme	25 (I, II, III)	lapotne	12 (I, III)
kļūma [6]	1	lapotnis	2
uzacs	16 (II, III)	suta	4 (II, III)
uzacis	2	suts	2

Эти варианты употреблены в одном и том же произведении, но без достаточно выраженной мотивированности.

Как видим, по отношению к парам первой группы нельзя говорить о «безразличном равенстве вариантов». Здесь фактически уже произошло размежевание между членами вариантных пар, и варианты превратились, по сути дела, в стилистическое средство языка. О том, что это заключительный этап варьирования, а не его начало, в какой-то мере свидетельствует тот факт, что варианты первой группы не отражены в современных словарях. Между тем некоторые из них даются как равноправные с основным словом в более старых словарях, например, в словаре Мюленбаха [15], в орфографическом словаре 1915 г. [16].

Можно предположить, что в истоках процесса дифференциации вариантных пар находится безразличное равенство дублетов, притом, вероятно, не только семантическое и стилистическое, но также и статистическое. Стремление избавиться от совершенно тождественных дублетов, свойственное любому литературному языку, приводит к их размежеванию по сфере употребления, поскольку обычно между ними возникают различия семантического или стилистического характера. Это часто сопровождается и статистическими сдвигами. И тогда нередко один из членов вариантной пары перемещается в пассивные области языка и, следовательно, в зоны низких частот.

Этот процесс достаточно прослежен на материале русского языка. В латышском литературном языке он менее изучен [17, 18]. Очевидно, и там развитие происходит сходным образом. Некоторые основания для такого предположения дает, как мы видели, рассмотренный материал.

Можно предположить, что процесс дифференциации вариантных пар в первую очередь охватывает наиболее частотные слова, оставив неупорядоченные варианты в зонах низких частот. Однако, по-видимому, это не так.

[6] Приводится в словаре Мюленбаха [15].

Таблица 1

Суммарная частота вариантной пары	Количество пар с такой частотой	Суммарная частота вариантной пары	Количество пар с такой частотой
678	1	20	4
483	1	19	2
299	1	18	2
290	1	17	2
211	1	16	2
188	1	14	4
179	1	13	2
100	1	12	1
95	1	11	3
91	1	10	3
67	1	9	4
65	1	8	4
60	1	7	5
57	1	6	4
42	1	5	1
40	1	4	8
35	1	3	8
34	2	2	3
29	1		
26	2		
23	1		
22	2		

В табл. 1 показан лексический спектр суммарных частот анализируемых вариантных пар.

Возьмем наиболее частые слова, скажем, с частотой 10 и выше. Как видно из табл. 1, таких слов всего 50. Из них 23 входят в первую группу, 27 — во вторую. Следовательно, в смысле принадлежности к частотным зонам между двумя группами вариантных пар различий не наблюдается.

Поскольку этот материал извлечен из текстов трех типов, то возникает возможность количественного рассмотрения вариантов еще в одном аспекте, а именно, можно выяснить, различаются ли эти тексты по степени кодифицированности в отношении изучаемого явления. Для

этого прежде всего вычислим долю вариантов в каждом типе текстов (см. табл. 2). Для подсчета берем не длину словника, а число существительных в нем, потому что эти две величины не находятся в прямой зависимости. В число существительных не включены имена собственные.

Таблица 2

Тексты	Кол-во слов в словнике	Из них существительных (%)	Кол-во вариантов	% от количества существительных
Научно-технические	12 846	58	15	0,20
Газетно-журнальные	16 103	55	10	0,11
Художественные	17 769	49	62	0,71

Согласно табл. 2, больше всего вариантов в художественных текстах. Но из этих данных не вытекает однозначно доказательство их меньшей кодифицированности. Выше мы показали, что значительную часть вариантов III тома составляет группа, которую можно назвать вариантами художественной речи и которая выступает в качестве стилистического средства языка, поэтому не может служить показателем степени кодифицированности. Очевидно, нам следует обратиться к вариантам, которые мы отнесли ко второй группе.

Большая часть из них подвергалась известной регламентации, которая отражена в той или иной степени в различных словарях. При рассмотрении нашего материала были привлечены словари орфографический 1951 г. [19], иностранных слов [21], латышско-русский [20] и терминологические [22, 23] [7]. Для справок использовались и более старые словари [15, 16, 24].

Регламентация выражается в том, что в одних случаях за членами вариантного ряда закрепляются разные зна-

[7] В настоящее время мы не располагаем толковым словарем современного латышского литературного языка.

чения, например: matrice (техн. и полигр.) — matrica (матем.), aprikoze (дерево) — aprikozs (плод), kastanis (плод) — kastaņa (дерево). В других случаях (таких значительно больше) в словник включается только один член вариантной пары, который таким образом, очевидно, признается более желательным для употребления. Правда, здесь не обходится без противоречий, когда словари не единодушны в своих рекомендациях. Так, из пары vīgrieze — vīgriezis в лытышско-русском словаре [14] помещено первое слово, а в орфографическом [13] — второе. В парах partizānis — partizāns латышско-русский и орфографический словари предпочитают первое слово, словарь иностранных слов [15] — второе.

У весьма немногих пар оба члена, вероятно, считаются равноценными, во всяком случае, оба даются в словниках. Таковы, например, lenta — lente, stārks — stārķis, krustceles — krustceļš (krustceļi), līkste — līksts.

Неудивительно, что у этих пар находим наибольшее равновесие частот. Неустойчивость количественного соотношения членов таких вариантных пар хорошо прослеживается на примере lente — lenta:

I		II		III	
lente	82	lente	38	lente	18
lenta	60	lenta	8	lenta	5

Эти последние случаи, очевидно, следует исключить при сравнении степени кодифицированности текстов, поскольку их появление там «узаконено» словарями.

Все остальные варианты употреблены в текстах вопреки нормализаторским усилиям языковедов. Это касается не только самого факта их реализации в текстах. Иногда оказывались менее частотными как раз те члены вариантной пары, которые помещены в словари:

trigers 38 (I)	ordināta 10 (I)
trigeris 2 (I)	ordināte 6 (I)
birzs 29 (II, III)	propelleris 9 (I)
birze 5 (I, III)	propellers 1 (II)
sausne 11 (I)	aplieve 3 (I)
sausņa 9 (I)	aplieva 1 (I)

Нарушаются рекомендации и в отношении дифференциации значений между членами вариантного ряда. Так, в наших текстах kastanis и aprikoze зафиксированы как в значении «плод», так и в значении «дерево»; matrice употребляется как математический термин, а matrica — как технический и полиграфический. На этом основании мы и сочли возможным рассматривать эти пары как варианты.

Итак, если сравнивать три типа текстов по степени их кодифицированности, то следует использовать именно эти варианты.

Определим их удельный вес в каждом типе текстов (проценты подсчитаем от количества существительных в словнике). Получим следующие цифры: (I) научно-технические 0,16%; (II) газетно-журнальные 0,02%; (III) художественные 0,11%.

Мы далеки от намерения делать вывод о степени кодифицированности текстов на основе анализа одного типа вариантов. Однако можно упомянуть, что предварительное рассмотрение остального материала, имеющегося в нашем распоряжении, открывает сходную картину.

ЛИТЕРАТУРА

1. *О. С. Ахманова.* Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
2. *Р. П. Рогожникова.* Варианты слов в русском языке. М., 1966.
3. *A. Jedlička.* Studium současnych spisovnych jazyků slovanskych a problematika variantnosti normy. «Slovo a slovesnost», č. 2, 1968.
4. *Л. Крысин.* Языковые варианты и социальное расслоение говорящих. «Русский язык в национальной школе», 1970, № 4.
5. *Л. К. Граудина.* Норма и статистика. «Актуальные проблемы культуры речи». М., 1970.
6. Краткий словарь трудностей русского языка. М., 1968.
7. *М. В. Панов.* Русский язык.— В кн.: «Языки народов СССР», т. I. М., 1966.
8. *М. В. Панов.* О литературном языке. «Русский язык в национальной школе», 1972, № 1.
9. *T. Jakubaite, D. Gulevska, V. Ozola, R. Prūse, N. Sika.* Latviešu valodas biežuma vārdnica. I sēj. Rīga, 1966.
10. *T. Jakubaite, D. Gulevska, V. Ozola, R. Prūse, A. Rubīna, N. Sika.* Latviešu valodas biežuma vārdnīca. II sēj. Rīga, 1969.
11. *T. Jakubaite, D. Gulevska, V. Ozola, A. Rubīna, N. Sika.* Latviešu valodas biežuma vārdnīca. III sēj. Rīga, 1972.
12. *Д. Э. Розенталь.* Практическая стилистика русского языка, изд. 2. М., 1968.
13. *J. Mistrik.* Frekvencia slov v slovenčine. Bratislava, 1969.

14. *Г. О. Винокур.* О славянизмах в современном литературном языке.— РЯШ, 1947, № 14.
15. *K. Mülenbach.* Latviešu valodas vārdnīca. Redigējis, papildinājis, turpinājis J. Endzelīns. I—IV, 1923—1932.
16. *J. Dravnieks.* Pareizrakstības vārdnīca. Rīga, 1915.
17. Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika. Rīga, 1959.
18. *A. Laua.* Latviešu leksikologija. Rīga, 1969.
19. Latviešu valodas pareizrakstības vārdnīca. Rīga, 1951.
20. Latviešu-krievu vārdnīca. Rīga, 1953.
21. Svešvārdu vārdnīca. Rīga, 1969.
22. Словарь терминов физики. Рига, 1964.
23. Терминологический словарь (физика, математика, астрономия). Рига, 1959.
24. *E. Blese un V. Pētersons.* Pareizrakstības vārdnīca. Rīga, 1938.

ТИПЫ СООТНОШЕНИЯ ВАРИАНТОВ И СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НОРМЫ

Б. С. Шварцкопф

Работы, связанные с приложением к исследованиям языка и речи методики статистического анализа, получили в последние годы в советском языкознании значительное распространение. Это, в частности, нашло отражение в библиографиях Г. В. Ермоленко и К. Б. Бектаева [1]. Обращает, однако, на себя внимание тот факт, что в библиографии Г. В. Ермоленко (несмотря на наличие специальных разделов [2]) отмечено сравнительно немного работ, в которых статистические методы были бы применены к исследованию норм современного русского литературного языка. В основном это работы, выполненные в Институте русского языка АН СССР, связанные с созданием двух важных для уяснения норм современного литературного языка трудов: 1) четырехтомной коллективной моно-

[1] *Г. В. Ермоленко.* Лингвистическая статистика. Краткий очерк и библиографический указатель. Под ред. Х. Х. Махмудова. Алма-Ата, 1970; *К. Б. Бектаев.* Статистика речи. 1957—1972 гг. (Библиографический указатель). Алма-Ата, 1972.

[2] См. об этом в рец. Л. К. Граудиной (РЯНШ, 1971, № 1, стр. 85). В библиографии К. Б. Бектаева, отражающей работы группы «Статистика речи», с проблематикой нормы связаны лишь две работы — Р. Г. Пиотровского и Л. А. Турыгиной (стр. 22—23, 91).

графии «Русский язык и советское общество» (а также примыкающей к ней серии сборников «Развитие... современного русского языка» и продолжающей ее серии социолого-лингвистических исследований сектора современного литературного языка) и 2) подготовленного в секторе культуры речи частотного словаря грамматических вариантов.

Между тем использование математических методов представляется чрезвычайно важным источником для получения новых знаний о нормах современного русского литературного языка. Отсутствие достаточно широкого фронта работ такого рода можно объяснить, по-видимому, как отсутствием кадров русистов, владеющих указанными методами, так и недостаточной теоретической разработкой тех вопросов лингвистики, которые в конечном счете определяют постановку задач на применение статистики в области культуры речи. Поскольку основным направлением в исследованиях рассматриваемого типа является изучение вариантности нормы [3], цель этих заметок — обратить внимание читателей-лингвистов на то, как лингвистическая теория интерпретирует проблему вариантности нормы, и на связь теоретических положений с ситуациями, рассматриваемыми в статистических работах в сфере культуры речи.

В современной лингвистике понимание языковой нормы органически связано с понятием вариантности,— независимо от того, будем ли мы следовать теоретической схеме Э. Косериу «система — норма — речь», где норма как коррелят системы ограничивает присущую последней вариантность, или будем следовать концепции Пражской лингвистической школы, где норма предстает как система обязательных манифестаций языка в речи, иначе — как соотношение «(идеальный) инвариант (в языке) — (реальные) варианты (в речи)» [4]. Следовательно, в вариантности нормы наиболее явно проявляется связь «система — норма»: норме, ограничивающей вариантность системы, в свою очередь присуща вариантность как этап развития

[3] Ср.: «Вариантность нормы стала предметом лингвистической статистики и социологических исследований» (*К. С. Горбачевич.* Изменение нормы русского литературного языка. Л., 1971, стр. 21).

[4] Подробнее см.: *Б. С. Шварцкопф.* Очерк развития теоретических взглядов на норму в советском языкознании. «Актуальные проблемы культуры речи». М., 1970.

нормы. Иначе говоря, связанность понятий «норма» и «вариантность» характеризует динамику нормы.

Первые шаги в области теоретического осмысления взаимосвязи нормы и вариантности в советском языкознании были сделаны в работах Е. С. Истриной и С. И. Ожегова [5]. Продолжением их явилась постановка вопроса о колебаниях нормы как различных случаях сосуществования вариантов (во введении к орфоэпическому словарю) [6]. Были выделены три типа соотношения вариантов:

1) колебание как сосуществование нормативных (= в пределах литературного языка) вариантов, включающее две разновидности:

а) колебание как сосуществование равноправных литературных вариантов [7], например: *издалека́* и *издалёка*, мн. ч. кр. прил. *ви́дны* и *видны́*;

б) колебание как сосуществование неравноправных литературных вариантов (соотношение «литературный — допустимый» и «литературный — устарелый», может быть, точнее «устаревающий»), например: *шевели́шься* и доп. *шеве́лишься*, мн. ч. *волна́м*, *волна́ми*, *о волна́х* и доп. *во́лнам*, *во́лнами*, *о во́лнах*; мн. ч. *деньга́м*, *деньга́ми*, *о деньга́х* и устар. *де́ньгам*, *де́ньгами*, *о де́ньгах*, прош. вр. *собра́лся* и устар. *собрался́*;

2) колебание как сосуществование литературного и нелитературного (нормативного и ненормативного) вариантов, например: *поселя́шься* — разг. *посе́лишься*, *инструме́нт* (не *инстру́мент*).

С этой классификацией может быть сопоставлена предложенная В. А. Ицковичем обобщенная схема динамики нормы при наиболее типичном ее направлении: появление периферийного ненормативного варианта, вытесняющего

---

[5] См.: *Е. С. Истрина.* Нормы литературного языка и культура речи. М.— Л., 1948; *С. И. Ожегов.* [Рец.:] Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение.—«Сов. книга», 1951, № 5.

[6] См.: «Русское литературное произношение и ударение». М., 1959, стр. 3, 4, 7, 9—10.

[7] Выделение категорий равноправности и неравноправности литературных вариантов связано с возможностью приписывать вариантам нормативно-стилистические характеристики: литературные равноправные варианты — нейтральные; неравноправные — литературно-нормативные, из которых один нейтральный, а другой ненейтральный.

старый, нормативный [8]. С некоторым уточнением (введение рубрик «допустимое» и «устаревающее книжно-литературное») эта схема может быть представлена так:

Ненормативное (нелитературное)	Литературно-нормативное			
	ненейтральное	нейтральное		ненейтральное
разговорно-просторечное, профессиональное	допустимое	устное	письменное	устаревающее книжно-литературное
A_2	A_2	A_1	A_1	
		A_1	A_1	
		$A_2 \parallel A_1$	A_1	
		$A_2 \parallel A_1$	$A_2 \parallel A_1$	
		A_2	$A_2 \parallel A_1$	
		A_2	A_2	A_1

Дальнейшее движение на этой схеме может быть представлено как событие в сфере ненормативного: переход туда варианта A_1 или возникновение там нового периферийного варианта A_3 (а может быть, и то и другое).

Сравнение типов колебаний нормы в орфоэпическом словаре со строками 1—6 схемы В. А. Ицковича (этапами вытеснения одного варианта другим) позволяет отметить одинаковые типы соотношения вариантов:

тип I: сосуществование равноправных литературных вариантов (1а) — соотношение вариантов $A_2 \parallel A_1$ в нейтральной устной (строка 3) и письменной (строка 5) норме, и в той и другой (строка 4);

тип II: сосуществование неравноправных (нейтральный — ненейтральный) литературных вариантов (1б) — в строке 2 (A_2 — допустимое) и 6 (A_1 — устаревающее);

[8] *В. А. Ицкович.* О языковой норме.— РЯНШ, 1964, № 3, стр. 10—11.— Динамика нормы включает в себя также еще две возможности: 2) нерезультативность влияния нового периферийного варианта на норму; 3) дифференциацию старого и нового вариантов — семантическую или стилистическую (см.: *А. А. Леонтьев.* Будущее языка как проблема культуры речи. «Вопросы культуры речи», вып. VIII. М., 1967, стр. 12).

тип III: сосуществование литературного и нелитературного вариантов (2) — соотношение вариантов в строке 1.

Каждый из отмеченных трех типов соотношений вариантов является одним моментом в динамике нормы, а варианты — «переходными формами» в механизме процесса развития нормы [9].

Но с учетом характера соотношения вариантов в каждом из типов появляется возможность дифференцировать общее понятие «колебание нормы». В случае равноправности литературных вариантов (1а) имеет место нормативная вариантность (термин А. А. Леонтьева); в случае неравноправности литературных вариантов (1б) — собственно колебание нормы (разность нормативно-стилистических характеристик вариантов «изнутри» расшатывает единство употребления языковой единицы — способствует закреплению разнознаковых вариантов по различным сферам употребления или же вытеснению одного другим). Соотношение вариантов как «литературный — нелитературный» (2) можно квалифицировать не как колебание нормы, а как колебание употребления языковой единицы в литературной речи, как расшатывание нормы «снаружи». Для последнего случая особенно важно учитывать частотность периферийного варианта: чем она больше, тем сильнее его воздействие на нормативное употребление [10]; большую роль здесь может играть также факт письменного употребления периферийного варианта (ср. распространение канцелярского *согласно чего* или напечатанного в прейскурантах мастерских бытового обслуживания *оплата за что*).

Следует также учитывать тенденцию, характерную для вариантности литературного языка: «процесс перехода полных вариантов в неполные», не совпадающие по экспрессивно-стилистическим характеристикам или по сфере использования [11]. Эту тенденцию можно рассматривать

[9] См.: *А. Едличка.* О пражской теории литературного языка. «Пражский лингвистический кружок». М., 1966, стр. 553.

[10] Ср. закономерность, названную Я. Токарским «законом Дорошевского»: «усиление тенденции развития в языке пропорционально частоте, с которой выступает ее выявление» (*J. Tokarski.* Metody ilościowe w językoznawstwie wobec nowych perspectyw. «Poradnik językowy», 1961, z. 6, стр. 241).

[11] *Н. Н. Семенюк.* Некоторые вопросы изучения вариантности.— ВЯ, 1965, № 1, стр. 50, 55.

как условие для увеличения удельного веса типа II соотношений вариантов (неравноправных литературных).

Рассмотрение соотношения вариантов относительно нормы позволяет в соответственном плане квалифицировать и диахронические сдвиги в нормативной оценке грамматических вариантов [12].

Установление типов соотношения вариантов небезразлично для понимания нормы. Выявляя варианты языковой единицы и определяя их характер относительно нормы, мы характеризуем тем самым норму употребления языковой единицы (в зависимости от соотношения вариантов). Таким образом, мы не можем не согласиться с выводом, сделанным Н. Н. Семенюк в результате рассмотрения отношений «система — норма» (в плане Э. Косериу): «характер вариантности — в сочетании с целым рядом других признаков — определяет специфику норм литературного языка» [13]. Это еще один — теоретический — довод, подтверждающий правомерность исследования нормы языковой единицы с помощью статистического обследования ее вариантов.

Классификация типов соотношения вариантов в принципе приложима к значительной части работ, в которых статистические методы применяются в сфере культуры речи. Каждый из выявленных трех типов соотношения вариантов относительно нормы может служить квалификацией для рассматриваемой в конкретной работе вариантной пары. При этом следует подчеркнуть, что внимание исследователей прежде всего привлекают не те случаи, когда соотношение вариантов на анализируемом временно́м отрезке является стабильным, а такие ситуации, когда на наших глазах достаточно интенсивно совершается (или завершается) процесс изменения соотношения вариантов. Поэтому значительная часть конкретных работ описывает динамику нормы как переход от одного типа соотношения вариантов к другому (практически это значит, что в таких работах имеет место оценка соответствия

[12] См.: *Л. К. Граудина, Б. С. Шварцкопф.* О грамматических колебаниях в русском языке (по словарям неправильностей XIX — начала XX в.). «Изв. АН СССР», серия лит-ры и языка, 1970, т. XXXI, вып. 6.

[13] *Н. Н. Семенюк.* Некоторые вопросы изучения вариантности, стр. 48—49.

отношений в вариантной паре тому или другому типу соотношения вариантов).

Возможно, этим и может быть объяснен тот факт, что в просмотренных нами работах, содержащих описание вариантности норм современного русского языка, мы не обнаружили таких, в которых статистическими методами исследовалось бы в чистом виде соотношение равноправных (нейтральных) литературных вариантов (тип I).

Ситуация, соответствующая типу II (соотношение вариантов: литературные нейтральный — ненейтральный), рассматривается, например, в статье Н. Д. Андреева «Об одном эксперименте в области русской орфоэпии» [14], где исследуется соотношение произносительных вариантов безударных окончаний прилагательных после заднеязычных: *-скъй* ‖ *-ск'ий*. Произношение *-ск'ий* в настоящее время свойственно нейтральному стилю и считается нормативным. Произношение *-скъй*, бывшее ранее старомосковской нормой, теперь устарело и «приобрело ту или иную стилистическую окраску, сниженную просторечную (например, в речи старшего поколения коренного московского простого люда) или архаизированную (например, в речи представителей старшего поколения московской интеллигенции)». Наличие указанных нормативно-стилистических характеристик позволило бы считать это произношение вообще нелитературным, если бы оно не поддерживалось кодификацией «в строгом стиле произношения — в сценической речи» [15] (т. е. произношение *-скъй* в настоящее время является «еще допустимым»). Анализ результатов опроса, проведенного Н. Д. Андреевым в условиях естественной (стихийной) речи, показывает, что произношение *-скъй*, употребляемое актерами академических театров Москвы и дикторами центрального радиовещания, «противопоставляет их основной массе носителей русского языка» [16].

Ситуация, соответствующая типу III (соотношение вариантов: литературный — нелитературный), рассматри-

---

[14] «Вопросы культуры речи», вып. IV. М., 1963.

[15] *Р. И. Аванесов.* Русское литературное произношение. Изд. 5. М., 1972, стр. 155. Ср.: «В театре это произношение не только сохраняют, но и культивируют» (*К. С. Горбачевич.* Указ. соч., стр. 98).

[16] *И. Д. Андреев.* Указ. соч., стр. 52.

вается в статье Л. К. Граудиной «Носков или носок?» [17] (литературно-нормативная традиция считает род. мн. *носок* отступлением от нормы: в орфоэпическом словаре и в 9-м издании «Словаря русского языка» С. И. Ожегова дается только род. мн. *носков*, хотя семнадцатитомный «Словарь современного русского литературного языка» дает род. мн. *носков* и *носок*, при отсутствии примеров на последнюю форму). Характерно, что в результате статистического анализа материала по двум признакам — возрастным и образовательным (филологи — нефилологи) — Л. К. Граудина делает вывод о допустимости формы *носок* в литературном языке [18]; следуя этой рекомендации, соотношение вариантов *носков* — *носок* надо было бы рассматривать в соответствии типу II: литературные нейтральный — ненейтральный (допустимый).

Надо иметь в виду, что намеченные три типа соотношения вариантов рассчитаны прежде всего на ситуацию, когда имеет место вариантная п а р а. При вариантном р я д е (число соотносительных единиц от трех и более) для части случаев сохраняются отмеченные соотношения вариантов; ср. произношение вариантов фонемы ⟨ч'⟩ в сочетании *чн* (в словах *скучно*, *конечно*, *пустячный*, *нарочно*), зафиксированное в речи интеллигенции г. Орла: литературно-нормативное [ш] — нелитературные просторечное [ч'] и диалектное [ш'] [19]. В других же случаях соотношение вариантов осложняется тем, что характеристика вариантного ряда рассматриваемой языковой единицы сочетает в себе показатели по меньшей мере двух выявленных типов соотношения одновременно, ср.: литературно-нормативное нейтральное *само́й* — устаревающее книжно-литературное *самоё* — нелитературное *самою* [20].

Актуальность исследований, в которых с помощью статистических методов изучается вариантность в современном русском языке как характеристика его норм, подчеркивается тем обстоятельством, что современные обобщаю-

[17] «Вопросы культуры речи», вып. VI. М., 1965.

[18] Там же, стр. 146 (но не «в качестве равноправного литературного варианта», как сказано на стр. 141). Этот вывод поддерживает К. С. Горбачевич (указ. соч., стр. 189).

[19] См.: *Н. Б. Парикова.* О южнорусском варианте литературной речи. «Развитие фонетики современного русского языка». М., 1966, стр. 131—132.

[20] См.: *Б. С. Шварцкопф.* «Сам идет, самоё ведет». «Русская речь», 1967, № 6.

щие работы, посвященные кодификации литературных норм, не могут обойти исследования указанного типа и опираются на их данные как на необходимый источник интерпретации динамики норм [21]. В то же время сами обобщающие работы по кодификации литературных норм, поскольку в них фиксируется динамика современной нормы, можно рассматривать как идеальный задачник для русиста, владеющего статистическими методами исследования.

[21] См., например, использование работ, в которых статистические методы применены к исследованию вариантов русского языка, в книге К. С. Горбачевича «Изменение норм русского литературного языка» (стр. 9, 21, 48, 57, 60, 68, 88, 93, 98, 99, 101, 105).

II. ДИНАМИКА НОРМЫ

СТАТИСТИЧЕСКИЙ КРИТЕРИЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ НОРМЫ

Л. К. Граудина

§ 1. К вопросу о соотношении понятий. Понятие нормы в разных областях деятельности оказывается существенным, но строится на основе различных конструктивных признаков, ср. норма выпадения осадков (среднее количество осадков в отдельные времена года) и норма права (свод юридических правил поведения), норма прибавочной стоимости (отношение массы прибавочной стоимости к переменному капиталу, выраженное в процентах) и норма медицинских показателей здоровья (совокупность мер этих показателей в некоторых допустимых пределах) и т. д.

В лингвистике разграничение понятия литературной нормы и ее статистического аспекта широко осознается пока лишь с одной точки зрения. Справедливо подчеркивается, что литературная норма как сложное общественное явление не может быть охарактеризована исчерпывающим образом с помощью одних лишь статистических показателей. В этом направлении большое влияние оказали взгляды С. И. Ожегова. В частности, известен и популярен тезис, выдвинутый в связи с понятием языковой нормы: «Языковая норма — не статистическое явление, ибо распространенной и часто повторяющейся в языке может быть, как известно, и ошибка. Языковая норма есть прежде всего явление типическое, т. е. соответствующее сущности данного социально-исторического явления, а не просто наиболее распространенное, часто повторяющееся, обыденное. Именно поэтому нельзя рассматривать языковую норму как некое статистическое среднее» [1].

[1] *С. И. Ожегов.* Очередные вопросы культуры речи. «Вопросы культуры речи», вып. 1. М., 1955, стр. 14.

Соображение о том, что употребительность, распространенность не может быть единственным показателем нормативности того или иного явления, развивается во многих работах и составляет одну из популярных сторон освещения проблемы взаимоотношения литературной нормы и ее квантитативной интерпретации. Так, в работах Ф. П. Филина по культуре речи неоднократно высказывалась мысль о необходимости трезвой оценки возможностей статистики. «Даже при самых оптимальных результатах широкого применения статистических и иных количественных методов,— пишет Ф. П. Филин,— проблема установления языковых норм не может быть решена. Большая употребительность того или иного варианта далеко не всегда может быть достаточным основанием для того, чтобы считать этот вариант образцовым, единственно правильным. Во времена Пушкина литературным языком владел ничтожный процент населения, подавляющее большинство народа говорило на диалектах.... Нормы, которые были установлены и освящены гением Пушкина, дали бы низкие статистические показатели (в смысле их распространенности в пушкинское время среди широких слоев населения), а между тем многие из них выжили и являются образцовыми и в настоящее время» [2].

Аналогичные взгляды высказаны и в книге К. С. Горбачевича: «Некоторые исследователи считают, что важнейшей чертой нормы литературного языка служит степень употребительности, т. е. чисто количественный фактор. Конечно, учитывать этот признак при выведении нормы совершенно необходимо... Но сам по себе признак распространенности речевого явления еще не может служить надежным показателем его нормативности» [3]. Действительно, при исследовании просторечных или диалектных элементов в городской речи, когда при оценке их нормативности на первый план выдвигается социально-экспрессивная характеристика вариантов, находящихся

[2] *Ф. П. Филин.* Несколько слов о языковой норме и культуре речи. «Вопросы культуры речи», вып. 7. М., 1966, стр. 20. См. аналогичные высказывания в других его работах: «О норме и стилях литературного языка».—«Проблема нормы и социальная дифференциация языка». М., 1967; «О норме литературного языка».— «Развитие стилистических систем литературных языков народов СССР». Ашхабад, 1968.

[3] *К. С. Горбачевич.* Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971, стр. 9.

за пределами литературной нормы, статистические выкладки не нужны. «— *Примай* не ради проздравления, а как лечебное» (из диалога рабочего, недавнего выходца из деревни), «*Найтить* здесь спокойство!» (ироническая надпись на фронтоне городской беседки) — отмеченные варианты *примай*, *найтить*, как бы широко не исследовалась их употребительность, останутся за чертой литературного употребления. Исторически сложившаяся социальная оценка составляет сердцевину литературной нормы и размерности не имеет. Однако в области параллельных языковых средств, находящихся в пределах литературной нормы, при решении отдельных вопросов преимущественного употребления в ряду конкурирующих вариантов использование статистики перспективно. Осознавая некоторую ограниченность поля применения статистики в нормативных исследованиях, нельзя не сожалеть, что конкретных работ в этом направлении сделано не так уж много.

Возвращаясь к характеристике центральных понятий, важно внести одно терминологическое уточнение. В теории статистики за понятием статистической нормальности закреплен определенный, узкопрофессиональный смысл. Статистическая нормальность есть прежде всего свойство распределения событий (ср. закон нормального распределения). Когда статистик устанавливает характер распределения единиц в речи, он не должен задумываться о том, как людям следует говорить или писать. Его интересует лишь фактическая сторона вопроса, как в действительности говорят и пишут. Основу же представлений о литературной норме составляет предписание; на практике норма осознается обычно как свод существующих и действующих правил [4]. Если нормализатор отвечает на вопрос «как нужно», статистик ограничивается формулой «как есть». В своем большинстве обычно речевая реакция соответствует предписанию. Тогда мы можем говорить о том, что статистические данные согласуются с предлагаемыми правилами. Но если большинство речевых реакций в устной и письменной речи в разных слоях литературно говорящего населения отклоняется от рекомендаций нормативных пособий, статистик может

[4] Этор вопрос подробно освещен в кн.: *В. А. Ицкович.* Языковая норма. М., 1968.

установить «порог», за которым системно обусловленная «ошибка» может рассматриваться и как новообразование. Статистическая нормальность (свойство распределения событий) дает эталон, образец, с которым сопоставляются многие другие формы распределения событий (ср. виды распределения событий, изложенные в теории статистики). Лингвист-статистик, изучающий характер употребления языковых единиц в речи, сталкивается в первую очередь с указанным специальным понятием нормального или ненормального их распределения. Однако в данной работе в отличие от понятия «статистическая нормальность распределения» придется употреблять термин «статистическая норма» в более обобщенном значении —установленная система некоторых статистических показателей, характеризующих употребление языковых единиц в речи (подробнее об этом см. ниже). Такое понимание «статистической нормы» не является произвольным, впервые этот термин употреблен в работах Хердана (см. сб. «Актуальные проблемы культуры речи», статью Л. К. Граудиной «Норма и статистика»). Необходимость статистических оценок нормы справедливо подчеркивается в статье Р. Г. Пиотровского и Л. А. Турыгиной [5]: «...Само понятие нормы имплицитно предусматривает присутствие вероятностных оценок; правда, таких оценок здесь только две: 1 — допустимость употребления данного варианта и 0 — запрещение его употребления. Однако, как хорошо показал И. Д. Андреев [6], использование только двух этих оценок не может описать «реальную картину языковой действительности»; чтобы получить достаточно богатое описание норм речи, необходимо использовать весь интервал вероятностной меры от нуля до единицы».

§ 2. Типология вариантов. Настоящая статья является, по существу, продолжением серии предшествующих работ автора, освещающих статистический и собственно грамматический аспект проблемы нормализации колеблющихся вариантов [7]. В статье приводится материал,

[5] *Р. Г. Пиотровский и Л. А. Турыгина.* Антиномия «язык — речь» и статистическая интерпретация нормы языка. «Статистика речи и автоматический анализ текста». Л., 1971, стр. 13.

[6] Речь идет о книге «Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении» (М., 1967, стр. 21).

[7] Некоторые общие и конкретные соображения относительно названной темы изложены в следующих работах: «Опыт количественной оценки нормы (форма род. ед. *чая — чаю*)».—«Вопросы куль-

обобщающий пятилетний опыт работы над словарем вариантов. Словарь под названием «Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов», объемом 33 а. л. (авторы: Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская; редколлегия: член-корр. АН СССР С. Г. Бархударов, член-корр. АПН СССР И. Ф. Протченко, Л. И. Скворцов) подготовлен в секторе культуры русской речи Института русского языка АН СССР коллективом сотрудников в течение 1967—1972 гг. Материалы словаря и общий обзор представленных в словаре типов грамматических вариантов (определение см. в статьях и указанном проспекте словаря) дают возможность, во-первых, оценить удельный вес вариантных средств в грамматике, во-вторых, установить классификацию вариантов по общности их количественных характеристик. Практический смысл предлагаемой классификации заключается в том, чтобы составить перечень грамматических вариантов, у которых нужно и можно определить статистическую норму употребления. Эти сведения могут быть использованы при уточнении неустойчивой и неопределенной литературной нормы. Выяснятся и те случаи, где статистика не может принести ощутимой пользы.

На основе данных словаря установлена следующая классификация вариантов [8]: 1) по частотным зонам;

туры речи», вып. 7. М., 1966; «Норма и статистика».—«Актуальные проблемы культуры речи». М., 1970; «О грамматических вариантах».— РЯНШ, 1970, № 3; «К проблеме «норма и статистика». Опыт частотного словаря грамматических вариантов».— «Структурно-математические методы моделирования языка». Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции. Киев, 1970; «Грамматические варианты. Опыт частотного словаря». М., 1971; Проспект словаря, написанный в соавторстве с В. А. Ицковичем, Л. П. Катлинской (см. раздел «О понятии грамматического варианта. Принципы отбора материала»); «Статистическое описание грамматической нормы».—«Автоматическая переработка текста методами прикладной лингвистики. Материалы Всесоюзной конференции 6—8 октября 1971». Кишинев, 1971; «Варианты слов и варианты форм».—«Актуальные проблемы русского словообразования». Материалы республиканской научной конференции (12—15 сент. 1972 г.). Самарканд, 1972.

[8] Классификация предлагается с одной оговоркой: сама тема статьи требует освещения статистического аспекта нормы употребления вариантов. Автор отдает себе отчет в том, что необходима и качественная типология вариантов — с точки зрения типов их грамматических значений: системные (денотативные) варианты, кон-

2) по характеру количественных соотношений вариантов внутри каждого типа.

1) Под частотной зоной в данном случае понимается объединение типов вариантов в группы по признаку относительной близости частоты их употребления в выборке. Выделены четыре зоны вариантов, расположенных по нисходящей частоте употребления (в выборке из 100 000).

а) К первой зоне отнесены типы вариантов, составляющие в выборке 1000 форм и выше. Варианты этой группы квалифицируются как «самые употребительные». Эта группа немногочисленна: ее составляют первые 30 типов вариантов [9]. Некоторые примеры: варианты типа *звончайший* (3337) — *самый звонкий* (2267) — *самый звончайший* (25), всего 5629; варианты типа *сборная СССР* (4360) — *сборная команда СССР* (747), всего 5107; варианты типа *сообщение ТАСС*, *работник МИД* (2575) — *сообщение ТАССа*, *работник МИДа* (387), всего 2962; варианты типа *он был веселым* (2021) — *он был веселый* (262) — *он был весел* (630), всего 2913; *сто человек сидели* (1346) — *сто человек сидело* (1168), всего 2514; варианты типа *она вице-чемпионка* (1204) — *она вице-чемпион* (533), всего 1737 и т. д.

б) Ко второй зоне отнесены типы вариантов, зарегистрированные в выборке в пределах 100—999 форм. Типовые варианты этой группы квалифицируются как «достаточно употребительные». Примеры: варианты типа *сорта масел*, *табаков*, *сахаров* (687) — *сорта масла*, *табака*, *сахара* (227), всего 910; варианты типа *бороться против чего* (423) — *бороться с чем* (413), всего 836; варианты типа *цементация* (660) — *цементирование* (153), всего 813, варианты типа *высота в два метра* (231) — *высота два метра* (395), всего 626; варианты типа *ждать поезд* (404) — *ждать поезда* (130), всего 534; варианты типа *в цехе* (443) — *в цеху* (212), всего 655; варианты типа *ехать на поезде* (64) — *ехать в поезде* (8) — *ехать поездом* (51), всего 133 и т. д. Зарегистрировано 85 типов вариантов этой зоны (см. в Приложении табл. II).

в) К третьей зоне отнесены типы вариантов, зарегистрированные в выборке в пределах 10—99 форм. Типовые

текстно-обусловленные (коннотативные) и т. д. Этой теме предполагается посвятить отдельную статью.

[9] В Приложении I («Варианты 1-й частотной зоны») перечислены все эти варианты и приведены количественные данные.

варианты этой группы квалифицируются как «употребительные». Примеры: варианты типа *Ростовский СКА* (57) — *Ростовская СКА* (40), всего 97; варианты типа *ацетоновый* (35) — *ацетонный* (47), всего 82; варианты типа *приехать на село* (40) — *приехать в село* (20), всего 60; варианты типа *кофе остыл* (17) — *кофе остыло* (9), всего 26 и мн. др.

г) К последней зоне отнесены типы вариантов, зарегистрированные в выборке в пределах 1—9 форм. Типовые варианты этой группы квалифицируются как «редкие». В качестве примеров могут быть приведены варианты типа: *этот чудила* (7) — *эта чудила* (2), *слесарничать* — *слесарить* (3), *шестьюдесятью* (7) — *шестидесятью* (1), *выздоровею* (4) — *выздоровлю* (2), *дискутировать* (5) — *дискуссировать* (1), *полотенец* (5) — *полотенцев* (1) и т. д.

Материал показывает, что расположение типов вариантов по убыванию их частоты совпадает с распределением по усилению их социально-стилистической оценки. Самые редкие варианты на фоне их употребительных партнеров часто воспринимаются как стилистически-окрашенные или непривычные, и на этом основании иногда интуитивно зачисляются в разряд отклонений от нейтральной литературной нормы (ср. устаревающие варианты *в стах метрах*, *промокнул*, *выгресть* и т. д.)

По виду количественных соотношений между членами пар, относящихся к частотным зонам а), б), в), за исключением редких типов вариантов, условно выделяются следующие разряды пар:

1. Пары, в которых соотношение вариантов колеблется в пределах 0—10 / 100—90, расчет ведется в процентах. В этих случаях считается, что практически общеупотребительным является один из вариантов, второй употребляется редко. Так, варианты типа *критика в адрес кого-либо* (152) — *критика по адресу кого-либо* (10) по сумме вариантов (162) относятся ко второй частотной зоне, а по типу оппозиции — к первому разряду: 93,86% / 6,14%. В приведенных данных насчитывается 30 пар с подобным соотношением вариантов.

2. Второй разряд составляют пары, в которых соотношение колеблется в пределах 11—20 / 89—80. В этих случаях считаем, что преобладает один из вариантов, сравнительно редко употребляется второй. Так, варианты типа *управление производством* (187) — *управление произ-*

водства (31) по сумме относятся ко второй частотной зоне, по виду оппозиции — ко второму разряду: 85,78% / /14,22%. Зарегистрированы 32 пары типовых вариантов с указанным соотношением конкурирующих форм.

3. Третий разряд составляют варианты со следующим стереотипом отношений: 21—40 / 79—60. В этом случае считаются употребительными оба варианта с преимуществом одного из них. Так, варианты типа *в цехе — в цеху*, входящие во вторую частотную зону, по типу соотношений относятся к третьему разряду: 67,63% / 32,37%. Отмечено 57 подобных пар.

4. Последний разряд составляют варианты, которые квалифицируются как равновероятные в употреблении. Их стереотип: 41—50 / 59—50. К этому разряду относятся, по нашим данным, например, следующие типы вариантов:

уполномоченный чего — уполномоченный по чему	56,11	43,89
решения об оплате труда — решения по оплате труда	56,80	43,20
бороться против чего — бороться с чем	50,60	49,40
купить молоко, прибавить скорость — купить молока, прибавить скорости	57,06	42,94
нельзя купить спичек — нельзя купить спички	57,81	42,19
не могут создать музей — не могут создать музея	56,65	43,35
две основных задачи — две основные задачи	52,21	47,79
сто человек сидели — сто человек сидело	59,53	40,47
отец с сыном пошел — отец с сыном пошли	50,0	50,0
собрать урожай хлеба — собрать урожаи хлеба	50,0	50,0
в городе Алапаевск — в городе Алапаевске	52,40	47,60
выставка в Осаке — выставка в Осака	53,33	46,67
у министра Икэды — у министра Икэда	50,92	49,08
продажа диван-кроватей, обратиться к капитан-инженеру — продажа диванов-кроватей, обратиться к капитану-инженеру	58,76	41,24
обусловливать — обуславливать	51,72	48,28
мерзнул, чахнул — мерз, чах	53,33	46,67
более (чем), позднее — больше (чем), позже	58,97	41,03
омич, горьковец — омчанин, горьковчанин	56,90	43,10
домарксовый — домарксовский	58,44	41,56
ацетонный — ацетоновый	57,32	42,68
двусторонний — двухсторонний	54,82	45,18
изготовлять — изготавливать	53,22	46,78
прочесть — прочитать	53,14	46,86

Не раз высказывалось мнение о том, что в языке заложена система вероятностей поведения языковых единиц, обусловленная историей этих единиц в языке. В характере количественных соотношений между членами пар отражаются разные фазы вариантности. Как известно, состояние вариантности, когда языковые единицы лишаются значимых различий и приобретают черты функционально тождественных единиц (т. е. различаются не по значению, а по употреблению), бывает временным. Причем отрезок времени, в течение которого сосуществуют конкурирующие формы вплоть до специализации вариантов по значению или выпадения из грамматической системы одного из них, различается по длине даже внутри одного и того же типа вариантов. Так, у аббревиатуры *НЭП* форма рода сменилась с женской на мужскую в течение одного только года (1921—1922)[10], тогда как у аббревиатуры *ЖЭК* варианты рода сосуществуют уже около 20 лет (со времени организации жилищно-эксплуатационных контор в 50-х годах) и до сих пор норма окончательно не стабилизировалась. У электротехнических единиц измерения типа *ватт*, *вольт*, *ампер* и др. нулевая форма род. мн. вытеснила конкурентную традиционную (на *-ов*) за 30 лет (с 1870 по 1900-е годы), а бытовые единицы измерения *грамм*, *килограмм* в род. мн. имеют две вариантные формы в течение полувека. Стремительность или, напротив, замедленность изменений, в результате которых устраняется один из вариантов, определяется, в первую очередь, экстралингвистическими факторами. Однако независимо от длительности сосуществования вариантов закономерности их развития в некотором отношении имманентны и универсальны. Стилистические оппозиции подчиняются общим тенденциям и характеризуются одинаковыми чертами. На первой ступени, когда происходит нейтрализация грамматических различий, новая форма, только-только пробивающая себе дорогу, помимо качественных особенностей, заключающихся в соответствии грамматической модели, существующей тенденции и т. д., имеет и количественные приметы. Неоформа малочастотна в употреблении и обычно не выходит вначале за пределы

[10] Об этом факте см. в статье: *Д. И. Алексеев.* Склонение буквенных аббревиатур. «Вопросы теории и методики изучения русского языка». Куйбышев, 1961.

узких жанровых или профессиональных сфер речи. Так, у славянских фамилий на *-а* (типа *Нередка*, *Сметана*, *Головня*) наряду с традиционной склоняемой формой (под влиянием грузинских, японских, литовских, финских и других иноязычных, часто несклоняемых фамилий на *-а*) появились неизменяемые варианты, прежде всего в плохо отредактированных специальных изданиях. Соотношение этих вариантов по данным словаря следующее: варианты типа *у Нередки* — 90,91%, *у Нередка* — 9,09%. Очевидно, что в этом случае дальнейшие подсчеты не нужны, и без того вырисовывается достаточно четкая картина.

Традиционная норма склонения славянских фамилий должна быть укреплена, несклоняемые варианты могут квалифицироваться как единичные отклонения от литературной нормы.

Качественно иную ступень составляет фаза интенсивной конкуренции форм, когда варианты равновероятны в употреблении или оба используются в письменной речи лишь с небольшим преимуществом одного из вариантов, при этом оба варианта не вызывают ни у говорящих, ни у пишущих негативной стилистической экспрессии.

На третьей ступени окончательное вытеснение традиционного варианта конкурентными формами сопровождается не только качественными сдвигами в соотношении форм, но и усилением контраста в степени употребительности вариантов. Так, весьма красноречиво соотношение вариантов в конструкциях типа *директор пришла* — 95,43% и *директор пришел* — 4,57%. Речь идет о согласовании сказуемого, выраженного глагольной формой прош. вр., и подлежащего, выраженного существительным муж. р., в применении к лицам женского пола. В настоящее время сочетания с «самостоятельным женским родом глагола» (по терминологии А. М. Пешковского) и в устной, и в письменной речи стали правилом. Аналогичные соотношения в формах деепричастий *возникнув* — 94,6% и *возникши* — 5,4%. Очевидно, что деепричастные формы на *-ши*, еще в первом двадцатилетии XX в. весьма широко употреблявшиеся в письменной речи, сейчас находятся на периферии грамматической системы. То же самое произошло и с формой твор. пад. у существительных жен. р.: варианты типа *рекою* вытеснены редуцированными

формами [11]. Все подобные типы вариантов по характеру количественных показателей попадают в I или II разряд приведенной классификации. Дальнейшие подсчеты в этих случаях не прибавят ничего принципиально нового к непреложному факту уже установившейся новой нормы. Если количественные соотношения вариантов разряда I и II свидетельствуют о явном неравноправии одного из членов пары, будь то традиционная форма или новация, то из соотношения вариантов в разрядах III и IV предпочтительность одного из них не столь очевидна. Именно эти пары в первую очередь нуждаются в дальнейшем статистическом обследовании (в приложенных таблицах эти вариантные пары помечены звездочкой).

§ 3. Статистические оценки нормы употребления. Те количественные характеристики, которые получены в результате обследования грамматических вариантов в газете 60—70-х годов, отнюдь не рассматриваются нами как абсолютные выразители статистической нормы. Полученные соотношения — это лишь первые ориентиры на пути всестороннего изучения узуального существования параллельных форм. Количественная оценка нормы вообще не может быть выражена единственным числом. Для удовлетворительного описания статистической нормы необходимо установить по крайней мере два ряда величин:

1. Основными показателями центральной тенденции являются средние величины. Именно средние величины представляют основу, с помощью которой можно обнаружить фактическую стабильную норму употребления вариантов и отклонения от нее.

Характер распределения грамматических вариантов в речи неизвестен, поэтому нужны следующие средние показатели: арифметическая средняя ($\bar{X}$), мода ($\check{X}$) как наиболее типичная частота употребления варианта и медиана (Me) — центральная по размерам величина, устанавливающая водораздел между высшей и низшей частотами. При симметричном распределении, в чем a priori нет уверенности, все три показателя — средняя ($\bar{X}$), мода ($\check{X}$) и медиана (Me) должны совпасть.

---

[11] Подробно этот процесс описан в работе: *Л. П. Катлинская.* Варианты флексий творительного падежа имен женского рода в современном русском литературном языке. Автореф. канд. дисс. М., 1969.

2. Взаимосвязь между средней нормой употребления вариантов и индивидуальными частотами проявляется в размахе колебаний. В качестве показателя вариации обычно используется квадратическое отклонение, с помощью которого может быть охарактеризована степень сосредоточенности отдельных значений около их центра. Оценка статистической нормы, как сказано, не может исчерпываться единственным числом, но она не должна ограничиваться и единственной системой показателей. Даже в том случае, если мы в своем стремлении свести к минимуму элементы интуитивного исследования установим систему средних величин с их вариационными показателями только для одного какого-либо жанра речи (скажем, язык газеты, стиль информации), нам не удастся показать употребление вариантов в самых типичных его чертах. Различие в формах существования литературного языка предопределяет специфику жанрово-стилистических типов речи, которые, при прочих качественных отличительных признаках, рознятся еще и количественным соотношением синонимических средств. Газета, деловая и научно-техническая речь, устный бытовой диалог дадут разную картину употребления вариантов. Количественная оценка на шкале нормы должна быть подвижной, по словам С. И. Ожегова, «резиновой», меняясь в зависимости от условий употребления определяемых единиц. Для новых условий следует вычислять и новые средние. Поэтому статистическая норма тем полнее отражает реальную действительность, чем точнее изучены системы средних с их вариационными показателями применительно к разным выборочным совокупностям, будь то функциональные стили письменного языка или образцы социально-профессиональной устной речи.

В качестве иллюстрации могут быть приведены данные, подробно освещенные в моей статье «Норма употребления топонимов с финалями *-ов(о)*, *-ев* (*о*), *-ёв* (*о*), *-ин(о)*, *-ын(о)* [12]». Помимо статистических показателей нормы употребления этих вариантов в письменной речи в статье приведены и данные, полученные в результате обработки «Вопросника по современной русской морфологии». Данные по указанным вариантам сгруппированы в двух сводных таблицах, где информанты распределяются по трем

[12] Сб. «Ономастика и норма». М., 1976.

возрастным и семи социально-профессиональным группам. Первичные данные и объяснения к ним приведены в этой статье.

§ 4. Динамика нормы: а) статистический метод абсолютного датирования изменений, б) исчисление темпов изменений, в) проблема прогнозирования.

В работах по ортологии стал общим местом тезис о том, что норма должна рассматриваться в аспекте синхронно-диахронического изучения языка [13]. Здесь подходила бы формула Шухардта «движение действительно, покой воспринимаем». Наиболее перспективной представляется теория динамической нормы, которой уделено внимание в работе Л. И. Скворцова «Норма. Литературный язык. Культура речи» [14]. Известно, что теория представляет собой результат обобщения практических наблюдений и дает адекватное действительности описание и объяснение существенных закономерностей и тенденций развития языка.

Привычные представления о том, что изменения в грамматике всегда происходят очень медленно, на протяжении многих поколений, могут быть уточнены и детализованы, если наблюдать ход языковой эволюции в отдельных звеньях грамматической системы, так сказать, «вплотную», с помощью вероятностно-статистического метода, разумеется, в тех случаях, когда факты доступны такого рода наблюдениям. В нормах литературного языка, как и в самом языке, происходит последовательное накопление мелких, невооруженным взглядом плохо обнаруживаемых изменений [15]. Оговоримся, что под изменением в норме в дальнейшем понимается введение в пределы литературной нормы всякого нового элемента для общеупотре-

---

[13] См. интересную статью: *О. С. Ахманова, Ю. А. Бельчиков, В. В. Веселитский.* К вопросу о «правильной» речи.— ВЯ, 1960, № 2. По поводу этой статьи в критическом письме в редакцию Ю. М. Скребнов писал, что «констанция норм вообще осуществима лишь в ретроспективном плане, в плане создания работ, отражающих вчерашний день языка» (см. ВЯ, 1964, № 1). С этим положением трудно согласиться. Хорошая констатация норм отражает не столько вчерашний, сколько сегодняшний и завтрашний день языка. См. об этом: *В. Г. Костомаров.* О ретроспективности учения о культуре речи. «Изв. АН СССР», ОЛЯ, 1966, 2.

[14] «Актуальные проблемы культуры речи». М., 1970.

[15] Об этом см.: *Е. Поливанов.* Русский язык как предмет грамматического описания. «За марксистское языкознание». М., 1931, стр. 75—76; *А. Мартине.* Структурные вариации в языке. «Новое в лингвистике», вып. IV. М., 1965, стр. 450—452.

бительного использования в литературном языке. Из совокупности относящихся к проблеме вопросов в статье затронуты три темы: а) проблема абсолютного датирования изменений, б) исчисление темпов изменений, в) проблема прогнозирования.

а) Статистический метод абсолютного датирования. Проблема изучения хронологизации языкового развития имеет давние и прочные традиции. В трудах младограмматиков, в истории отечественного языкознания установлены и типы языковых изменений в грамматике, и приемы установления соотносительной хронологии языковых явлений [16]. Среди разнообразных приемов лингвистической хронологии используется и статистика. В работах по сравнительно-историческому языкознанию лексико-статистический метод хронологизации изменений (метод глоттохронологии) применяется для определения абсолютного времени дифференцированного развития доисторических языков внутри праязыковых единств. Этот метод до сих пор широко дискутируется на страницах научных журналов [17]. Само по себе значение статистики для достижения более высокой точности при установлении времени языковых изменений сомнений не вызывает. В настоящей статье развивается тезис о возможности определения абсолютного времени сдвигов в грамматической системе литературного языка в рамках относительно краткой диахронии в пределах пятидесяти — ста лет [18].

---

[16] *Ф. М. Березин.* Некоторые проблемы общего языкознания (относительная хронология и морфологические процессы) в лингвистическом наследии В. А. Богородицкого. (Из истории отечественного языкознания). Автореф. канд. дисс. М., 1961.

[17] *М. Сводеш.* К вопросу о повышенной точности в лексико-статистическом датировании. «Новое в лингвистике», вып. I. М., 1960; *Он же.* Лексико-статистическое датирование доисторических этнических контактов.— Там же; *Н. А. Климов.* О лексико-статистической теории М. Сводеша. «Вопросы теории языка в зарубежной лингвистике». М., 1961; «Общее языкознание. Методы лингвистических исследований». М., 1972, стр. 84—88.

[18] Заметим, что предлагаемый метод весьма существенно отличается от гроттохронологического. М. Сводеш сравнивает между собой группы языков (преимущественно доисторических), тогда как в данной работе предлагается сравнение языковых единиц внутри одного литературного языка. Второе наиболее важное различие заключается в определении интервала времени. Для М. Сводеша самый короткий период времени — 300 лет, продолжительный — 2000

В новейшей истории литературного языка, когда письменные источники доступны самому доскональному статистическому изучению, имеется возможность точно датировать не только век, но и десятилетия и даже годы, в течение которых происходили наиболее интенсивные перемены в истории конкретных грамматических форм. Статистический метод датирования предполагает построение некоторой статистической модели употребления вариантов. Модель строится с применением следующих рабочих приемов хронологизации.

1. Каждый из временных отрезков, в течение которых наблюдается употребление обследуемых форм (в данном случае речь идет о грамматических вариантах) должен быть относительно коротким — берется интервал времени в 10—20 лет.

2. Система выделенных для изучения временных отрезков располагается последовательно, с тем, чтобы в конечном итоге дать линейную картину изменений во времени.

3. При построении модели самым сложным оказывается определение пограничных синхронных срезов, начинающих и заключающих подсчеты. Важно избрать пограничные временные интервалы с хронологическим «шагом» не менее чем в 30 лет, в течение которых происходили сдвиги. Это означает необходимость длительной подготовительной работы, связанной с наблюдением за употреблением вариантов, прежде всего с качественной стороны, в том круге источников, которые подвергаются обследованию. Одно из существенных требований, предъявляемых к данным, заключается в следующем. Подсчеты должны строиться на совокупности, достаточно однородной и устойчивой, чтобы давать динамическую сопоставимость рядов по годам. Важно проявить наиболее острые моменты в истории конкуренции вариантов. Если модель построена удачно и временные отрезки для наблюдения избраны правильно, в статистических таблицах, выборочно копирующих употребление вариантов в речи, проявятся хронологические рубежи, разграничивающие наиболее значительные смещения в их употреблении. В подтверждение сказанного в качестве иллюстрации могут быть

лет. В данной работе предлагается подсчет методом малых промежутков времени (низший предел — 10 лет, высший — 100 лет).

приведены две хронологические таблицы, характеризующие употребление надежных вариантов (помещены в Приложении). В табл. I показано употребление вариантов в род. ед. (типа *сахара — сахару*), в табл. II — употребление вариантов в род. мн. у единиц измерения (типа *ваттов — ватт*). Из табл. II следует, что время наиболее интенсивных сдвигов в род. ед. в письменной речи приходится на послереволюционные годы. Уже к концу 20-х годов заметен резкий спад форм на *-у*. В течение 30-х годов происходило дальнейшее развитие и стабилизация новой нормы. К нашему времени столь резких скачков в употреблении форм больше не наблюдалось. Сейчас, как показывают материалы словаря, по характеру соотношений в письменной деловой и нейтральной речи (не в драмах и художественной прозе!) эти варианты находятся в III разряде 1-й частотной зоны: из 1018 форм зарегистрировано 74,85% вариантов на *-а* и 25,15% вариантов на *-у*. Частота вариантов на *-у* по этим данным $P_у = 0{,}251$ очень близка к средней частоте тех же форм в стилистически нейтральной деловой речи 50—60-х годов (см. в таблице последнюю графу). Нормативная характеристика этих вариантов в современной письменной речи сомнений не вызывает. Флексия *-у* стойко держится лишь в уменьшительных формах типа *чайку*, *лучку*, *кофейку* и фразеологических сочетаниях: *с пылу — с жару*; *ни слуху*, *ни духу*; *без просыпу*, *сживать со свету* и под. Точно так же хронологические рубежи определяются из табл. I. Пик изменений в норме употребления вариантов приходился на одно десятилетие — 90-е годы XIX в., в дальнейшем новая норма лишь упрочивалась. Подробно указанные явления комментируются в предшествующих статьях на эту тему (см. сб. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964; «Морфология и синтаксис современного русского языка». М., 1968).

б) Исчисление темпов изменений. Проблема изучения скорости изменений в литературной норме составляет одну из важнейших сторон теории языковой политики. Здесь затрагивается вопрос, касающийся определения константы скорости. В статье Г. В. Ермоленко «Языковые изменения, измеряемые средним коэффициентом роста (убывания)» [19] предлагается использо-

[19] «Русское и зарубежное языкознание», вып. 3. Алма-Ата, 1970, стр. 138—143.

вать формулу среднего коэффициента роста (убывания), который может быть вычислен как средняя геометрическая величина нескольких данных по формуле [20]:

$$\overline{K} = \sqrt[n-1]{\frac{Y_n}{Y_1}}.$$

Если известно, что частота употребления какой-либо языковой единицы в обследованных хронологических отрезках характеризуется числами Y_1, Y_2, ... Y_n, то отношение $\frac{Y_2}{Y_1}$, $\frac{Y_3}{Y_2}$, $\frac{Y_n}{Y_{n-1}}$ Г. В. Ермоленко называет коэффициентами роста. В приведенной формуле Y_n — это абсолютный уровень конечного периода, а Y_1 — абсолютный уровень базисного периода, n — число выделенных временных интервалов. Так, по данным табл. I, характеризующей количественные изменения в употреблении вариантов форм в род. мн. у единиц измерения, Г. В. Ермоленко высчитал коэффициент роста ($\overline{K}$) нулевых форм.

$$\overline{K} = \sqrt{\frac{91,1}{3,5}} = 5,08.$$

$\overline{K} = 5,1$ — определенное значение коэффициента роста за каждое десятилетие. Каждые 10 лет частота нулевых форм возрастала в среднем в пять раз. Проведенное нами аналогичное измерение темпов роста у форм род. ед. типа *сахара — сахару* (см. итоговые данные табл. II) приводит к иным показателям:

$$\overline{K} = \sqrt{\frac{49,8}{23,1}} = \sqrt{2,16} = 1,47.$$

Употребительность форм на *-а* через тридцать лет — с конца XIX в. по 60-е годы XX в.— возросла в среднем, грубо говоря, в полтора раза (1,47). Действительно, проверка показывает неплохое согласование с данными таблицы.

$$23,1 \times 1,47 = 33,95;\ 33,95 \times 1,47 = 49,9.$$

Коэффициент роста в двух приведенных примерах заметно различается. Резкие социальные смещения в соста-

[20] Аналогичная формула среднего коэффициента роста приводится в книге: *А. М. Айранетов.* Таблицы исчисления среднегодовых темпов роста, прироста и снижения. М., 1971, стр. 4—5.

ве носителей языка, начиная со времен войны 1914 г., в годы революции и гражданской войны явились важнейшим стимулом тех подспудно зреющих изменений, которые были подготовлены всем развитием грамматической системы в литературном языке XIX в.

Однако отмеченное различие в характере изменений двух разных падежных форм не может быть объяснено только лишь факторами социально-демократического порядка. Интенсивные перемены в форме род. мн. у единиц измерения, в течение тридцати лет изменившие падежную форму, произошли еще в дореволюционное время, на рубеже XIX и XX вв. Как показывает вычисленный коэффициент роста, скорость изменения была максимальной. В то же время эволюция вариантов в род. ед., приходящаяся на шестидесятилетие в пред- и послереволюционное время (когда, казалось бы, можно было ждать максимальной скорости изменения), протекала в форме более плавных сдвигов и втрое медленнее, чем в род. мн. Очевидно, воздействие разговорной практики в профессиональной среде физиков ускоряло рост новой формы, тогда как формы род. ед (на *-а*) шли из книжной письменной речи, а разговорная практика (где пока еще в большинстве своем держится форма на *-у*) препятствовала, да и сейчас еще препятствует книжной форме, чем и объясняется сравнительная постепенность и замедленность сдвигов в род. ед. Предложенная методика исчисления скорости изменений в дальнейшем будет использована при исследовании других типов вариантов. Заметим, что динамика может быть выражена и с помощью других количественных показателей (см. ниже).

в) Проблема прогнозирования. О необходимости предвидения языковых изменений писали Е. Поливанов [21], С. И. Ожегов, К. С. Горбачевич, В. П. Григорьев, В. Г. Костомаров и многие другие

[21] См. актуальное для наших дней высказывание Е. Поливанова: «Нам пора, однако, вернуться к основному вопросу насчет исторического языкознания (или компаративной лингвистики),— к вопросу, в какой мере может эта дисциплина представлять ценность для нас, ставящих в число первых задач не изучение, а обследование настоящего состояния языков и возможный прогноз языкового будущего, т. е. то именно, что служит материалом для активных мероприятий языковой политики!!» («За марксистское языкознание». М., 1931, стр. 2, статья «Историческое языкознание и языковая политика»).

ученые. Между тем попытки заглянуть в ближайшее будущее языка иногда расцениваются как гаданье на кофейной гуще, а само «прогнозирование» зачисляется в разряд прожектерских занятий, далеких от насущных практических задач. Сомнения не лишены оснований. В области социального прогнозирования (скажем, в предсказаниях победы той или иной политической группировки на выборах) проверка результатов сделанных расчетов происходит в кратчайшее время. Прогнозы могут быть легко прокорректированы ближайшими событиями. В языкознании проблема прогнозирования зиждется на иных качественных основаниях, и совокупность всех сопутствующих такому исследованию условий пока что детально не изучена.

В смежных областях, например в социологии, экономической статистике разработаны специальные приемы прогнозирования — метод аналогии, метод экстраполяции, метод экспертных оценок, метод моделирования. Избрание специальной методики диктуется конкретными исследованиями и теми непосредственными задачами, которые решаются в каждом отдельном случае.

В статье предлагаются некоторые приемы определения ближайшего будущего литературной нормы с одной оговоркой: полное освещение этой многосторонней и сложной темы ждет своих исследователей. Недостаток места вынуждает ограничиться рамками одной задачи.

Определение вероятностных оценок в области прогноза требует некоторого единообразного употребления словесных выражений. В этом отношении интересен опыт унификации терминологии в современных работах по комплексному прогнозированию в области экономической статистики. В результате опроса группы экспертов выработана некоторая шкала измерения вероятностей, соответствующая словесным оценкам прогнозируемых событий. Ниже приводится шкала оценок в соответствующих им обычных числовых значениях вероятностей в долях единицы, и равносильных ему измерений вероятностей в шансах.

Будущий уровень ряда динамики может быть определен при помощи приема перспективной экстраполяции. Известно, что экстраполяция может дать в отдельных случаях удовлетворительные результаты, если расчет ведется на ближайший интервал времени. Если же экстраполи-

Таблица 1

Словесные выражения, характеризующие степень вероятности	Числовые значения вероятности, выраженные в долях единицы	Числовые значения вероятности, выраженные в шансах (общее кол-во — 100 шансов)	
		за	против
Практически невероятно	0,05	5	95
Маловероятно	0,25	25	75
Возможно	0,4	40	60
Достаточно вероятно	0,5	50	50
Весьма вероятно	0,6	60	40
Очень вероятно	0,75	75	25
Практически неизбежно	0,95	95	5

ровать данные на более отдаленные хронологические срезы, результаты могут существенно отклониться от действительности. В качестве иллюстрации в статье используются данные по двум типам вариантов (род. мн. и род. ед.), для которых уже составлены ряды динамики и вычислен коэффициент роста (первичные данные приведены в таблицах в Приложении).

Для табл. I Приложения (род. мн., общий объем выборки — 3 000 форм) последующий интервал времени — десятилетие с 1911 по 1920 г. Существенна одна оговорка. Все расчеты ведутся в предположении, что те закономерности и случайности, которые действовали в предшествующее десятилетие, сохраняются и в последующее. Чтобы выяснить тип динамического ряда, выразим характер динамики не только в форме коэффициента роста, но узнаем и скорость движения в форме абсолютного прироста вариантов форм в средних частотах, и темп роста, характеризующий относительную скорость движения. Абсолютный прирост исчисляется как разность уровней, темп роста — как отношение прироста к предшествующему уровню уровней. Ниже приводятся результаты расчета.

Как видим из табл. 2, уровень ряда непрерывно возрастает, но характер роста и его интенсивность по десятилетиям различаются. Абсолютный прирост форм в средних частотах понижается. Экстраполяция в этом случае производится на основе закона падающих абсолютных приростов. Направление тенденции предопределено, если

Таблица 2

Динамика роста нулевой формы в род. мн. в научно-технических текстах

Интервал времени	Средняя частота (уровень ряда)	Прирост	Средний коэффициент роста	Темп роста
1881 — 1890 гг.	0,350	—	—	—
1891 — 1900 гг.	0,647	0,612	5,08	$\frac{0,612}{0,350} = 17,5$
1901 — 1910 гг.	0,911	0,264		$\frac{0,264}{0,647} = 0,4$
1911 — 1920 гг.	≈1*	≈0,113*		

* Звездочкой в таблицах обозначена экстраполированная величина.

предположить, что сохраняется действие всех влияющих на употребление факторов. С темпом роста 0,4 абсолютный прирост за интересующее нас десятилетие составил бы 0,113. Если бы мы руководствовались только этими статистическими выкладками, мы могли бы сказать, что нулевая форма у единиц измерения именно в последний отрезок времени вытеснит конкурентную форму на *-ов*. Эта иллюстрация может представить интерес в том отношении, что статистические данные мы можем прокорректировать исторической действительностью. Как известно, в технической терминологии у единиц измерения физических величин (если иметь в виду именно те единицы, которые приведены в статье) сейчас повсеместно утвердилась нулевая форма. Приведенные данные делают реальным предположение о том, что новая и ныне действующая литературная норма сложилась уже к 20-м годам. Отсюда может быть сделан важный практический вывод: для относительно новых единиц измерения (типа *бит*, *рентген*, *микрон*) во избежание разнобоя в род. мн. следует рекомендовать только нулевую форму.

Приведем для сравнения второй пример. В табл. II Приложения (род. ед., общий объем выборки — 5 000 форм) ряд динамики будет иным.

По данным табл. 3, уровень ряда хотя и возрастает, но интенсивность по десятилетиям заметно снижается.

Таблица 3

Динамика роста формы на *-а* в род. ед. в деловой речи

Интервал времени	Средняя частота (уровень ряда)	Прирост	Средний коэффициент роста	Темп роста
1900 — 1918 гг.	0,109	—	—	—
Конец 20-х — начало 30-х годов	0,507	0,398	1,47	$\frac{0,398}{0,109} = 3,65$
Конец 30-х годов	0,714	0,207		$\frac{0,207}{0,507} \approx 0,4$
50 — 60-е годы	0,735	0,021		$\frac{0,021}{0,714} \approx 0,003$
60 — 70-е годы	0,737*	≈0,002*		

Повышение частоты употребления форм на *-а* в 50—60-е годы весьма незначительно по сравнению с концом 30-х годов. Прирост средней частоты падает. С темпом роста 0,03, как показывает расчет, прирост за последнее двадцатилетие должен был бы составить очень незначительную величину. На основании этих данных можно полагать, что хотя в деловой письменной речи бесспорно преобладание форм на *-а*, полного вытеснения конкурентных форм на *-у* в 60—70-е годы не произойдет, если, конечно, работникам издательств не будет дана настоятельная рекомендация употреблять только формы на *-а*. Приводимые данные находятся в согласии с теми результатами, которые были получены автором статьи по материалам морфологического вопросника [22]. Например, предполагаемая частота формы *чая* в ближайшем поколении по графическому изображению тенденции будет колебаться в пределах 0,6—0,8. Однако в устной речи количественные оценки форм род. ед. существенно отличаются от письменной нормы употребления: подсчеты по записям устной речи показывают, что оба варианта равновероятны. Характер рекомендации относительно вариантов в род. ед. должен соответствовать результатам исследования. В письменной деловой речи бесспорное предпочтение следует отдать

[22] *Л. К. Граудина.* Опыт количественной оценки нормы (форма род. ед. *чая — чаю*), стр. 87—88.

формам на *-а*, но запрет конкурентной формы был бы преждевременным, тем более, что в устной речи фактической нормой является употребление обоих вариантов, равноправное в количественном отношении, но с разным стилистическим обертоном [23].

В данной статье приведены примеры экстраполяции только для узких стилистических сфер речи. Прием перспективной экстраполяции (в форме ли табличного расчета, или в форме графического продления временного ряда) может быть использован и в более широких масштабах. Достоинство этого приема заключается не столько в строгом определении прогнозируемой частоты — педантическая точность исследователю не нужна,— сколько в общей исторической ценности перспективного обзора тенденции. Этот прием может рассматриваться как одно из средств установления особых объективных примет динамики литературной нормы.

[23] «Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка». М., 1968, стр. 189—200.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Варианты 1-й частотной зоны (выше 1000)

Типы вариантов	Общее число употреблений	Количественное соотношение	Процентное соотношение	Разряды по виду количественных соотношений
Синтаксические				
он был веселый	2913	262	8,99	I
он был веселым		2021	69,38	
он был весел		630	21,63	
не ел хлеба, не имели опыта	2708	1964	72,50	III
*не ел хлеб, не имеет опыт**		744	27,50	
100 человек сидело	2514	1168	46,47	IV
*100 человек сидели**		1346	53,53	
управление по чему	2411	1223	50,75	IV
управление чего		1037	43,0	
*управление для чего**		151	6,25	
его профессия сложная	1857	348	18,75	II
его профессия сложна		1509	81,25	
она вице-чемпион	1737	533	30,68	III
*она вице-чемпионка**		1204	69,32	
задачи по чему	1573	752	47,80	IV
задачи чего		799	50,95	
задачи для чего		22	1,25	
за последнее время	1398	887	63,45	III
в последнее время		506	36,19	
*в течение последнего времени**		5	0,36	
две основных задачи	1176	614	52,21	IV
*две основные задачи**		562	47,79	
Словоизменительные				
звончайший	5629	3337	59,29	IV
самый звонкий		2267	40,27	
*самый звончайший**		25	0,44	
более (чем), позднее	5161	3043	58,97	IV
*больше (чем), позже**		2118	41,03	

Приложение (продолжение)

Типы вариантов	Общее число употреблений	Количественное соотношение	Процентное соотношение	Разряды по виду количественных соотношений
сборная команда	5107	747	14,62	II
сборная		4360	85,38	
ускорить темп развития	3399	721	21,21	III
*ускорить темпы развития**		2678	78,79	
в ТАССе, в МИДе	2962	387	13,07	II
*в ТАСС, в МИД**		2575	86,93	
культурнее	2729	1985	72,74	III
*более культурный**		744	27,26	
читатели ждут книг	2588	1018	39,34	III
*читатель ждет книг**		1570	60,66	
у Шмидта, Зайца	2246	2100	93,50	I
у Шмидт, Заяц		146	6,50	
веселее	2193	2028	92,48	I
веселей		165	7,52	
слесари	1977	1758	88,92	II
слесаря		219	11,08	
в городе Веллингтоне	1716	303	17,66	II
в городе Веллингтон		1413	82,34	II
мною, собою	1464	209	14,28	II
мной, собой		1255	85,72	
в газете «Правде»	1463	38	2,60	II
в газете «Правда»		1425	97,40	
сто граммов	1138	907	79,70	II
сто грамм		231	20,30	
прекращен выпуск	1020	914	89,70	I
решено что-л. делать				
прекратили выпуск,		106	10,30	
решили что-л. делать				
мало снегу	1018	256	25,15	III
*мало снега**		762	74,85	

Типы вариантов	Общее число употреблений	Количественное соотношение	Процентное соотношение	Разряды по виду количественных соотношений
Словообразовательные				
Алтай	3886	2849	73,28	III
*Алтайский край**		1037	28,72	
накатывание	1466	254	10,54	III
накатка		846	60,17	
*накат**		366	29,29	

Варианты 2-й частотной зоны (999—100)

Типы вариантов	Общее число употреблений	Количественное соотношение	Процентное соотношение	Разряды по виду количественных соотношений
Синтаксические				
бороться против чего	836	423	50,60	IV
*бороться с чем**		413	49,40	
все, кто пришел	808	782	96,78	I
все, кто пришли		26	3,22	
более 10 человек сидело	769	462	60,08	III
*более 10 человек сидели**		307	39,92	
отец и сын пошел	753	30	3,98	I
отец и сын пошли		723	96,02	
высота в два метра	626	231	36,90	III
*высота два метра**		395	63,10	
рекомендовать в качестве директора	607	91	14,99	III
рекомендовать как директора		131	21,58	
*рекомендовать директором**		385	63,43	
он был учитель	577	37	6,41	I
он был учителем		540	93,59	
принять меры для установления	553	100	18,08	IV

Приложение (продолжение)

Типы вариантов	Общее число употреблений	Количественное соотношение	Процентное соотношение	Разряды по виду количественных соотношений
принять меры по установлению		319	57,68	
принять меры к установлению		88	15,92	
*принять меры установления**		46	8,32	
с помощью чего	535	481	89,91	I
при помощи чего		54	10,09	
ждать поезд	534	404	75,65	III
*ждать поезда**		130	24,35	
около миллиона бастует	526	330	62,74	III
*около миллиона бастуют**		196	37,26	
не могут создать музея	445	193	43,35	IV
*не могут создать музей**		252	56,65	
работа на селе	444	302	68,02	III
*работа в селе**		142	31,98	
по направлению к чему, по отношению к чему, по сравнению с чем	423	294	70,0	III
*в направлении к чему, в отношении к чему, в сравнении с чем**		129	30,0	
командующий армией	386	371	96,11	I
командующий армии		15	3,89	
приехал для ознакомления	253	191	75,50	III
приехал, чтобы ознакомиться		55	21,75	
*приехал ознакомиться**		7	2,75	
по окончании	249	101	40,56	IV
по окончанию		6	2,44	
*после окончания**		142	57,0	
контроль за чем	243	176	72,43	III
контроль над чем		45	18,52	
*контроль чего**		22	9,05	

Приложение (продолжение)

Типы вариантов	Общее число употреблений	Количественное соотношение	Процентное соотношение	Разряды по виду количественных соотношений
директор сказал	241	11	4,57	I
директор сказала		230	95,43	
возможности для расширения	236	131	55,51	IV
возможности расширения		56	23,73	
возможности расширить *		49	20,76	
несколько человек пришло	232	173	74,57	III
*несколько человек пришли**		59	25,43	
они были раздетые	230	12	5,22	IV
они были раздетыми		121	52,61	
они были раздеты *		97	42,17	
уполномоченный по чему	221	97	43,89	IV
уполномоченный чего *		124	56,11	
управление производством	218	187	85,78	II
управление производства		31	14,22	
направить усилия на то	194	185	95,36	I
направить усилия к тому		9	4,64	
большинство сидело	175	118	67,43	III
большинство сидели *		57	32,57	
собрать по пяти тонн	165	25	15,17	III
собрать по пять тонн		115	69,66	
*собрать пять тонн**		25	15,17	
купить молока, прибавить скорости	163	70	42,94	IV
купить молоко, прибавить скорость *		93	57,06	
критика в адрес кого	162	152	93,86	I
критика по адресу кого		10	6,14	
между соснами	151	115	76,16	III
между сосен *		36	23,84	
решения по оплате труда	148	64	43,20	IV
решения об оплате труда *		84	56,80	

Типы вариантов	Общее число употреблений	Количественное соотношение	Процентное соотношение	Разряды по виду количественных соотношений
наш школа-интернат	144	22	15,28	II
наша школа-интернат		122	84,72	
веселый он был	144	33	22,92	III
веселым он был		93	64,58	
весел он был *		18	12,50	
по ошибке	142	19	13,38	II
из-за ошибки		118	83,10	
по причине ошибки		5	3,52	
ехать на поезде	133	64	48,12	IV
ехать в поезде		18	13,53	
ехать поездом *		51	38,35	
нельзя купить спичек	128	74	57,81	IV
нельзя купить спички *		54	42,19	
б) Словоизменительные				
в городе Суздале	981	467	47,60	IV
в городе Суздаль *		514	52,40	
наиважнейший	915	323	35,30	III
наиболее важный *		592	64,70	
сорта масла, табака, сахара	910	227	24,95	III
сорта масел, табаков, сахаров *		683	75,05	
несколько диванов-кроватей	902	372	41,24	IV
несколько диван-кроватей *		530	58,76	
в цеху	655	212	32,37	III
в цехе *		443	67,63	
у Гамаля Абделя Насера	609	340	55,83	IV
у Гамаль Абдель Насера *		269	44,17	
ценить роль коллектива	542	155	28,60	III
ценить роль коллективов *		387	71,40	

Приложение (продолжение)

Типы вариантов	Общее число употреблений	Количественное соотношение	Процентное соотношение	Разряды по виду количественных соотношений
у Василенко	507	480	94,67	I
у Василенки		27	5,33	
в Перово	460	370	80,43	II
в Перове		90	19,57	
сдается на склад	456	366	80,27	II
сдают на склад		90	19,73	
теперь не поймешь	456	344	75,44	III
теперь не понять *		112	24,56	
их работник	393	389	98,98	I
ихний работник		4	1,02	
около полугода	358	319	88,83	II
около полгода		39	11,17	
мать двоих детей	357	262	73,39	III
мать двух детей *		95	26,61	
рельс	347	321	92,51	I
рельса		26	7,49	
бывшая РАПП, наша ЖЭК	322	297	92,24	I
бывший РАПП, наш ЖЭК		25	7,76	
увидя	257	20	7,78	I
увидев		237	92,22	
вязче	251	219	87,25	II
более вязкий		32	12,75	
выставка в Осака	225	105	46,67	IV
выставка в Осаке *		120	53,33	
обеих рук	195	185	94,88	I
обоих рук		10	5,12	
пускай лежит	186	6	3,23	I
пусть лежит		180	96,77	

Приложение (продолжение)

Типы вариантов	Общее число употреблений	Количественное соотношение	Процентное соотношение	Разряды по виду количественных соотношений
повысить урожай	176	88	50,0	IV
повысить урожаи *		88	50,0	
у министра Икэды	163	83	50,92	IV
у министра Икэда *		80	49,08	
достигнуть	151	48	31,79	III
достичь *		103	68,21	
у Нередки	132	120	90,91	I
у Нёредка		12	9,09	
по Москве-реке	116	72	62,10	III
по Москва-реке *		44	37,90	
обусловливать	116	60	51,72	IV
обуславливать		56	48,28	
тетей, простыней	112	45	40,18	IV
теть, простынь *		67	59,82	IV
движется, брызжет	104	87	83,65	II
двигается, брызгает		17	16,35	
Словообразовательные				
цементирование	813	153	18,81	II
цементация		660	81,19	
омич, горьковец	789	449	56,90	IV
омчанин, горьковчанин		340	43,10	
Приазовье	522	363	69,54	III
Приазовская область		159	30,46	
туристический	485	171	35,26	III
туристский		314	64,74	
изготовление	426	401	94,13	I
изготавливание		25	5,87	

Приложение (продолжение)

Типы вариантов	Общее число употреблений	Количественное соотношение	Процентное соотношение	Разряды по виду количественных соотношений
типический	390	**273**	70,0	III
типичный *		117	30,0	
организационная работа	298	181	60,73	III
организаторская работа *		117	39,27	
изготовлять	280	149	53,22	IV
изготавливать *		131	46,78	
японо-советский	270	236	87,44	II
японско-советский		34	12,56	
Смоленщина	268	113	41,56	IV
Смоленская область *		155	58,44	IV
экранизированный	237	211	89,03	II
экранизованный		26	10,97	
внештатный	221	145	65,61	III
нештатный *		76	34,39	
самоподготовка	200	78	39,0	III
самподготовка *		122	61,0	
междусоюзнический	198	20	10,10	I
межсоюзнический		178	89,9	
двусторонний	197	108	54,82	IV
двухсторонний *		89	45,18	
прочесть	156	83	53,14	IV
прочитать		73	46,86	
стандартизировать	147	89	60,54	III
стандартизовать *		58	39,46	
геройски	127	32	25,19	III
по-геройски		95	74,81	
электрификация	102	100	98,04	I
электрофикация		2	1,96	

Варианты 3-й частотной зоны (99—10)

Типы вариантов	Общее число употреблений	Количественное соотношение	Процентное соотношение
Синтаксические			
ряд человек сидел	86	68	79,07
ряд человек сидело		5	5,81
ряд человек сидели		13	15,12
документы не сохранились	80	26	32,50
документов не сохранилось		54	67,50
помочь в решении	61	36	59,02
помочь решению		3	4,92
помочь в деле решения		22	36,06
заведующая Иванова	61	48	78,69
заведующий Иванова		13	21,31
приехать на село	60	40	66,67
приехать в село		20	33,33
изготовить для экспорта	44	16	36,37
изготовить на экспорт		28	63,63
уважаемый товарищ Иванова	42	29	69,05
уважаемая товарищ Иванова		13	30,95
на рассмотрение, на утверждение	34	32	94,12
для рассмотрения, для утверждения		2	5,88
подготовить для работы	32	23	71,88
подготовить к работе		9	28,12
отец с сыном пошел	30	15	50,0
отец с сыном пошли		15	50,0
купить табак	27	12	44,44
купить табака		8	29,63
купить табаку		7	25,93
с целью осуществления	25	9	36,0
с целью осуществить		16	64,0
просьба предоставить убежище	24	19	79,17
просьба о предоставлении убежища		5	20,83

Приложение (продолжение)

Типы вариантов	Общее число употреблений	Количественное соотношение	Процентное соотношение
страна вышла победителем	21	13	61,90
страна вышла победительницей		8	38,10
он такая пройдоха, эта балда	16	3	18,75
он такой пройдоха, этот балда		13	81,25
отпуск на два дня	15	8	53,34
отпуск в два дня		2	13,33
отпуск два дня		5	33,33
наблюдать микробов	13	4	30,77
наблюдать микробы		9	69,23
тосковать по нем, по отце	12	1	8,34
тосковать по нему, по отцу		11	91,66
вы одинока	12	2	16,67
вы одиноки		10	83,33
Словоизменительные			
Ростовский СКА	97	57	58,76
Ростовская СКА		39	40,21
Ростовское СКА		1	1,03
самый факт	93	13	13,97
сам факт		80	86,03
во Франкфурте-на-Майне	73	21	28,77
во Франкфурт-на-Майне		52	71,23
изготовлено изделий	68	52	76,47
изготовлены изделия		16	23,53
в Петропавловске-Камчатском	67	47	70,15
в Петропавловск-Камчатском		20	29,85
у нее диссертация	67	54	80,60
у ней диссертация		13	19,40

Приложение (продолжение)

Типы вариантов	Общее число употреблений	Количественное соотношение	Процентное соотношение
стодвадцатипятитысячный трактор	65	45	69,23
стадвадцатипятитысячный трактор		20	30,77
мерзнул, чахнул	45	24	53,33
мерз, чах		21	46,67
с некиим товарищем	45	39	86,67
с неким товарищем		6	13,33
что же слезы лить	44	10	22,72
чего же слезы лить		34	77,28
ущельев	42	7	16,67
ущелий		35	83,33
возникши	37	2	5,40
возникнув		35	94,60
унеся	36	16	44,45
унесши		20	55,55
самое управление	35	6	17,14
само управление		29	82,86
по многу раз	32	28	87,50
по много раз		4	12,50
шасси убрано	31	19	61,29
шасси убраны		12	38,71
вторгнувшись	31	24	77,41
вторгшись		7	22,59
у Седых	30	26	86,67
у Седыха		4	13,33
ветрен	30	27	90,0
ветренен		3	10,0
в стах метрах	27	4	14,81
в ста метрах		15	55,57
в сотне метров		8	29,62

Приложение (продолжение)

Типы вариантов	Общее число употреблений	Количественное соотношение	Процентное соотношение
кофе остыл	26	17	65,38
кофе остыло		9	34,62
горфо закрыто	26	16	61,54
горфо закрыт		10	38,46
грозди	26	4	15,38
гроздья		22	84,62
промокнул	24	4	16,67
промок		20	83,33
этот табель	22	6	27,27
эта табель		16	72,73
мерит	22	12	54,55
меряет		10	45,45
промерзнувший	18	4	22,22
промерзший		14	77,78
ее самое	18	3	16,66
ее саму		15	83,34
выгрести	14	9	64,29
выгресть		5	35,71
сыплет	14	13	92,87
сыпет		1	7,13
из девяноста семи	12	10	83,34
из девяносто семи		2	16,66
этот домишко	11	10	90,91
эта домишка		1	9,09
выброси	10	3	30,0
выбрось		7	70,0
поезжай	10	8	80,0
евжай		1	10,0
ехай	1	1	10,0
не исключается	10	8	80,0
не исключено		2	20,0

Приложение (продолжение)

Типы вариантов	Общее число употреблений	Количественное соотношение	Процентное соотношение
Словообразовательные			
ацетоновый	82	35	42,68
ацетонный		47	57,32
промывательный	68	13	19,11
промывочный		31	45,58
промывной		24	35,31
сосед слева	51	50	98,03
сосед налево		1	1,97
честно	47	9	19,14
по-честному		38	80,86
проектировщик	46	35	76,08
проектант		11	23,92
пойти вправо, влево	32	16	50,0
пойти направо, налево		16	50,0

* Звездочкой помечены пары, которые в первую очередь нуждаются в специальном статистическом обследовании (см. стр. 145).

Примечание. В списке вариантов 3-й зоны количественные показатели слишком малы, чтобы квалифицировать варианты по типу количественных соотношений. Достаточно в каждом отдельном случае прибавить 10—20 единиц, чтобы изменился характер процентных соотношений. Поэтому в 3-м списке разряды не указаны, хотя условно их легко определить по приведенным данным.

Таблица I

Хронологическая таблица вариантных форм в род. мн. у единиц измерения

(типа *вольтов—вольт*)

Номер выборки	1831—1890 гг.		1891—1900 гг.		1901—1910 гг.	
	Год	Число отмеченных форм, слева — на-*ов*, справа — нулевые	Год	Число отмеченных форм, слева — на-*ов*, справа — нулевые	Год	Число отмеченных форм, слева — на-*ов*, справа — нулевые
1	1881/1882	94/6	1891	43/57	1901	5/95
2	1883	99/1	1892	42/58	1902	2/98
3	1884	100/0	1893	41/59	1903	10/90
4	1885	99/1	1894	84/16	1904	48/52
5	1886	99/1	1895	53/47	1905	11/89
6	1886/1887	97/3	1896	24/76	1906	3/97
7	1887/1888	97/3	1897	32/68	1907	8/92
8	1888	91/9	1898	28/72	1908	1/99
9	1889	89/11	1899	4/96	1909	0/100
10	1890	100/0	1900	2/98	1910	1/99
Ряды динамики по данным при $t=2$, $\beta=0,9545$	$\bar{x}=\frac{\Sigma x}{n}$		96,5/3,5	35,3/64,7		8,9/91,1
	Для окончания *-ов*		96,5±2,4	35,3±15		8,9±9
	Для нулевого окончания		3,5±2,4	64,7±15		91,1±9

Таблица 11

Хронологическая таблица вариантных форм в род. ед. у существительных на твердый согласный (типа *сахара — сахару*)

	1900 — 1918 гг.			Конец 20-х — начало 30-х годов			Конец 30-х годов			50—60-е годы		
	-а/-у		*-а/-у*		*-а*	*-у*		*-а*	*-у*		*-а*	*-у*
1	12/88	11	32/68	1	36	64	1	98	2	1	95	5
2	11/89	12	17/83	2	46	54	2	94	6	2	86	14
3	10/90	13	3/97	3	52	48	3	81	19	3	66	34
4	11/89	14	10/90	4	37	63	4	80	20	4	87	13
5	19/81	15	5/95	5	45	55	5	46	54	5	89	11
6	8/92	16	17/83	6	52	48	6	47	53	6	61	39
7	10/90	17	15/85	7	61	39	7	65	35	7	56	44
8	6/94	18	0/100	8	65	35	8	83	17	8	61	39
9	9/91	19	8/92	9	56	44	9	55	45	9	59	41
10	4/96	20	10/90	10	57	43	10	75	25	10	75	25
	P_y=0,891			P_y=0,493			P_y=0,286			P_y=0,265		

ПРИНЦИП ЭКОНОМИИ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ

(об одном аспекте нормализации)

Л. П. Катлинская

Социолингвистика и связанные с ней проблемы эволюции языка, по общему признанию лингвистов, лежат в основе теоретических проблем культуры речи как особого раздела науки о языке. «Интерес, проявляемый к социолингвистическим проблемам, вполне понятен и закономерен. Он обусловлен в первую очередь потребностями современного общества, для которого проблемы языковой политики и языкового строительства и другие практические аспекты социологии языка приобретают все большую актуальность» [1].

[1] *А. Д. Швейцер.* Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике. Л., 1971, стр. 3.

Авторы монографии «Актуальные проблемы культуры речи» главной задачей учения о культуре речи на его современном этапе признают поисковые работы: «...отыскание убедительных основ для культурно-регулятивной деятельности в области языка, разведку в различных областях языкознания и смежных дисциплин с целью обнаружения твердой почвы для фундамента такого учения...»[2].

Очевидно, пути к созданию такого фундамента должны проходить через те пункты, где эволюция языка сопрягается с движением нормы. Необходимость освоения механизма эволюции языка для убедительного обоснования культурно-регулятивной деятельности уже давно признана коренным вопросом проблемы нормы [3].

В настоящей статье предпринята попытка соотнести практические задачи нормализации в области грамматических вариантов с соответствующими проблемами теории языка.

Исходным для нас является общий и общепризнанный тезис о том, что варианты и языковая эволюция — это одна проблема. Схематично процесс смены нормы выглядит следующим образом. Новшества (инновации) первоначально функционируют в языке как варианты нормативной единицы, затем, после «принятия» новой формы коллективом, она часто вытесняет традиционную и в конце концов сама становится нормативной.

Наша частная задача состоит в том, чтобы показать, как в конкретных языковых фактах смены нормы проявляется одна из тенденций развития языка, называемая «тенденцией к экономии языковых средств».

Поскольку вопрос о существовании такой тенденции и степени ее «универсальности» является дискуссионным [4], остановимся предварительно на некоторых положениях принципиального характера.

Язык — средство общения. Жизнь общества — это, в частности, непрерывный процесс накопления информации, развитие которого идет с ускорением. Синхронно растущие потребности в обмене этой информацией вызывают естественное стремление к экономному использова-

---

[2] «Актуальные проблемы культуры речи». М., 1970, стр. 5.

[3] См.: *В. Г. Костомаров, Б. С. Шварцкопф.* Работы по вопросам культуры речи (1962—1965 гг.).— ВЯ, 1965, № 4, стр. 126.

[4] См.: *Р. А. Будагов.* Принцип экономии и развитие языка.— ВЯ, 1972, № 1.

нию средств языка-кода. О необходимости приспосабливать грамматические навыки к изменяющимся потребностям общества писал О. Есперсен: «В результате могут возникнуть новые навыки... новые грамматические формы и новые правила их употребления... Это неизбежно вытекает из самого существа языка...»[5].

Если развитие языка — это не только изменение, но и эволюция (в соответствии с общественной эволюцией), то можно предполагать, что язык развивается в сторону логического совершенства. Представление о логически идеальном языке основывается на оценке взаимоограничивающих связей между информативной емкостью сообщения и правилами кодирования: «... логически язык тем совершеннее, чем меньше доля выражаемой в высказывании обязательной информации, вынуждаемой исключительно правилами кодирования, а не существом сообщаемого» [6].

Правила кодирования, т. е. вся система правил сочетаемости единиц данного естественного языка, и общие потребности выражения содержания (коммуникативные потребности) связаны отношениями динамического соответствия. Например, когда в течение XIV—XVII вв. в истории русского языка изменились правила передачи значения прошедшего времени и вместо четырех славянских прошедших получилось одно прошедшее из бывшего перфекта, в котором отпал вспомогательный глагол, то это не только было вызвано новыми потребностями выражения, но и полностью соответствовало им. Такая перестройка системы глагольного словоизменения произошла, естественно, потому, что новые, существенно более экономные правила обеспечивали адекватное выражение соответствующего значения.

«Упрощение» правил возможно до тех пор, пока такая адекватность сохраняется. Скажем, в современном русском языке в соответствии с правилами кодирования допустима словоформа *подлодка* (*подводная лодка*) и недопустима — *красшапка* (*красная шапка*); допустимо словосочетание *пять грамм* (*граммов*) и недопустимо — *пять градус* (*градусов*). Несомненно, существует целый ряд при-

---

[5] *О. Есперсен.* Философия грамматики. М., 1958, стр. 28, 31.
[6] *Ю. Д. Апресян.* Идеи и методы современной структурной лингвистики (краткий очерк). М., 1966, стр. 84.

чип, в силу которых устанавливаются соответствующие правила кодирования. Точно так же и в приведенных примерах допустимость и недопустимость словоформ определяется некоторыми особенностями их функционирования в речи. В соответствии с нашими задачами считаем возможным указать только ту причину, которая очевидна. Утрата семантической однозначности высказывания ограничивает пределы упрощения правил кодирования: в первом примере *красшапка* может быть равно и *красивая шапка*, во втором — естественным будет прочтение *пятый градус*.

Предположение о направлении развития языкового кода не означает, разумеется, что какой-либо естественный язык может стать логически идеальным: избыточность кода всегда остается его необходимым элементом. Однако так же, как в физике при установлении простейших и общих закономерностей используется, например, понятие идеального газа в качестве модели реальных, так и в языкознании, по всей вероятности, можно (в виде чистой условности) использовать понятие логически идеального языка как вечного стимула языковой эволюции.

Итак, принцип экономии в языке может быть определен как свойственное членам языкового коллектива стремление к передаче максимума информации наименьшим из всех возможных в рамках законов данного кода набором средств сообщения.

Рассматривая тенденцию к экономии как общий и основной фактор языковой эволюции, Е. Д. Поливанов определил его место и значение при исследовании языковых процессов: «...указав основной фактор языковой эволюции... мы называем лишь отправной пункт, от которого приходится исходить в конкретных мотивировках того или другого историко-фонетического или историко-морфологического процесса... (разрядка моя.— *Л. К.*)» [7]. О том же пишет А. Мартине: «Термин «экономия» включает все: и ликвидацию бесполезных различий, и появление новых различий, и сохранение существующего положения. Линг-

[7] *Е. Д. Поливанов.* Где лежат причины языковой эволюции?— В кн.: *Е. Д. Поливанов.* Статьи по общему языкознанию. М., 1968, стр. 84.

вистическая экономия — это синтез действующих сил (разрядка моя.— *Л. К.*)» [8].

Здесь — ответ на вопрос об универсальности названной тенденции. «Основной фактор», «отправной пункт», «синтез действующих сил» не значит, как нам кажется, одновременно «универсальный». Наоборот, это почти всегда синтез противоречивых действующих сил. Вряд ли в истории языка есть примеры прямолинейного развития какого-либо процесса. «В языке существует качественно своеобразная борьба противоположностей, которая и определяет его саморазвитие. Эти противоположности можно назвать языковыми антиномиями, так как каждое конкретное разрешение любой из этих противоположностей порождает новые столкновения, новые противоречия в языке (в принципе — того же порядка) и, следовательно, их окончательное разрешение невозможно...» [9].

Непосредственное, конкретное проявление тенденции к экономии языковых средств мы наблюдаем в отдельных случаях разрешения антиномии кода и текста. Совершенствование кодовых свойств языка несомненно предполагает направление к общему расширению информативной емкости сообщения за счет сокращения элементов с нулевой или минимальной информативностью. Частным следствием этого можно считать выпадение избыточных кодовых знаков. Такой процесс разрешения антиномии кода и текста не ведет к удлинению текста вслед за укорочением кода, поскольку исключаемый знак является полным синонимом другого знака [10].

Именно здесь, как нам представляется, находится одна из точек сопряжения теории языкознания с проблемой грамматических вариантов. Полностью синонимичные грамматические варианты становятся дублетами, между ними возникают отношения конкурентности, которые неизбежно ведут к вытеснению одного из вариантов. Сохранение обоих знаков в подобных случаях противоречило бы общему принципу потребности выражения (потребности коммуникативной функции). «В языке, как и во всякой

[8] *А. Мартине.* Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960, стр. 130.

[9] «Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка». М., 1968, стр. 24.

[10] Там же, стр. 25, сноска 20.

семиологической системе, то, чем знак отличается, и есть все то, что его составляет. Различие создает отличительное свойство, оно же создает значимость и единицу» (разрядка моя.— *Л. К.*)»[11].

Для культурно-регулятивной деятельности в сфере грамматических вариантов учет фактора экономии представляется существенно необходимым. Многие процессы в современном русском языке складываются и протекают как результат действия этого фактора: процессы включения в лексике и словообразовании, аббревиация, замена различных оборотов словосочетаниями типа *весенняя погода* и т. п.[12].

Обращаясь к примерам, априори (без статистики) можно утверждать, что особенно широко и интенсивно распространяются экономные конструкции типа *весенняя погода* в языке периодики. С необыкновенной легкостью журналисты образуют словосочетания терминологического характера по аналогии с вполне устоявшимися двусловными конструкциями типа *президентские выборы* и *автомобильный завод*. Многие из них, на наш взгляд, несколько скороспелые: *комбайновая уборка* (хлебов), *трубный завод*, *художнический секрет*, *экранное действие*, *кинематографический писатель* (имярек), *операторское изящество*, *сценарные новации*, *ребяческие эмоции* (в значении «эмоции ребят»), *кинематографическая молодежь*, *одночастные киноновеллы*, *съемочный павильон*, *киносъемочная камера*, *зрительская реакция* и т. п. Подобные «вольности» свободно проходят корректорскую цензуру скорее всего потому, что все литературно говорящие в равной мере ощущают потребность в лаконизме определений терминологического свойства.

Стремление к «экономии» в таких случаях настолько естественно и неодолимо, что иногда ему подчиняются, даже допуская некоторое нарушение терминологической

---

[11] *Ф. де Соссюр.* Курс общей лингвистики. М., 1933, стр. 120.

[12] См.: *Н. А. Янко-Триницкая.* Процессы включения в лексике и словообразовании. «Развитие грамматики и лексики современного русского литературного языка». М., 1964; *Д. И. Алексеев.* Графические сокращения и слова-аббревиатуры. «Развитие современного русского языка». М., 1963; *О. С. Ахманова, Ю. А. Бельчиков, В. В. Веселитский.* К вопросу о правильности речи.— ВЯ, 1960, № 2.

точности. Так, в статье В. Г. Костомарова и А. А. Леонтьева «Некоторые теоретические вопросы культуры речи» [13] используется термин *гетерохронные* для вариантов, сосуществующих в современном языке как элементы старого и нового качества. Точное значение термина *гетерохронные* ‘несвоевременные’ (*гетерохро́ния* ‘несвоевременность, отклонение во времени’) [14] не вполне отражает содержательную сторону отношений этих вариантов. Однако термин очень удобен в силу своей предельной экономности, и, видимо, именно поэтому авторы его создали. В словаре лингвистических терминов [15] нет слова *гетерохронный*, но словообразовательная модель с морфемой *гетеро-* в ее несколько расширенном толковании («разно-») представлена: *гетероген* ‘разнородное слово’, *гетероклизия* ‘то же, что разносклоняемость’, *гетероклитика* ‘то же, что существительное разносклоняемое’ и т. п.

Синтаксическую экономичность терминологической конструкции: «согласованное определение плюс существительное» (*весенняя погода*) отмечал Г. О. Винокур. «В синтаксическом отношении конструкция: согласованное прилагательное плюс существительное является одночленной, здесь первое слово сливается с вторым как бы в одно целое» [16]. Исследование живых тенденций варьирования в терминологии современного языка представляет собой самостоятельную задачу, а примеры, к которым мы обратились, лишь иллюстрируют проявление тенденции к экономии в таких процессах, где средствами словообразования стягиваются воедино единицы разных языковых уровней.

При разрешении антиномии кода и текста в сфере собственно грамматических вариантов мы сталкиваемся с экономией двоякого рода. С одной стороны, если для манифестации данной морфологической единицы, например творительного падежа единственного числа имен существительных женского рода, на определенном этапе стали

[13] *В. Г. Костомаров, А. А. Леонтьев.* Некоторые теоретические вопросы культуры речи.— ВЯ, 1966, № 5, стр. 13.

[14] См.: «Словарь иностранных слов». М., 1949. *Гетеро...* (гр. heteros — другой) — в сложных словах означает разнородность и т. п. (противоп. *гомо...*, напр., *гетерогенный, гетероморфизм*).

[15] *О. С. Ахманова.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

[16] *Г. О. Винокур.* О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. «Труды МИФЛИ», т. V. Сборник статей по языковедению. М., 1939, стр. 44.

использоваться два знака (*рукою* и *рукой*), которые никак функционально не разграничены, то очевидно, что вытеснение одного из них сокращает код. Такую экономию можно назвать экономией на уровне морфологического знака. С другой стороны, экономия проявляется и на уровне элементов этого знака: вытесненным оказывается вариант *рукою*, который на слог длиннее.

То же самое можно сказать о грамматических вариантах как из сравнительно недавней истории русского языка (деепричастные формы *глядючи — глядя*, *сказавши — сказав*), так и современного языка (типа *сохнул — сох*, *ответственен — ответствен*, *килограммов — килограмм*, *грузинов — грузин*, *достигнуть — достичь*, *экранизирование — экранизация*, *типический — типичный* и некот. др.). Во всех этих парах вытесненным или вытесняемым оказывается более длинный вариант. Существенно, однако, что сокращается или упрощается знак морфологической единицы за счет элемента лишнего, избыточного для выполнения ее функции в системе языка. Так, в глаголах прошедшего времени (*сохнул* и *сох*) выпадает вариант с «пустым» элементом формы — суффиксом *-ну-*, который безразличен с точки зрения видовых противопоставлений (ср. видовые пары *прыгать — прыгнуть*, где такое противопоставление осуществляется именно с помощью суффиксов); в кратких прилагательных мужского рода (*ответственен* и *ответствен*) выпадает вариант с якобы дублированным суффиксом (ср. *грязный — грязен*); в родительном множественного единиц измерения (*килограммов* и *килограмм*) выпадает вариант с падежным окончанием, поскольку в едином комплексе с предшествующим количественным символом (число или наречия *много*, *мало*) единицы измерения не воспринимаются как падежная форма, и т. д. Факультативность таких элементов морфологической единицы И. А. Бодуэн де Куртенэ объяснял отсутствием на них «психического ударения». «Точно так же конечное *-у* окончания Instr. s. Fem. -oju (*-ою*) является звуком факультативным, возможным, т. е. или действительно произносимым, или же существующим только психически, по той простой причине, что и без него уже один звуковой состав -oj (*-ой*) вместе с контекстом вполне ясно определяет значение падежной формы... Дело здесь... в том, что я предложил бы назвать «психическим ударением», т. е. в относительной важности данного места

произношения для морфологических и семасиологических ассоциаций: присутствие «психического ударения» делает данную фонему устойчивою в ее фонационных проявлениях; при отсутствии же «психического ударения» выразительность фонемы слабеет и, переходя через ступень фонационной факультативности, т. е. единственно возможности, но не необходимости произношения, доходит со временем и в психическом церебрационном мире до полного нуля, исчезает» [17].

Пользуясь позднее введенными понятиями, можно сказать, что в процессе конкурентной борьбы вытесняется вариант, элемент значения которого стал «слабой точкой» системы в силу его функциональной избыточности. Понятие «слабой точки» системы так определяется Э. Косериу: «Поскольку язык — это функциональная система, то он изменяется прежде всего в своих «слабых точках», т. е. там, где система не полностью соответствует потребностям выражения и общения говорящих (разрядка моя. — *Л. К.*)» [18]. Вполне очевидно, что «потребности выражения и общения говорящих» означают здесь то же, что Бодуэн де Куртенэ при объяснении причин утраты конечного *-у* Instr. s. Fem. определил как «психическое ударение», или как «относительную важность данного места произношения для морфологических и семасиологических ассоциаций».

Применительно к задачам культурно-регулятивной деятельности в сфере грамматических вариантов все вышеизложенное означает, что при обосновании предпочтительности одного из вариантов необходимо учитывать фактор экономии элементов кодового знака.

Другим объективным критерием при выработке рекомендаций следует считать количественные оценки.

Математическая лингвистика, которая ведет свое начало с середины XIX в., в настоящее время развивается в двух направлениях. С одной стороны — это статистические методы обработки данных многочисленных частотных словарей, с другой — лингвистическая статистика как основа информационных измерений языка. Оба эти

[17] *И. А. Бодуэн де Куртенэ.* Лингвистические заметки и афоризмы. — Избранные труды по общему языкознанию, т. 2. М., 1963, стр. 40—41.

[18] *Э. Косериу.* Синхрония, диахрония и история. «Новое в лингвистике», вып. III. М., 1963, стр. 238, 239.

направления предполагают использование довольно сложного аппарата математической статистики. Необходимость интенсивного развития обоих направлений сейчас уже не вызывает сомнений у языковедов.

Задачи, которые ставят исследователи, работающие в этих областях языкознания, сводятся в основном к тому, чтобы путем информационно-статистических описаний речи создать работающие программы по массовому автоматическому анализу и синтезу текстов. Теоретической основой работ такого рода является вероятностная модель текста.

Как нам представляется, определяющим с точки зрения постановки перспективных теоретических проблем языкознания является второе направление, тогда как первое имеет своего рода подсобный характер. На базе огромных по объему материалов частотных словарей проводятся различные эксперименты. Очевидно, эксперимент — это один из основных путей для выявления связей и зависимостей элементов естественного языка.

На современном этапе развития математической лингвистики ее основу, а также и все реальные достижения представляет лишь статистический эксперимент. Возможность использования результатов его в качестве модели для измерения семантической и прагматической информации в естественном языке, по собственному признанию исследователей, есть дело будущего [19].

На статистическом эксперименте основано и третье направление квантитативной лингвистики: применение статистики для исследования и решения проблем вариативности в языке [20].

Вопросы, связанные с использованием параллельных средств речи,— это именно та область лингвистики, где применение количественных методов исследования не только наглядно необходимо, но и ощутимо результативно. Во-первых, варианты в языке, если оценивать их по поня-

[19] См.: *Р. Г. Пиотровский.* Информационные измерения языка. Л., 1968, стр. 6.

[20] Практическая разработка этого направления для изучения вариантов в современном русском языке осуществлена Л. К. Граудиной. См.: *Л. К. Граудина. Носков* или *носок*? «Вопросы культуры речи», вып. 5; *Она же.* О нулевой форме родительного множественного у существительных мужского рода. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964; *Она же.* Развитие нулевой формы родительного множественного у существительных — единиц измерения.— Там же.

тиям теории вероятностей, представляют собой случайные и несовместные события: использование одного из вариантов одновременно означает неиспользование в данном конкретном случае другого или других. Во-вторых, варианты образуют совокупность с качественной классификацией составляющих ее единиц, т. е. статистически представляют собой биномиальное (альтернативное) распределение. Для описания такого распределения используется простейший численный параметр, имеющий вполне объективный смысл,— доля вариантов одного из типов. По данным теории статистики, при достаточно большой численности выборки биномиальное распределение очень близко к нормальному [21]. Статистические закономерности нормального распределения достаточно просты, и приемы его описания детально разработаны в теории и практике статистики.

Содержательное описание проблем вариативности должно также основываться на объективных данных о количественном соотношении существующих в языке вариативных типов. Особенно важной представляется возможность путем количественных оценок употребительности в речи членов отдельных пар вариантов обоснованно и плодотворно решать нормализаторские задачи. С помощью количественных оценок представляется возможным, в частности, обосновать вывод о том, что нормой тв. ед. имен жен. рода в современном русском языке стали более экономные формы на *-ой/-ёй/-ей*.

В дальнейшем содержание статьи составляет описание определенной статистической процедуры [22]. Эта процедура является завершающей, итоговой и построена на выводах, которые были получены автором в результате обследования большого круга литературных источников периода с конца XVIII в. и до наших дней [23]. Основная

---

[21] См.: *Дж. Эдни Юл и М. Дж. Кендэл.* Теория статистики. М., 1960, стр. 442.

[22] Здесь мы не выходим за рамки подсчетов только процентных соотношений. Статистической процедура названа исходя из того, что в ней использованы количественные данные, полученные в результате проведенных ранее (в диссертации автора) статистических обработок.

[23] Выводы см. в следующих публикациях: *Л. П. Катлинская.* Двусложные флексии творительного в условиях поэтической речи. (К постановке вопроса). «Изв. АН СССР», сер. лит-ры и языка, 1968, т. XXVII, вып. 5; *Она же.* Условия варьирования флексий

задача заключалась в том, чтобы проследить становление новой нормы для окончания творительного падежа единственного числа имен женского рода [24].

Необходимость проведения дополнительной процедуры вызвана соображениями практического характера. Дело в том, что в основополагающих и наиболее авторитетных исследованиях современного языка парадигма со словоформами-вариантами тв. ед. рассматривается как парадигма с типовым колебанием. «В словоформе Т. ед. наряду с окончанием *-ой*, *-ёй* или *-ей* всегда допустимо (разрядка моя.— *Л. К.*) также окончание *-ою*, *-ёю* или *-ею*...» [25]. Такая оценка указанных вариантных форм не соответствует их реальному употреблению. Предлагаемый в статье метод по определению степени распространенности вариантов в реальной речевой практике сегодняшних дней основан на вероятностных характеристиках. Использовались количественные параметры частотного словаря Э. А. Штейнфельдт и данные, полученные в результате обследования литературных источников, примерно составляющих 10^7 печатных знаков. Сюда вошли романы, повести, рассказы, мемуары писателей (родившихся после 1890 г.), журналы «Наука и жизнь», «Знание — сила», «Турист», «Здоровье», «РТ», «Химия и жизнь», «Вокруг света», газета «Известия» за неделю, пять разных газет за 24 дек. 1966 г., ряд научных лингвистических и нелингвистических текстов. Общее количество словоформ тв. ед. имен жен. рода в выборке превышает 15 000. Среди них с окончанием *-ою/-ёю/ -ею* — 461 словоформа, следовательно, в целом доля их составляет примерно 3%.

Формы тв. ед. жен. рода с нередуцированной флексией [26] распределены по разным частям речи неодинаково.

творительного имен женского рода в литературном языке конца XVIII — начала XIX в.— НДВШ, филол. науки, 1969, № 3; *Она же.* Варианты с двусложной флексией творительного (*ою — ею*) в современном литературном языке. «Русский язык за рубежом», 1968, № 4; *Она же.* Зимою или зимой? «Русская речь», 1969, № 3.

[24] *Л. П. Катлинская.* Варианты флексий творительного падежа имен женского рода в современном русском литературном языке. Канд. дисс. М., 1969.

[25] *А. А. Зализняк.* Русское именное словоизменение. М., 1967, стр. 109.

[26] Сокращения: нередуцированная флексия (окончание *-ою/-ёю/-ею*) —н/ф, редуцированная флексия (окончание *-ой/-ёй/-ей*) — р/ф.

Лингвистический комментарий этой особенности указанных словоформ см. в названных выше публикациях и диссертации автора. Здесь приводятся лишь количественные данные.

Описание расчетов

1. Обработка данных частотного словаря Э. А. Штейнфельдт в соответствии с задачами настоящей статьи.

Итоговая статистическая процедура, представленная в настоящей статье, предполагает в качестве выводов вероятностные правила выбора вариантов на *-ой*, *-ей*, *-ёй* в пределах разных грамматических категорий. Обработка данных словаря Штейнфельдт предпринята для того, чтобы иметь возможность разбить 15 000 словоформ нашей выборки по частям речи соответственно распространенности указанных словоформ в пределах определенной грамматической категории по данным словаря.

1) По спискам частей речи по количеству текстов подсчитывалась сумма частот всех существительных жен. рода ед. числа, прилагательных (включая порядковые числительные), местоименных прилагательных и причастий (см. словарь Штейнфельдт, стр. 130—179).

2) Суммарная частота всех существительных жен. рода ед. числа пересчитывалась с учетом доли тв. пад. в пределах грамматических форм существительного (см. словарь Штейнфельдт, стр. 52, падеж тв.— 8,6%).

3) Суммарная частота прилагательных, включая порядковые числительные, сначала пересчитывалась с учетом доли жен. рода среди грамматических форм имени существительного (по словарю Штейнфельдт — 35,1%), затем с учетом доли тв. пад.

4) Аналогичный пересчет произведен для определения употребительности тв. пад. причастий жен. рода ед. числа.

5) Суммарная частота тв. пад. жен. рода личных местоимений (по принятой нами терминологии, местоименных существительных) составляет по словарю величину 371 (см. списки падежных форм местоимений по частоте и списки предложно-падежных форм местоимений по частоте, словарь Штейнфельдт, стр. 59—68).

6) Большая часть местоименных прилагательных омонимична только в четырех падежных формах: родительном, дательном, творительном, предложном. Для них соответственно высчитывалась доля тв. п. среди омонимов.

Местоимения *иной*, *такой*, *какой* (*какой-то*), кроме *того*, пересчитывались с учетом доли жен. рода, поскольку они омонимичны также им. падежу муж. рода.

7) Далее высчитывалась доля словоформ тв. ед. для каждой из частей речи в сумме всех таких словоформ, отмеченных в словаре Штейнфельдт. Данные представлены в табл. 1.

Таблица 1

Часть речи	Частота	Доля в %
Существительное	1286	48
Прилагательное	743	28
Местоименное существительное	371	14
Местоименное прилагательное	225	8
Причастие	44	2
Сумма	2668	100

2. Расчеты по нашей выборке. Общее количество словоформ р/ф (15 000) разбито на части речи пропорционально их доле в выборке словаря Штейнфельдт.

1) В табл. 2 приведена частота р/ф и н/ф по частям речи в нашей выборке.

Таблица 2

Часть речи	р/ф	н/ф
Существительное	7200 *	141
Прилагательное	4200	23
Местоименное существительное	2100	273
Местоименное прилагательное	1200	24
Причастие	300	0
Сумма	15 000	461

* Суммы частот р/ф округлены до сотен.

Доля н/ф среди существительных, прилагательных, местоименных существительных и местоименных прилагательных равна соответственно: 2%[27]; 0,6%; 13%; 2%. Вполне очевидно, что для определенных языковедческих задач, например при создании порождающей модели языка, можно пренебречь такой незначительной распространенностью форм **с двусложным окончанием** тв. ед. и считать односложное окончание тв. ед. имен жен. рода формальной морфемой его. Вариант с двусложным окончанием применительно к задачам моделирования можно признать не существующим в языке.

Разумеется, при решении массы задач другого рода такое допущение невозможно. Например, безусловно особое место н/ф занимают в поэтической речи, хотя по данным обследования произведений трех советских поэтов [28] доля н/ф в современной поэзии также невелика —16,4%. Статистическое правило на выборке 15 000 может быть сформулировано следующим образом: правило о выборе окончания *-ой/-ей* в тв. ед. дает для существительных, прилагательных, местоименных существительных и местоименных прилагательных соответственно 98%-ный, 99,4%-ный, 87%-ный, 98%-ный положительный результат [29].

Сформулированное правило является объективным количественным критерием для рекомендаций о недопустимости окончаний *-ою*, *-ею* (с точки зрения вероятностных характеристик) в подавляющем большинстве соответствующих словоупотреблений. Реально в современном языке невозможны, например, словоформы на *-ою*, *-ею* (по крайней мере одновременно все три) в такой фразе: *Он был очарован э т о ю смеющеюся девушкою.* Невозможны такие словоформы и в следующих фразах: *В разговоре с з а в е д у ю щ е ю столовою*; *Отклонено р е д к о л л е г и е ю* и т. п. Ощущение «неуместности» словоформы на *-ою* заставляет пятилетнего ребенка переделывать строчку из «Айболита»: «... и шляпою машет, и громко кричит...» на

---

[27] Округленные величины.

[28] Подробные выводы обследования см.: *Л. П. Катлинская.* Двусложные флексии творительного в условиях поэтической речи.

[29] Правило сформулировано по аналогии со статистическим правилом выбора местоимения 3-го лица в русском языке (см. НТИ, 1964, № 10, стр. 31).

«...и *шляпой* махает и громко кричит...» «*Шляпою*, -говорит ребенок,— это по-деревенски» [30].

Современная норма для окончания тв. ед. имен жен. рода утвердилась как более экономная по сравнению с устаревшей, поскольку воспроизведение падежной формы в ее прежнем облике не отвечает и не соответствует современным потребностям выражения и общения говорящих [31].

Некоторые выводы

1. В основу предполагаемого метода обоснования культурно-регулятивной деятельности в сфере грамматических вариантов положен теоретический тезис Е. Д. Поливанова о необходимости исходить в конкретных мотивировках того или другого историко-фонетического или историко-морфологического процесса из принципа экономии как одного из основных факторов языковой эволюции.

2. Частным следствием лингвистической экономии, по мысли А. Мартине, является «ликвидация бесполезных различий». Проявление такой тенденции мы наблюдаем в конкурентной борьбе грамматических дублетов, т. е. полностью синонимичных морфологических знаков. Тенденция к ликвидации бесполезных различий влечет за собой вытеснение одного из них.

3. В процессе конкурентной борьбы «обреченным» оказывается вариант с «пустым» элементом формы. Метод количественных оценок употребительности вариантов в реальной речевой практике должен служить объективному обоснованию такой «обреченности» одного из них.

---

[30] Случай из практики автора.

[31] Мы оставляем в стороне вопрос об использовании тех или иных форм в стилистически обусловленной позиции.

РАЗВИТИЕ МОДЕЛЕЙ ОФОРМЛЕНИЯ РОДА ИНОЯЗЫЧНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

(по данным статистического анализа)

В. С. Гимпелевич

Нормативное закрепление того или иного варианта слова или грамматической формы слова часто обусловлено господствующей тенденцией в оформлении слов и форм слов данного типа.

Так, например, многочисленные заимствованные неизменяемые существительные на гласную, испытывавшие в XIX — XX вв. колебания в роде (мужской/средний), типа *авизо*, *боа*, *болеро*, *бордо*, *жабо*, *казино*, *какао*, *кафе*, *контральто*, *купе*, *ландо*, *макао*, *манго*, *мокко*, *па*, *пальто*, *пианино*, *портмоне*, *сальто-мортале*, *сопрано*, *фойе*, *фортепьяно* и др., подчинились основной тенденции употребления рода подобных слов и закрепились в среднем роде (исключение *кофе* на протяжении всего XX в. также испытывает сильное влияние среднего рода, в форме которого оно уже возобладало в разговорной речи).

Цель настоящей статьи — выявить некоторые модели оформления рода иноязычных существительных однородной структуры (с их возможной дублетностью) и тенденции их развития в русском языке для определения перспектив нормы в отношении вариантов оформления. Специалисты отмечают: «Случайная количественная природа речи делает возможным вероятностный подход к изучению ее явлений. Учитывая все за и против в каждом отдельном случае, оставляя долю сомнений в тех предположениях, которые имеют право на существование, можно определить перспективные нормы, нормы с «будущим», стабилизирующиеся для разных слоев литературно говорящего общества в наши дни» [1].

В лингвистической литературе существуют расхождения по вопросу о том, какой принцип лежит в основе оформления рода иностранных слов.

---

[1] *Л. К. Граудина*, *В. А. Ицкович*, *Л. П. Катлинская*. Грамматические варианты. Опыт частотного словаря. М., 1971, стр. 7.

Одни исследователи считают, что русский язык ориентируется здесь прежде всего на внешний формальный признак иностранного слова — фонетическое окончание. При переходе иностранного слова в русский язык решающим оказывается, по их мнению, не род оригинала, а тот факт, что это слово фонетически оканчивается, например, на твердый согласный и, следовательно, формально совпадает с исконно русскими существительными мужского рода, а потому и становится в русском языке существительным мужского рода [2].

Другие ученые, напротив, на первое место ставят тенденцию сохранения рода иноязычных слов (если язык, откуда берется слово, различает роды существительных). В целях такого сохранения рода, отмечают они, русский язык часто идет и на переоформление слова [3].

Против такой гипертрофизации влияния родовой характеристики слов в языке-источнике (передатчике) на род заимствованных существительных выступает ряд лингвистов [4]. Во-первых, говорят они, не всегда можно точно указать на источник заимствования, особенно когда это касается слов, представленных в нескольких иностранных языках, а род слова от языка к языку может меняться. Кроме того, фактор сохранения рода «мог иметь значение только в момент заимствования и только для людей, знающих язык, из которого заимствуется слово. В дальнейшем же употреблении людьми, не всегда и не в достаточной мере знакомыми с этими языками, наблюдаются частые случаи изменения рода в соответствии с законами родного языка, а не с родом слов в языке-источнике или языке-посреднике» [5].

Есть еще третья категория исследователей, считающих, что родовая отнесенность заимствованных слов в пер-

---

[2] *В. И. Чернышев.* Правильность и чистота русской речи.— Избранные труды, т. 1. М., 1970, стр. 525.

[3] См.: *А. В. Миртов.* Категория грамматического рода в русском языке. Докт. дисс. Ташкент, 1943, стр. 712 и сл. Ср. также преувеличенное внимание, которое оказывал роду языка-источника С. П. Обнорский («Именное склонение в современном русском языке», вып. 1. Единств. число. Л., 1927, стр. 31—66).

[4] *А. В. Суперанская.* Род заимствованных существительных в современном русском языке. «Вопросы культуры речи», вып. 6. М., 1965, стр. 45—46; *К. С. Горбачевич.* Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971, стр. 159.

[5] *А. В. Суперанская.* Указ. соч., стр. 46.

вую очередь устанавливается в соответствии с родом той семантико-родовой модели в языке-заимствователе, смысловое поле которой совпадает с общим лексическим значением данного существительного. По мнению этих исследователей, не родовая принадлежность существительного является функцией его родового окончания, а, наоборот, формальное значение родовой флексии зависит от родовой принадлежности существительного, связанной с его прикрепленностью к определенной семантико-родовой модели (под семантико-родовой моделью понимается объединение слов одного рода с близкими лексическими значениями) [6].

Влиянию смыслового сближения с другими словами определенного рода на род заимствуемого слова придают значение и другие исследователи, однако никто не доводит этот фактор до степени абсолютизации. Оперируя лишь некоторыми, в основном замкнутыми, группами существительных, выражающих одно и то же понятие, например «монета», и имеющих общий род (ср. мужской род слов *пятак*, *полтинник*, *двугривенный*, *экю*, *пиастр*, *пенни* и т. п.) [7], В. С. Щербаков неоправданно распространяет это положение на все существительные русского языка. Между тем еще акад. В. В. Виноградов довольно четко ограничил круг таких моделей, перечислив всего несколько групп слов, распределяющихся по родовым классам чисто по значению [8]. Обычно же исследователи отмечают лишь преимущество того или иного рода в оформлении слов определенной семантики; ср., например, данные, согласно которым подавляющее большинство неологизмов, обозначающих предметы, падает на существительные мужского и женского рода; обозначающих лиц и предприятия, коллективы — на существительные мужского рода; обозначающих отвлеченные понятия — на существительные женского и среднего рода [9].

[6] См.: *В. С. Щербаков.* Категория рода в русском языке (функционально-грамматическая характеристика). Автореф. канд. дисс. Самарканд, 1966, стр. 8—10. Ср. также замечание К. С. Горбачевича: «Закрепление определенного грамматического рода у заимствованного слова происходит обычно путем подравнивания к роду русских слов (с той или иной стороны аналогичных заимствованному)» (указ. соч., стр. 159).

[7] Ср., впрочем: *копейка*, *полтина*, *полушка* (жен. род)

[8] См.: *В. В. Виноградов.* Русский язык. М.— Л., 1947, стр. 61.

[9] *И. П. Мучник.* Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971, стр. 202—204.

Противоречивость указанных точек зрения создает потребность в дополнительном анализе родового оформления заимствуемых слов, основанном на возможно более точных, объективных показателях. Прояснить проблему в том или ином направлении может статистика. Задача заключается в этом случае в проведении тщательных подсчетов родовых форм заимствованных слов в пределах как можно большего материала для определения удельного веса всевозможных факторов, воздействующих на оформление рода этих слов в русском языке; подсчеты следует производить по хронологическим отрезкам на предмет выявления относительной продуктивности разных способов родовой ассимиляции в тот или иной период и общей тенденции их развития.

Нами дается сравнительно-количественная характеристика распределения форм слов по следующим периодам: XVIII в. (и ранее), XIX в. и XX в. [10] Исследование построено в основном на материале, извлеченном методом сплошной выборки из 17-томного академического «Словаря современного русского литературного языка» (М., 1950—1965), 4-томного академического «Словаря русского языка» (1957—1961), а также словаря-справочника «Новые слова и значения» (по материалам прессы и литературы 60-х годов) под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина (М., 1971).

Все, что относится к иноязычным заимствованиям до 50-х годов нашего века, в том числе первые фиксации иностранных слов в словарях XVII, XVIII, XIX и XX вв. и варианты их форм, почерпнуто нами из справочного отдела «Словаря современного русского литературного языка» и иллюстраций к словарным статьям.

Некоторые материалы о вариантных формах и их хронологии привлечены нами дополнительно на основе собственных наблюдений или взяты из работ других авторов [11].

---

[10] О конструктивности такого метода говорят и авторы указанной выше работы о грамматических вариантах Л. К. Граудина, В. А. Йцкович, Л. П. Катлинская: «Процесс сосуществования, смены старой и новой нормы должен стать предметом специального изучения. В этом отношении небесполезен метод сопоставительно-статистического анализа. С его помощью можно строить гипотезы о перспективах развития нормы на ближайшие десятилетия» (стр. 18).

[11] *Л. А. Булаховский.* Русский литературный язык первой половины XIX века. М., 1954; *В. И. Чернышев.* Правильность и чисто-

Ввиду того, что словари обычно с опозданием фиксируют появление нового слова в языке, хронологическими границами отнесения слов в словарных материалах к XVIII в. будем считать их фиксацию в «Новом словотолкователе, расположенном по алфавиту» Н. Яновского (СПб., 1803—1806), к XIX в. — в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля (3-е изд., под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. СПб., 1903—1909).

Большую сложность представляют вопросы правильной этимологизации слов, что необходимо для установления формы слова в языке, являющемся непосредственным передатчиком его в русский язык. Здесь мы сталкиваемся со многими случаями, когда ни один справочник не указывает конкретную этимологию иностранного слова. Естественно, от включения таких слов в орбиту нашего исследования пришлось отказаться [12].

В отношении перспектив нормы родовой формы многих слов не возникает сомнений. Это касается в первую очередь иностранных существительных с интернациональными суффиксами и терминоэлементами и совпадающими с ними (но не выделяющимися) конечными звукосочетаниями (финалами) слов. Интернациональные суффиксы имеют в каждом языке свою определенную форму, и, независимо от того, как оформлено слово с таким суффиксом в языке-источнике, какой оно там имеет род, в какую семантико-родовую группу входит, из какого языка заимствовано,—

та русской речи, вып. 2. Пг., 1915; «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного». М., 1964; *Т. В. Шанская.* Родовая принадлежность имен существительных в современном русском языке. (Нормативно-стилистическая характеристика). Канд. дисс. М., 1964; *И. Е. Семин.* Из истории колебаний некоторых имен существительных в грамматическом роде. «Уч. зап. Горно-Алтайского пед. ин-та», 1958, т. I, вып. 3.

[12] Источниками этимологических справок для нас служили данные обоих академических словарей современного русского языка и «Словаря иностранных слов» (М., 1964), сверяемые и дополняемые сведениями собственно этимологических словарей: «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера (т. I—III. М., 1964, 1967, 1971, пер. с нем. и дополнения О. Н. Трубачева), «Краткого этимологического словаря русского языка» Н. М. Шанского, В. В. Иванова, Т. В. Шанской (изд. 2. М., 1971), «Этимологического словаря русского языка» под ред. и рук. Н. М. Шанского (т. I, вып. 1—3 (А — В). М., 1963, 1965, 1968).

опо, как правило, подчиняется этой стандартной форме суффикса и — соответственно — рода.

Таковы слова с суффиксами (финалями) *-(а)ци(я)*, *-изм*, *-ист*, *-ик(а)*, *-и(я)*, *-ит*, *-ин*, *-оз*, *-ат*, *-ем(а)* и др., терминоэлементами *-лог*, *-граф*, *-грамм(а)*, *-скоп*, *-метр*, *-фон*, *-дром*, *-тек(а)*, *-(рам)а)* и др. Вероятность иного оформления слов с интернациональными словообразовательными элементами ничтожно мала. Так, в современном русском языке на 700 с лишним слов жен. р. на *-ция* только восемь существительных оформлены иначе — по муж. р. (по французско-немецкому произношению): *аттракцион* (ср. *аттракция*), *аукцион*, *бастион*, *конфекцион* (ср. *конфекция*), *моцион*, *порцион* (ср. *порция*), *рацион*, *фрикцион*; на 500 наименований муж. р. на *-изм* приходится всего шесть существительных жен. р. с *-изма*: *аневризма* (наряду с *аневризм*), *катаклизма* (устар.), *кафизма*, *клизма*, *призма*, *схизма*; на несколько сот существительных, оформленных по жен. р. на *-ия*,— около 15 слов муж. р. на *-ион*; *биллион*, *вибрион*, *дивизион*, *квинтиллион*, *лампион*, *легион*, *миллион*, *оркестрион*, *пансион*, *пенсион* (устар., ср. *пенсия*), *скорпион*, *тред-юнион*, *триллион*, *фашион* и несколько французских заимствований ср. р. на *-и* типа *драпри*, *жалюзи*, *фантази*.

На первых порах вхождения в русский язык иноязычных существительных разнообразие форм рода по образцу языков-источников было более значительным. Например, в «Лексиконе вокабулам новым по алфавиту» [13], составленном в начале XVIII в., существительные на *-ция* представлены еще в форме на *-циа* (*аппробациа*, *акциа*, *аудиенциа*, *инструкциа* и т. д.), *-цио* (*амбицио*, *визитацио*, *директио* и т. д.), *-цион* (*циркумваллацион*). Ср. также приводимые в разысканиях М. Фогараши [14] формы подобных существительных на *-цея* (*пургацея*, *стацея*), *-цыя* (*элекцыя*, *инструкцыя*, *коронацыя*), *-сионе* (*деласионе* —1499 г.).

Существительные на *-изм* помимо формы на *-изма* имели еще в исходе *-измо* (*помиризмо* [15], *досизмо* [16]), *-исм*

[13] См.: *С. П. Обнорский*, *С. Г. Бархударов*. Хрестоматия по истории русского языка, ч. II, вып. 2. М., 1948, стр. 49—65.

[14] *M. Fogarasi*. Beiträge zur Geschichte der internationalen Bildungssuffixe des Russischen. Von den Anfängen bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts. Budapest, 1965, стр. 112—113.

[15] См.: *И. И. Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. II. СПб., стр. 1161.

[16] См.: «Лексикон вокабулам новым», стр. 53.

(в такой форме отмечаются существительные еще в словаре Даля), *-исма* (*аневрисма* [17]).

Существительные на *-ист* на первых порах употреблялись в латинско-польской огласовке на *-иста*: *арфиста*, *софиста* [18], *канцеляриста* [19].

Названия болезней и воспалений на *-ит* и *-оз* давались раньше и в греко-латинской форме на *-итис*, *-озис*: *колитис*, *менингитис*, *миелитис*, *холецистит*ис; *кифозис*, *склиозис* [20]. Ср. также параллели к обозначениям веществ на *-ин* с *-ина* (видимо, под влиянием женского рода французских слов): *желатина* (в словаре Даля; в техническом языке сохраняется до сих пор), *хинина* (в письме П. И. Чайковского Н. Ф. Мекк от 20 мая 1887 г.).

В параллель отвлеченным существительным на *-ика* в древнерусском языке существовали формы на *-икия* в непосредственных заимствованиях из греческого языка: *арифмитикия*, *грамматикия*, *риторикия* и т. п.

Со временем произошла унификация оформления рассматриваемых существительных. В настоящее время расхождения в огласовке и написании иноязычных интернациональных суффиксов более не влияют (за редкими исключениями, отмеченными выше) на форму заимствованного русским языком суффикса, у которого в данном языке выработался свой определенный стандарт, зачастую отличающийся от иноязычного.

Таким образом, для очень большого числа заимствованных существительных проблема оформления рода отсутствует: они получают его по определенной модели, единой для слов с интернациональными суффиксами и терминоэлементами.

Сложнее обстоит дело с существительными, не подпадающими под эту категорию. Для них вероятность варьирования родовой формы неизмеримо возрастает.

---

[17] См.: «Энциклопедический лексикон», т. I. Изд. Плюшара. СПб., 1835.

[18] См.: «Лексикон славеноросский Памвы Берынды», 1627. Приводим по работе: *G. Hüttl-Worth.* Foreign words in Russian. A historical sketch, 1550—1800. Berkeley — Los Angeles, 1963, стр. 60, 107.

[19] Отмечено под 1679 г. М. Фогараши (указ. соч., стр. 46).

[20] См.: *А. Д. Михельсон.* Объяснительный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. Изд. 12. М., 1898.

По свидетельству Л. А. Булаховского, большинство колебаний в оформлении рода относится «к словам, заимствованным из французского, и объясняется расхождением между родом языка-источника и окончанием, которое при отпадении французского немого *е* звучало в русском как характерное для твердого мужского склонения» [21]. Обратимся поэтому к существительным французского происхождения на согласный как наиболее интересным с точки зрения развития родового оформления в русском языке.

Исследователи обычно интересуются только фактами колебаний или отступлений от нормы и не обращают внимания на тенденции развития тех или иных моделей оформления слов, либо делают это приблизительно, без достаточной детализации и статистической строгости. Так, Л. А. Булаховский в общем плане замечает: «В первой половине XIX века женский род языка-источника чаще отражался во внешней стороне слова — оно попадало в склонение на *-а*: позже возобладали по преимуществу формы мужского рода» [22]. А иногда высказывания противоречат друг другу. Д. Э. Розенталь пишет, что «многие слова, употреблявшиеся ранее в формах мужского и женского или только женского рода, в наше время закрепились в литературном языке как слова мужского рода (по материалам В. И. Чернышева [23], таких случаев насчитывается свыше 70)... Реже вопрос решался в пользу женского рода...» [24]. По мнению же Т. В. Шанской, «количество слов, изменивших вариантные формы женского и мужского рода на мужской..., не больше таких, у которых вариантные формы мужского и женского рода заменились формой женского рода...» [25]

К. С. Горбачевич, выделивший среди подобных дублетов специально заимствованные слова, утверждает, что у форм с твердой основой типа *метод — метода*, как правило, побеждал мужской род, а у слов с мягкой основой

---

[21] *Л. А. Булаховский.* Указ. соч., стр. 92.

[22] Там же.

[23] Имеются в виду примеры вариантных форм рода существительных, представленных в книге В. И. Чернышева «Правильность и чистота русской речи».

[24] *Д. Э. Розенталь.* Практическая стилистика русского языка. Изд. 2. М., 1968, стр. 82.

[25] *Т. В. Шанская.* Варианты родовых форм имен существительных в современном русском литературном языке. «Вестник МГУ». Филология. Журналистика, 1963, № 6, стр. 64.

типа *вуаль* (в мужском и женском роде) установить общую закономерность затруднительно, так как примерно равное количество существительных изменило свой род [26]. Ограниченность такого метода исследования очевидна, ибо при этом совершенно не учитывается направление развития рода огромного большинства слов, не знавших колебаний.

Оформление рода французских существительных на согласный в русском языке осуществляется по следующим основным моделям: на твердый согласный (-t) — муж. р., на мягкий согласный (-tь) — муж. и жен. р., на *-а*, *-я* (-ta) — жен. р. и на *-ка* (-tka) — жен. р. Рассмотрим, как протекал этот процесс у французских слов с различными финалями.

Французские существительные мужского рода с суффиксами -age, -eur, -on, -oir заимствовались русским языком в форме мужского рода на *-аж* (*-яж*), *-ёр*(*-ер*), *-он* и *-уар* без единого исключения — под двойным влиянием произношения и рода языка-источника, например: *антураж*, *блиндаж*, *вираж*, *гараж*, *камуфляж*, *мираж*, *фюзеляж*, *этаж*; *антрепренёр*, *глиссер*, *интерьер*, *контролёр*, *модельер*, *планёр*, *транспортёр*, *экстерьер*; *батон*, *газон*, *жаргон*, *кессон*, *перрон*, *салон*, *талон*, *эшелон*; *аксессуар*, *будуар*, *дортуар*, *резервуар*, *репертуар*, *тротуар*, *фермуар*.

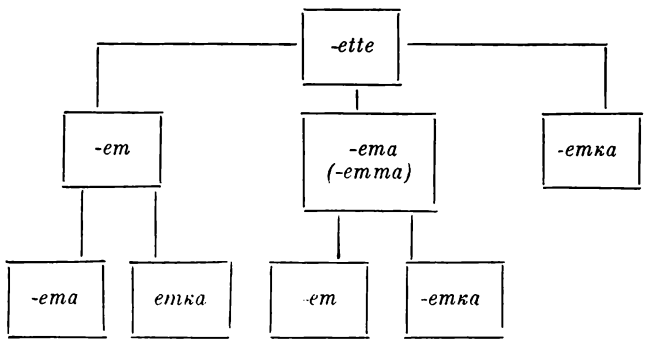
Таблица 1

Модель оформления	Всего форм	XVIII в.	XIX в.	XX в.
С финалью *-ет* (типа *винегрет*, *макет*)	52 (45,5%)	17 (61%)	25 (41%)	10 (40%)
С финалью *-етка* (типа *гризетка*, *кушетка*)	41 (36%)	3 (11%)	26 (42,5%)	12 (48%)
С финалью *-ет(т)а* (типа *пальметта*, *эстафета*)	21 (18,5%)	8 (28%)	10 (16,5%)	3 (12%)
Итого	114	28	61	25

[26] *К. С. Горбачевич.* Указ. соч., стр. 155—159.

Точно так же, без исключения, независимо от времени заимствования, французские слова женского рода с суффиксом -ance, -ence передавались в русском языке в мужском роде на *-анс* (*-янс*) лишь под влиянием произношения: *альянс*, *ассонанс*, *баланс*, *декаданс*, *конферанс*, *мезальянс*, *нюанс*, *пасьянс*, *реверанс*, *сеанс* и т. д.

В остальных случаях наблюдается вариативность моделей оформления рода. Так, развитие моделей оформления французских существительных женского рода на -ette схематически можно представить следующим образом:

Количественное и процентное соотношение вновь возникающих форм слов с данными финалями в разные периоды видно из табл. 1.

Общее число заимствованных слов этого типа составляет 93 существительных; из них 29, или около одной трети, испытали колебания форм: *-ет/-ета*, *-ет/-етка*, *-ет(т)а/-етка* (одно слово *палитра* из *палетра* от фр. palette было оформлено совершенно иначе). Чтобы составить полное впечатление о тенденциях развития форм освоения французских существительных на -ette, рассмотрим в дополнение к таблице направление развития вариантных форм.

И здесь оказывается, что при конкуренции формы мужского рода на *-ет* часто вытесняются формами женского рода на *-ета* и *-етка*, ср.: *галет — галета*, *кастаньет — кастаньета*, *манжет — манжета*, *ракет — ракета*, *эполет — эполета*, *эстафет — эстафета*; *виньет — виньетка*, *каскет — каскетка*, *кревет — креветка*, *этикет* ‘ярлык’ — *этикетка*. В других случаях, когда конкурирующие формы признаются равноправными или стилистически дифференцированными, данные свидетельствуют о бо-

лее позднем появлении форм женского рода: *жакет — жакетка*, *лонгет — лонгетка* (повязка из гипса для сращивания сломанных костей конечностей), *лорнет — лорнетка*, *планшет — планшетка*, *фасет — фасетка* (скошенная боковая грань чего-л.).

Имеется, однако, и несколько случаев победы форм на *-ет* (формы расположены в хронологическом порядке): *амулетта — амулет*, *багет — багета*, *горжетка — горжет*, *корветта — корвет*, *силуэт — силуэтка*, *эгретта — эгрет* (формы *мотоциклетка — мотоциклет* обоюдно устарели).

В соперничестве форм на *-ета/-етка* предпочтение отдается последним, ср.: *брюнета — брюнетка*, *виньета — виньетка*, *марионетта — марионетка*, *ракета — ракетка* (спорт.), *эгретта — эгретка* (исключение: *пальметта*, вытесняющее *пальметка*, и равноправные *розетта — розетка* (архит.)).

В настоящее время в форме на *-ет* употребляются 22 слова, в форме на *-етка* —36 (в том числе шесть названий лиц женского пола: *брюнетка*, *гризетка*, *кокетка*, *лоретка*, *субретка*, *шансонетка*), в форме на *-ета* —13 слов. Таким образом, если в XVIII в. оформление рода по произношению у существительных данной группы явно преобладало над оформлением по роду языка-источника, то в последующем положение изменилось. В современном языке актуальны все модели, особенно на *-етка* и *-ет*. При этом, на наш взгляд, на оформление слов не оказывает доминирующего влияния какой-либо фактор — произношение или род французского оригинала; просто употребление избирает одну из сосуществующих в языке устоявшихся моделей.

Французские существительные женского рода на -ade заимствуются в двух формах: мужского рода на *-ад* и женского рода — на *-ада*. Распределение вновь поступающих форм по периодам и направление развития моделей см. в табл. 2.

Наряду с общим уменьшением числа заимствуемых французских существительных этой группы преимущественное развитие форм женского рода на *-ада* очевидно. В результате конкуренции вариантных форм из семи случаев колебаний в пяти победили формы на *-ада* (ср.: *балад* и *баллада*, *балюстрад* и *балюстрада*, *ретирад* и *ретирада*, *эспланад* и *эспланада*, *эстакад* и *эстакада*) и в двух —

Таблица 2

Модель оформления	Всего форм	XVIII в.	XIX в.	XX в.
С финалью *-ад* (типа *лимонад, парад*)	18 (35%)	12 (40%)	4 (23,5%)	2 (50%)
С финалью *-ада* (типа *баррикада, рулада*)	33 (65%)	18 (60%)	13 (76,5%)	2 (50%)
Итого	51	30	17	4

формы на *-ад* (ср.: *маринада* и *маринад*, *променада* и *променад*) [27]. В настоящее время с финалью *-ада* употребляется 30 слов французского происхождения, с финалью *-ад* — 13 слов.

Французские существительные женского рода на -ure оформляются в русском языке также по двум моделям: женского рода с финалью *-ура* (*-юра*) и мужского рода с финалью *-ур* (*-юр*). Распределение их по периодам показано в табл. 3.

Таблица 3

Модель оформления	Всего форм	XVIII в.	XIX в.	XX в.
С финалью *-ура* (*-юра*) (типа *брошюра, процедура*)	19 (54%)	4 (57%)	12 (57%)	3 (43%)
С финалью *-ур* (*-юр*) (типа *гарнитур, конфитюр*)	16 (46%)	3 (43%)	9 (43%)	4 (57%)
Итого	35	7	21	7

Как видно из табл. 3, обе модели развиваются более или менее равномерно. Из вариантных пар в одних случаях сохранились формы на *-ура* (*-юра*): *авантюр — авантюра*, *гравюр — гравюра*, *купюр — купюра*, *миниатюр — миниатюра*; в других случаях победили формы на *-ур*(*-юр*): *гарнитура — гарнитур*, *гипюра — гипюр*, *турнюра —*

[27] Устаревшие формы *каскада*, *машкарада*, *фасада*, заимствованные из польского языка, в числе вариантных не рассматривались, хотя определенный отпечаток на ход борьбы они наложили.

турнюр (*эпюр* и *эпюра* употребляются на равных правах). В остальном 15 слов оканчиваются на *-ура* (*-юра*) и 9 слов — на *-ур* (*-юр*). Существование форм на *-ура* (*-юра*) поддерживается аналогией с многочисленной группой существительных с интернациональным суффиксом *-ур(а)*, заимствованных из латинского, итальянского, немецкого, польского языков, например: *агентура*, *амбразура*, *карикатура*, *скульптура*, *фактура* и т. д.

Большинство заимствованных французских существительных на согласный не образует каких-либо регулярных рядов с одинаковыми финалями, принадлежащих одному и тому же роду. Поэтому рассматривать их мы будем в общем потоке. Отделим только названия лиц мужского и женского пола, всегда оформляющиеся в русском языке соответственно по мужскому и женскому роду; в мужском роде: *апаш*, *арбитр*, *блондин*, *вассал*, *гид*, *жандарм*, *инвалид*, *комиссар*, *менестрель*, *партизан*, *радикал*, *санкюлот*, *фанатик* и т. д. (по женскому склонению оформлено лишь слово *бонза*, ср. устарелое *бонз*); в женском роде: *актриса*, *баядера* и *баядерка*, *гувернантка*, *дама*, *камериста* (*устар.*) и *камеристка*, *маркиза*, *мадемуазель*, *одалиска*, *патронесса*, *поэтесса*, *сомнамбула* и т. д. (имеется лишь два несклоняемых существительных на согласный: *мадам* и *маман*, ср., впрочем, существовавшую в конце XVIII — начале XIX в. форму *мадама*) [28].

Французские существительные мужского рода на твердый согласный [29] весьма мало подвержены изменениям формы рода в русском языке (см. табл. 4).

Соотношение новых слов, оформленных по мужскому роду, со словами, оформленными по женскому, во все

---

[28] Мы не касаемся здесь оформления собственных имен лиц женского пола.

[29] Формы усвоения французских существительных на мягкие согласные и -ch (*-ш*) будут рассмотрены отдельно, поскольку в русском языке они одинаково могут обслуживать мужской и женский род.

Формы существительных, восходящих к французским словам с твердым n и претерпевших колебания: *-н* твердый/*-н* мягкий и наоборот, включены нами только один раз в форме на твердый согласный: *бюллетен* (ср. *бюллетень*), *катрен* (ср. *катрень*), *филигран* (ср. *филигрань*), *шагрин* (ср. *шагрень*), *шен* (ср. *шень*). Слово *мигрень*, употреблявшееся в женском и мужском роде только с мягким *н*, несмотря на отсутствие такового во французском источнике, рассматривается нами среди слов, восходящих к французским существительным на мягкий согласный.

Таблица 4

Модель оформления	Всего форм	XVIII в.	XIX в.	XX в.
На *-t* (типа *галоп, сатин*)	317 (90%)	149 (89%)	148 (91%)	20 (91%)
На *-ta* (типа *каска, униформа*)	36 (10%)	19 (11%)	15 (9%)	2 (9%)
На *-tka*	—	—	—	—
Итого	353	168	163	22

периоды остается примерно одинаковым. Такое устойчивое преобладание «мужского» оформления обеспечивается воздействием одновременно двух факторов: влиянием произношения и рода оригинала.

Из 36 слов, оформлявшихся в разное время по женскому роду, 24 испытывали колебания, причем в 13 случаях победил мужской род (*барельефа — барельеф, бланка — бланк, дивиденда — дивиденд, канделябра — канделябр, катафалка — катафалк, киоска — киоск, моллюска — моллюск, пакта — пакт, портшеза — портшез, пюпитра — пюпитр, синонима — синоним, страза — страз* 'подделка под драгоценный камень из свинцового стекла', *такта — такт*), а в 9— женский (*амальгам — амальгама, астм — астма, бон — бона, бронз — бронза, ваз — ваза, идиом — идиома, кальк — калька, стор — стора* (устар. «штора»), *униформ — униформа*; сохраняется колебание *абак — абака, спазм — спазма*. Кроме того, в форме женского рода были усвоены слова *амбра, каска, люстра, мелодрама, поэма, рессора, сигара, система, теорема, трефа* (сейчас только во множ. числе), *фара, шаланда*.

Причину отнесенности этих слов к женскому роду обычно находят в семантико-родовой аналогии их с другими русскими словами, например *бланка — карточка, бумага, записка* и пр.: *канделябра — люстра, лампа*; *киоска — будка, лавочка, беседка* и пр.; *сигара — трубка* и т. д.[30] В некоторых случаях на выбор формы на *-а*, несомненно, оказывает влияние аналогия с привычными фор-

[30] См.: *А. В. Миртов.* Указ. соч., стр. 731 и сл.; *С. П. Обнорский.* Указ. соч., стр. 44—45.

мами другого языка, например, концовка слов *астма*, *идиома*, *поэма*, *система*, *спазма*, *теорема* могла возникнуть по образцу греческих и латинских форм на *-ма*. Сложные слова типа *мелодрама*, *униформа* закрепились в форме существующих самостоятельно вторых частей этих слов. Всего в настоящее время из рассмотренных существительных в женском роде употребляется только 21 слово, или одна пятнадцатая часть слов мужского рода.

Совершенно иначе распределяются родовые формы у слов, восходящих к французским существительным женского рода на твердый согласный. О направлении развития этих форм свидетельствует табл. 5.

Таблица 5

Модель оформления	Всего форм	XVIII в.	XIX в.	XX в.
На *-t* (типа *класс*, *ресурс*)	235 (51%)	114 (59%)	99 (45%)	11 (49%)
На *-ta* (типа *антенна*, *сардина*)	208 (45,5%)	77 (40%)	109 (49%)	22 (49%)
На *-tka* (типа *бутоньерка*, *сосиска*)	16 (3,5%)	2 (1%)	13 (6%)	1 (2%)
Итого	459	193	221	45

Как явствует из табл. 5, тенденция оформления данных существительных по женскому роду, т. е. роду оригинала, нисколько не уступает, особенно в последние два века, тенденции оформления по мужскому роду, т. е. по произношению. Это доказывает, что нельзя недооценивать роль рода существительных языка-источника при их оформлении в русском языке в тех случаях, когда не сложилось определенных моделей оформления рода слов с одинаковыми финалями. Ту же картину отражают результаты конкуренции вариантных форм — в 32 случаях победили формы мужского рода: *аграф*, *аларм*, *анализ*, *анонс*, *апофеоз*, *арьергард*, *барьер*, *брелок*, *важ*, *вариант*, *визит*, *вокализ*, *вольт*, *гардероб*, *грот*, *девиз*, *дифтонг*, *жираф*, *каземат*, *карьер* (каменный), *катаракт* (водопад), *катет*, *левантин*, *люстрин*, *метод*, *морг*, *резерв*, *комод*, *фарс*, *шарж*, *этап*, *этюд*: 31 слово закрепилось в форме жен-

ского рода: *алидада*, *антилопа*, *антитеза*, *бомба*, *гирлянда*, *глюкоза*, *карьера*, *катаракта* (болезнь глаз), *клака*, *кираса*, *контрамарка*, *кремальера*, *куранта* (устар., танец), *мангуста*, *манера*, *мансарда*, *марсельеза*, *мозаика*, *оттоманка*, *пантера*, *пирога*, *платформа*, *реприза*, *терраса*, *тюника*, *тонна*, *фаза*, *фильера*, *фраза*, *фреза*, *шарлотка*. В нескольких парах родовые варианты пока сосуществуют: *арабеск — арабеска*, *аркебуз — аркебуза*, *банкнот — банкнота*, *вольер — вольера*, *диастаз — диастаза*, *парафраз — парафраза*, *перифраз — перифраза*.

Эти данные убедительно говорят о том, что мнение в пользу абсолютного вытеснения «женских» вариантов «мужскими» не имеет под собой почвы.

В заключение рассмотрим родовые формы усвоения французских существительных на *l*, *n'* (орфографически *gn*), а также *ch* [ʃ]. Существительные мужского рода дали следующую картину (табл. 6).

Показатели распределения по родам здесь иные, нежели у заимствованных существительных мужского рода на твердый согласный. Если у последних общее отношение форм женского рода к формам мужского равняется 1 : 8,8, то в данном случае это отношение составляет приблизительно лишь 1 : 2,5, а что касается форм на *-ть*, то в мужском роде их только вдвое больше, чем в женском.

Таблица 6

Модель оформления	Всего форм	XVIII в.	XIX в.	XX в.
На *-т* (типа *журнал*, *фетиш*),	20	15	4	1
в том числе на *-ш*	5	2	2	1
На *-ть* муж. р. (типа *водевиль*, *спектакль*)	44	12	32	—
На *-ть* жен. р. (типа *карамель*, *роль*), в том числе на *-шь*	22	9	13	—
	—	—	—	—
На *-та* (типа *преамбула*, *роля*)	4	1	2	1
На *-тка*	—	—	—	—
Итого: муж. р.	64 (71%)	27 (73%)	36 (71%)	1 (50%)
жен. р.	26 (29%)	10 (27%)	15 (29%)	1 (50%)

Таблица 7

Модель оформления	Всего форм	XVIII в.	XIX в.	XX в.
На *-t* (типа *интернационал*, *гарш*), в том числе на *-и*	32 18	12 8	18 8	2 2
На *-ть* муж. р. (типа *автомобиль*, *вигонь*)	20	5	12	3
На *-ть* жен. р. (типа *акварель*, *ретушь*), в том числе на *-шь*	49 8	15 —	22 7	4 1
На *-та* (типа *букля*, *депеша*) *	24	8	14	2
На *-тка* (типа *пулька*, *бисташка*)	7	2	4	1
Итого: муж. р. жен. р.	52 (39,5%) 80 (60,5%)	17 (40%) 25 (60%)	31 (40%) 47 (60%)	5 (38,5%) 8 (61,5%)

* Сюда включаем и французские существительные на -ille(-j), которые заимствовались в письменной форме с сохранением *л*: *талия* (taille), *флотилия* (flottille) и др.

Это связано с более легким «обменом» родами при совпадении их форм (ср. аналогичное явление у русских существительных на мягкий согласный).

Французские существительные женского рода на мягкий согласный и [ʃ] ассимилировались в следующих формах (см. табл. 7).

Прослеживается постоянное преобладание форм женского рода над формами мужского в соотношении примерно 2 : 1. Эти показатели также существенно отличаются от соответствующих показателей оформления французских существительных женского рода на твердый согласный в пользу «женских» форм. Видимо, здесь влияние рода языка-источника, не оспариваемое «мужским» произношением, проявляется особенно наглядно [31].

Но и число колебан... родовых форм существительных, восходящих к французским именам на мягкий со-

[31] Эти данные не учитывает А. В. Суперанская, совершенно отвлекающаяся от фактора родового соответствия слову в языке-источнике и усматривающая главную роль в регулировании родовой отнесенности подобных слов в ударении и характере конечного элемента (указ. соч., стр. 48).

гласный и [ʃ], составляет наибольший процент: 43 случая на 168 слов этой группы, т. е. 25%. К муж. р. отошло 20 слов: *аванзал* (ср. *аванзала*), *апрош* (ср. *апроша*), *дебош* (ср. *дебоша*), *душ* (ср. *душь*, *душа*), *капсюль* (ср. *капсюля*), *контроль*, *картель*, *картуш* (ср. *картушь*, *картуша*), *ореол* (ср. *ореола*), *отель*, *пароль*, *патруль*, *перкаль*, *пистоль*, *портфель*, *пратикабль*, *профиль*, *сераль*, *туннель*, *тюль* (из них с родом языка-источника только семь существительных). По женскому роду распределились 23 слова: *антресоль*, *афиша* (ср. *афиш*), *бандероль*, *брешь* (ср. *бреш*), *брошь* и *брошка* (ср. *брош*), *вертикаль*, *вигонь*, *виолончель*, *вуаль*, *гуашь* (ср. *гуаш*), *деталь*, *диагональ*, *дуэль*, *кадриль*, *карусель*, *модель*, *мигрень*, *молекула* (ср. *молекул*), *ниша* (ср. *ниш*), *флешь* (ср. *флеш*), *цитадель*, *шаль* (из них с родом языка-источника 15 существительных).

Соотношение заимствованных форм на мягкий согласный, следующих произношению источника, и форм на твердый согласный и *-а(-я)* явно в пользу первых, причем в результате конкуренции вариантных форм также чаще побеждают формы на мягкий согласный. Ср.: *вертикал — вертикаль*, *вестибул — вестибюль*, *диагонал — диагональ*, *рокамбол — рокамболь*, *газела — газель*, *капсюля — капсюль*, *фонтанелла — фонтанель*, но *интернациональ — интернационал*, *каравель — каравелла*, *фарандоль — фарандола*.

Небезразличие рода существительных в языке-источнике для русского языка сказывается и в том, что у существительных, преобразованных в русском языке из французских прилагательных и словосочетаний, род, как правило, определяется лишь «мужским» произношением, а в случае мягкого окончания — всегда колеблется. Например: *вежеталь* (*-я*, *-и*), *одеколон* и *одеколонь* (*-и*), *падеспань* (*-я*, *-и*), *рояль* (*-и*, *-я*); *банкаброш*, *гродетур*, *крепдешин*, *наполеондор*, *плацдарм*, *пленер*, *саквояж*, *табльдот*, *флердоранж*, *шезлонг* и т. д., но *мизансцена* (по аналогии со *сцена*).

При всей относительности (оговоренной выше) использованного материала его анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Если не касаться существительных с интернациональными суффиксами и терминоэлементами, ведущим принципом оформления рода иностранных слов на твердый согласный в русском языке, безусловно, является принцип

соответствия фонетическому концу слова, т. е. по мужскому роду. Об этом говорит и то, что примерно половина рассмотренных французских существительных женского рода на согласный оформляется в русском языке по мужскому роду, и то, что «безродовые» наименования (прилагательные, словосочетания) с этим окончанием, заимствуясь в русский язык как существительные, выступают только в форме мужского рода.

2. Вместе с тем нельзя игнорировать, как это делают некоторые исследователи, влияния рода слов языка-источника на род заимствованных существительных в русском языке. Не менее половины французских существительных женского рода оформляется по женскому роду и в русском языке, а у французских существительных мужского рода это явление, подкрепленное «мужским» произношением, достигает почти абсолютной величины. Рассмотренный материал позволяет сделать и тот вывод, что оформление заимствованных существительных по женскому роду на *-а* — отнюдь не случайное явление в XIX и XX вв.; так распределяются целые разряды французских слов, оформленные по определенной модели, причем в некоторых случаях, как у слов, восходящих к наименованиям на -ette, преимущественный рост существительных жен. р. приходится именно на этот период.

3. Семантико-родовая аналогия с русскими словами при оформлении рода заимствованных существительных — элемент случайный и большой роли не играет. Значение этого фактора, очевидно, возрастает при заимствовании слов из языков, не различающих род существительных.

4. О росте числа существительных, оформленных по тому или иному роду, нельзя судить только по результатам конкуренции вариантных форм. Кстати, эти результаты показывают, что в среднем формы существительных мужского и женского рода, победившие в конкурентной борьбе, распределяются одинаково. Тенденции родового развития заимствованных существительных наглядно отражает картина распределения родовых форм существительных по периодам, дополненная показателями конкуренции варпантных форм. В связи с этим следует подчеркнуть несомненную перспективность ряда моделей оформления мужского рода существительных: на *-аж* (*-яж*), *-ёр* (*-ер*), *-он*, *-уар* и *-анс* (*-янс*), не имеющих вариантов оформления рода в русском языке.

К ВОПРОСУ О ПРИНЯТИИ НОРМОЙ НОВЫХ СЛОВ

Г. И. Миськевич

Как известно, оценка новых, появившихся в употреблении слов осуществляется в двух аспектах — с точки зрения «правильности» их образования, т. е. соответствия их структурным языковым закономерностям, заключенным в системе, и с точки зрения потенциальной возможности принятия их нормой.

Исследование и оценка фактов новообразований во втором аспекте в целом представляются бесперспективными. Прежде всего по причине того, что проблема принятия нормой новых лексических единиц и весь круг примыкающих вопросов еще не получили в русистике своего решения. Не выявлены языковые показатели, свидетельствующие об «усвоенности» новых явлений; не определены те языковые характеристики, которые выполняют функции сопутствующих факторов — факторов, оказывающих положительное влияние на принятие новых явлений. Не обнаружены процессы, определяющие тот выбор, который совершается в норме по отношению к множеству возникающих в речи инноваций.

Тем более бесперспективным представляется предсказание возможности принятия нормой новообразований, так как и сама проблема языкового прогнозирования, вызывающая прямо противоположные высказывания лингвистов, лишь только осмысляется и ставится и не определены методы анализа, которые бы приводили к ее решению. Анализ языкового материала в данном аспекте представляется бесперспективным еще и потому, что лингвистическая предсказуемость не только должна опираться на анализ чисто языковых факторов, но должна «предвидеть» и «социальную» обстановку жизни языковой единицы. Да и предсказуемость собственно лингвистическая не может быть абсолютной, так как для появления каждой отдельной номинативной единицы норма располагает многообразными возможностями. Сложное взаимодействие абсолютных возможностей системы, традиций и тенденций, действующих в норме, допускает лишь предвидение и прогнозирование р я д а возможных, вероятных в каж-

дом конкретном случае номинаций и исключает категорическое предсказание одной возможной номинативной единицы.

Однако при конкретном анализе языкового материала исследователи обнаруживают зависимости, которые сопутствуют принятию новых единиц речи, а поэтому могут служить показателями, свидетельствующими о возможном вхождении в норму.

Одним из таких факторов признается употребительность, распространенность нового образования.

При определении же возможности вхождения в норму нового образования, осуществляемом в рамках определенных отвлечений и ограничений, фактор употребительности может абсолютизироваться. Так, общеизвестно, что для появления каждой отдельной номинативной языковой единицы в норме заключены разнообразные возможности — семантические, словообразовательные, синтаксические. Во многих случаях при формировании новой номинативной единицы начинает функционировать несколько системных звеньев. Денотат получает несколько означающих. В возникающем вариативном ряду побеждает, как правило, та единица, которая оказывается более частотной в употреблении. Поэтому при определении нейтральной единицы внутри вариативного ряда степень частотности употребления оказывается объективным фактором.

Но как понимать эту степень употребительности? Возможно ли в каких-то относительно конкретных формах выразить ту частоту употребления, которая предшествует принятию нормой нового образования? Нельзя ли с относительной достоверностью обнаружить те хронологические границы, в пределах которых фиксируется включение в норму неологизма? Попытке ответить на эти вопросы и посвящена настоящая статья.

Для анализа берутся такие неологизмы, которые характеризуются прежде всего номинативной нагруженностью. Их появление в речи обусловлено возникающей социальной потребностью в наименовании каких-либо реалий или процессов. Именно в этой характеристике — в функциональной целесообразности своего появления и утверждения — они однообразны.

Предметом анализа явились неологизмы *луноход*, *стыковка*, *приводниться*, *прилуниться*, так как наблюдение

над их употреблением позволяет с достаточной определенностью говорить о положении их в норме [1].

В ноябре 1970 г. началось исследование Луны передвижной автоматической лабораторией. С первым официальным сообщением о новом автоматическом устройстве на страницах газет, в сообщениях по радио- и телевизионным каналам появляется новое слово *луноход*. Название передвигающейся по Луне автоматической станции создано по словообразовательной модели (сложения со второй частью *-ход*), которая в современном языке является активно развивающейся, особенно широко используемой в технической терминологии [2]. Отсутствие каких бы то ни было пояснений, раскрытие собственного значения слова даже в первых публикациях свидетельствует о том, что интуитивное ощущение носителями языка общего словообразовательного значения данной словообразовательной модели является вполне отчетливым и активным. И, видимо, этот фактор может служить объяснением того, что само родившееся слово *луноход* было воспринято носителями языка как очень знакомое, известное и как будто даже и не новое.

Наблюдение над употреблением этого нового образования свидетельствует об очень интересном и в какой-то степени исключительном явлении — о принятии нормой нового образования с минимальным временны́м интервалом. Анализ речевого употребления показывает, что этот интервал исчисляется буквально несколькими днями.

Появление новой номинации почти синхронно сопровождалось принятием ее нормой. Показателями закрепления в норме нового слова *луноход* оказываются следующие факты.

Название *луноход* с момента появления в речи выступило и утвердилось как единственное средство номинации соответствующей реалии, не имеющее для себя вариантов. Отмечающиеся в языке газеты *автоматическая лаборатория*, *самоходный аппарат*, *лунный робот*, *космическая*

---

[1] Признавая тот или иной неологизм закрепленным нормой, в доказательство мы приводим те характеристики, которые используются исследователями при описании процесса вхождения слова в язык: закрепленность неологизма за денотатом, его словообразовательную активность, возможность переносных употреблений, использование в текстах различных жанров.

[2] «Грамматика современного русского литературного языка». М., «Наука», 1970, стр. 171.

колесница и под. являются лишь описательными, перифрастическими наименованиями самого означающего. Новообразование *луноход* включилось в качестве производящей, или базовой, основы в новое прилагательное *луноходный*, ср.: «Этапы *луноходной* страды» («Сов. Россия», 3 февр. 1971).

По образцу новообразования *луноход* появляются номинативные образования с тем же семантическим соотношением составляющих частей —«передвигающийся, проходящий по тому, что обозначено в первой части» [3]. Ср.: Нет сомнения, что первый в мире *планетоход* внесет неоценимый вклад в изучение человеком Луны и других космических тел («Комс. правда», 18 ноября 1971); Пройдут годы. В будущем автоматические станции столь же успешно спустятся и на поверхность Марса, Меркурия, Венеры и других более далеких планет. Из их люков выползут автоматические подвижные устройства, которые будут называться *планетоходами* или более красочно, например, «*марсоходами*» («Моск. комсомолец», 18 ноября 1970); Полученные научные и технические данные могут быть использованы при создании новых *планетоходов* («Авиация и космонавтика», 1971, № 1, стр. 21).

Количественные подсчеты употребления слова *луноход*, представленные в сводной таблице (см. стр. 218), позволяют характеризовать неологизм *луноход* как высокочастотный по употреблению. В отношении временны́х пределов, которые можно наметить, говоря о закреплении его нормой, вполне допустимо предположить следующее: как и для многих слов, относящихся к области космической лексики, фиксируется дата первого появления слова *луноход* в неспециальных текстах, предназначенных для широкого круга читателей,—17 ноября 1970 г. Разнохарактерные факты языкового употребления, относящиеся к самому началу 1971 г., свидетельствуют о том, что *луноход* употребляется как единица, принятая нормой.

Термин космонавтики *стыковка* появился в неспециальных текстах, обращенных к так называемому «широкому читателю», в октябре 1967 г.[4] Новообразование создано

[3] *Л. И. Скворцов.* Луноход. «Русская речь», 1971, № 3, стр. 74.

[4] Слово *стыковка* бытовало лишь как узкопрофессиональный термин железнодорожного транспорта (не включенный и в словник БСЭ). Ни один словарь литературного языка не включает этого слова. Первая фиксация слова *стыковка* как слова, получающе-

по очень продуктивной модели от основы глагола *стыковать* посредством суффикса *-к(а)*. Приведем первые случаи употребления слова *стыковка* в текстах газеты: Автоматическая *стыковка* двух космических аппаратов, так же как выброс и спуск парашюта с приборами в атмосфере Венеры, являются выдающимися достижениями современной космической техники, свидетелями которых мы стали за последние две недели. Автоматическая *стыковка* советских спутников открывает новые широкие и интереснейшие возможности для дальнейших космических исследований («Известия», 31 окт. 1967).

Даже первые употребления слова *стыковка* последовательно не сопровождались разъяснением значения, так как лексическое значение новообразования закономерно определилось и значением отчетливо ощущаемой внутренней формы, и словообразовательным значением модели.

Анализ употребления слова в речевой действительности выявляет показатели, свидетельствующие о закреплении нормой нового образования. Прежде всего — утверждение данного способа выражения в качестве постоянного обозначения соответствующего отвлеченного процесса. Ни в текстах узко специальных, ни в текстах, предназначенных для широкой аудитории, не были зафиксированы вариантные способы выражения. Новообразование *стыковка* выступило в качестве производящей основы нового образования — *стыковочный* (относящийся к стыковке), также получившего распространение. Ср.: Для осуществления стыковки на одном из спутников установлен *стыковочный* узел активного типа — штанга, на другой — *стыковочный* узел пассивного типа — приемный конус («Правда», 1 ноября 1967); Аппараты должны подойти друг к другу в строго определенном положении, а именно *стыковочными* элементами («Сов. Россия», 2 ноября 1967); Стыкуемые аппараты сближались до тех пор, пока не вошли в механическое зацепление *стыковочными* узлами («Известия», 22 апреля 1968); Во время сближения космический корабль «Союз-5» ориентировался *стыковочным* узлом в направлении корабля «Союз-4» («Известия», 24 янв. 1969); Проверив герметичность соединений двух аппара-

---

го употребление в текстах широкого, неспециального содержания, принадлежит словарю «Новые слова и значения» (М., «Сов. энциклопедия», 1971).

тов, космонавты развели механизмы *стыковочных* узлов внутрь отсеков («Веч. Москва», 8 июня 1971).

С абсолютной бесспорностью о том же свидетельствуют случаи употребления слова *стыковка* в переносных значениях в нейтральных, информативного содержания текстах. Ср.: Буквально на каждом шагу убеждались мы в правоте нашего собеседника из Ленинградского обкома, утверждающего, что «*стыковка* интересов» в ленинградской экономике протекает медленно, нечетко («Правда», 12 мая 1968); *Стыковка* с будущим [загл.] («Комс. правда», 8 февр. 1972).

Количественные показатели употребления слова *стыковка* (см. табл.) включают неологизм *стыковка* в разряд слов, употребительность которых является высокой.

Материал употребления слова *стыковка*, которым мы располагаем, является результатом не максимально сплошной выборки, а отдельных выборочных наблюдений, поэтому он лишь свидетельствует о том, что в языковом употреблении 1969 г. новообразование *стыковка* выступает как слово, освоенное нормой. Отсутствие в картотеке автора хронологически более ранних примеров само по себе не отрицает возможности вхождения в норму образования *стыковка* в более ранний период. Однако собранный материал с достоверностью позволяет утверждать, что в языковом употреблении именно этого времени новообразование *стыковка* выступает принятым нормой.

Принципиально иную картину представляет история вхождения в норму группы слов одного семантического гнезда — глаголов и отглагольных образований, называющих процессы опускания на различные поверхности.

Начавшиеся полеты в космос и на Луну рождают новые глаголы. Отчетливо воспринимаемая связь глагола *приземлиться* с существительным Земля, с одной стороны, и возникшая общественная потребность в указании в каждом отдельном случае, на какую именно поверхность происходит спуск — с другой, вызвали рождение новых глаголов. К существующему *приземлиться*, обозначавшему спуск на любую поверхность, так как значение производящей основы было как бы «приглушенным», присоединяются *приводниться* и *прилуниться*, словообразовательное значение которых «приблизиться к тому, опуститься на

то, что названо мотивирующим существительным» [5]. Е. А. Земская, анализировавшая эти глаголы на этапе их зарождения и первоначального развития, отмечает, что их появление в широком употреблении характеризуется шутливостью, несерьезностью. Первые случаи нейтрального номинативного употребления глаголов *прилуниться и приводниться* фиксируются Е. А. Земской в языке газеты 1960 г.

Наблюдения над употреблением названных глаголов данного семантического гнезда позволяют говорить, что и к периоду настоящего времени (имеется в виду речевое употребление 1973 г.) не определилась семантическая структура названных глаголов.

Отсутствует постоянная закрепленность за означаемыми. Так, следует признать достаточно распространенным называние действия опускания на поверхность Луны глаголом *прилуниться* (или соответствующим отглагольным существительным), ср.: Станция «Луна-9» совершила впервые мягкую посадку на ближайшее к нам небесное тело — Луну. *Прилунение* было осуществлено в восточной части Океана Бурь вблизи экватора («Красная звезда», 11 февр. 1966); После проверки маневрирования они должны *прилуниться* в Море Спокойствия (Комс. правда», 17 июля 1969); Советская автоматическая станция «Луна-17» плавно *прилунилась* в море Дождей («Веч. Москва», 17 ноября 1970); Автоматическая станция «Луна-17»— первый аппарат, который прилунился в районе моря Дождей («Правда», 19 ноября 1970); Результаты отличные. *Прилуниться* с такой точностью на нынешнем уровне развития космонавтики — большое техническое достижение («Известия», 26 ноября 1971); Космонавт Рональд Эванс не будет *прилуняться*. Он останется на борту в отсеке экипажа, который будет совершать витки вокруг Луны («Неделя», 4—10 дек. 1972).

Но вместе с тем нельзя не заметить, что новый глагол *прилуниться* не является единственным обозначением данного действия. В той же номинативной функции в нейтральных информативных текстах продолжает употребляться и глагол *приземлиться*. Ср.: Известно, что «Луна-20» *приземлилась* в горном труднодоступном районе. Чем

[5] «Грамматика современного русского литературного языка». М., «Наука», 1970, стр. 281.

вызван интерес к этому району? («Комс. правда», 11 марта 1972).

Аналогичная ситуация наблюдается и в употреблении глагола *приводниться*. Как будто использование глагола *приводниться* при обозначении опускания летательных аппаратов на водную поверхность оказывается совершенно очевидно преобладающим: Ср.: По программе полета кабина основного блока космического корабля «Аполлон-11» 24 июля *приводнится* в Тихом океане («Комс. правда», 17 июля 1969); Автоматическая станция «Зонд-8» после облета Луны 27 октября 1970 года *приводнилась* в заданном районе Индийского океана («Известия», 3 ноября 1970); Станция *приводнилась* в 16 часов 55 минут по московскому времени в заданном районе акватории Индийского океана в 730 километрах юго-восточнее архипелага Чагос («Комс. правда», 28 окт. 1970). Но наряду с этим также в нейтральных информативных текстах все еще оказывается возможным употребление для называния опускания на воду летательных аппаратов глагола *приземлиться*. Ср.: Предположения, что «Зонд-6» *приземлится* в Индийском океане, оказались несостоятельными, он опустился в СССР в точно заданном районе («Известия, 19 ноября 1968).

Приведенные примеры показывают, что между формами *прилуниться*, *приводниться*, с одной стороны, и *приземлиться*, с другой, установились конкурентные отношения. В норме борются две тенденции, влияющие на формирование номинативных структур, называющих спуск летательных аппаратов на различные поверхности: называние процесса спуска летательного аппарата на поверхность без указания самой поверхности, на которую совершается спуск (в этом случае используется глагол *приземлиться*, у которого производящая основа выступает с заглохшим собственным лексическим значением), и называние процесса спуска летательных аппаратов с дифференцированным определением поверхности, на которую совершается спуск (в этом случае образуются новые глаголы, производящими основами которых являются имена существительные — названия поверхностей, на которые производится спуск).

И хотя использование для называния спуска летательных аппаратов на поверхность глаголов, в словообразовательной структуре которых содержится определение вида поверхности, оказывается достаточно распространен-

ным, анализ их употребления в настоящий период не позволяет говорить об их номинативной устойчивости. Можно думать, что определенное влияние на принятие нормой одного или другого способа номинации данного процесса окажет появление новых глаголов в данном семантическом ряду в связи с осуществлением космических полетов к другим небесным телам.

В этой связи можно привести следующие факты. В многочисленных публикациях специалистов и журналистов о совершенной в декабре 1971 г. мягкой посадке на Марс спускаемого аппарата процесс спуска летательного устройства на поверхность планеты передается следующими словосочетаниями: спускаемый аппарат *осуществил* или *совершил мягкую посадку* на поверхность планеты Марс; *мягко опустился* на марсианскую поверхность; *сел* на Марс; *осуществлена посадка* на Марс и др. Употребление глагола *примарситься* (или его производных) носит случайный характер и зафиксировано в текстах, не относящихся прямо к совершенному событию, ср.: В планетарии есть глобус Марса. Теперь на нем красным вымпелом отмечена точка *примарсения* межпланетной советской станции («Комс. правда», 21 дек. 1971); Как вы смогли увидеть сами,— говорит К. А. Порцевский,— у нас сейчас огромный наплыв посетителей. И всех интересует Марс. Мы пока единственный планетарий в стране, который уже «отреагировал» на этот замечательный успех в космосе — у нас есть аппарат, который показывает, как «*примарсилась*» наша автоматическая станция (Там же) [6].

В более поздних сообщениях о новом эксперименте — о совершенной в июле 1972 г. посадке спускаемого аппарата на поверхность Венеры — потенциальный, т. е. возможный с позиции языковых закономерностей, глагол *привенериться* не зафиксирован. Приведем отдельные случаи контекстного употребления тех лексических средств, которые были использованы при описании процесса спуска на Венеру летательного аппарата: После аэродинамического торможения спускаемый аппарат совершил плавное снижение на парашюте и в 12 часов 29 минут по московскому времени 22 июля произвел мягкую посадку на поверхность Венеры. Посадка космического аппарата впер-

[6] Оба примера взяты в картотеке новых слов Ленинградского отделения Института.

вые осуществлена на освещенную сторону планеты («Правда», 23 июля 1972); «Венера-8» опустилась в район, где Солнце еще не поднялось высоко над горизонтом («Правда», 23 июля 1972); Аппарат должен выдержать удар в момент касания с грунтом Венеры («Известия», 24 июля 1972).

Материалами наблюдения над частотностью употребления названных новых слов явились данные выборок из газетных и журнальных статей, различных по жанру,— научно-популярных, официально-информативных, репортажей журналистов,— но объединенных общей тематической направленностью. Были отобраны лишь тексты, тема сообщения которых касается вопросов, связанных тем или иным аспектом или с *луноходом*, или со *стыковкой*, или с процессами опускания летательных аппаратов на поверхность Луны или воду.

Материал для анализа брался в такие хронологические периоды, когда сама тема по той или иной причине оказывалась общественно актуальной. Так, частота употребления слова *луноход* подсчитывалась в текстах, информирующих и комментирующих первый и второй эксперимент по исследованию Луны — соответственно 1970 и 1973 гг.; частота употребления слова *стыковка* определялась по текстам, сообщающим о совершенных в космосе экспериментах по жесткому соединению летательных аппаратов — соответственно 1969, 1971 и 1972 гг.; частота употребления слов *приводниться* и *прилуниться* считалась по текстам разного времени, включающим сообщения об опускании летательных аппаратов на поверхность воды или Луны.

Размер, или длина, каждой выборки определялся границами анализируемых статей.

Анализ частотных списков приводится в таблице, при этом анализируемые слова даются в той форме, которую мы приняли за исходную (см. табл. на стр. 218).

Подсчеты показали, что количественные показатели внутри названных выше жанров языка периодики принципиального расхождения не имеют. Это позволило в таблице дать единые, суммированные показатели, без разграничения обследованных источников по жанрам.

Таким образом, цель приведенного количественного анализа — определение частоты употребительности неологизмов *луноход*, *стыковка*, *прилуниться* и *приводниться* в языке периодики.

Таблица

За какие годы взяты источники	*Луноход*			*Стыковка*		
	Длина выборки	Число употреблений	Употребительность в %	Длина выборки	Число употреблений	Употребительность в %
1969				1034	6	0,5
1970	4303	88	2			
1971				6942	58	0,8
1972				1982	43	2
1973	8974	209	2,3			

За какие годы взяты источники	*Прилуниться*			*Приводниться*		
	Длина выборки	Число употреблений	Употребительность в %	Длина выборки	Число употреблений	Употребительность в %
1969	6357	0		1618	2	0,1
1970	2752	0		1677	0	
1971						
1972	6855	0				
1973	1310	1	0,08			

Полученные количественные показатели и проведенный анализ употребления неологизмов в тексте позволили обнаружить зависимость, существующую между употребительностью и закреплением нормой неологизмов. Неологизмы, характеризующиеся номинативной нагруженностью, при частоте употребления 0,6 и выше принимаются нормой в предельно ограниченные хронологические сроки. Неологизмы с частотой употребления 0,1 и ниже остаются за пределами нормы.

III. СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ НОРМЫ

НОРМЫ УДАРЕНИЯ И СТАТИСТИКА

В. Л. Воронцова

В ряде статей последних лет настойчиво проводится мысль о необходимости пересмотра акцентных рекомендаций в словарях [1], основанием для чего в значительной степени являются наблюдения над речевой практикой людей, владеющих литературным языком. Например, в статье Н. К. Пироговой «О нормах и колебаниях в ударении (на материале глагола)» прямо говорится: «Рекомендуемые акцентологические нормы во многих случаях устарели, они нередко повторяют и узаконивают для нашего дня те явления, которые сложились у истоков орфоэпии два-три столетия назад» [2]. Подобные выводы сделаны В. В. Колесовым по отношению к элементам «высокого», «часто устаревшего стиля», который характеризует, по его мнению, многие рекомендации словаря «Русское литературное произношение и ударение». «Нет никакой необходимости,— пишет автор,— настаивать на этих нормах, следует как-то учесть изменения, происшедшие в речевой практике» [3]. «Явное противоречие между показаниями словарей и живой практикой образованных людей» констатируется в статье Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой «Об ударениях в кратких формах прилагательных и причастий» [4].

Основанием для таких выводов для всех упомянутых авторов служат данные ответов на специально составлен-

[1] Имеется в виду главным образом словарь-справочник «Русское литературное произношение и ударение» (М., 1959).

[2] НДВШ, филол. науки, 1967, № 3, стр. 14.

[3] *В. В. Колесов.* Развитие словесного ударения в современном русском произношении. «Развитие русского языка после Великой Октябрьской социалистической революции». Л., 1967, стр. 118.

[4] РЯШ, 1971, № 3.

ные анкеты по ударению. Н. К. Пирогова наблюдает за произношением некоторых глаголов на *-ить* (*звонить*, *морить* и др.) и ряда глаголов непродуктивных групп, испытывающих колебание в ударении, у небольшой группы студентов-филологов (75 человек). В. В. Колесов обследовал с помощью анкеты по ударению произношение 225 студентов-филологов. Д. Э. Розенталь и М. А. Теленкова провели несколько видов наблюдений в течение 6—7 лет над произношением студентов (преимущественно), работников издательств различного профиля, дикторов радиовещания и телевидения. Опросом было охвачено у них в общей сложности свыше 1000 человек. Как видим, выводы о необходимости реформы акцентных рекомендаций сделаны на весьма различном статистическом материале.

Одно это свидетельствует уже, как нам кажется, об очень разном представлении о роли статистических данных в установлении нормативных оценок, тем более когда речь идет о практической стороне дела.

Неясны, по нашему мнению, прежде всего основные вопросы: каков должен быть объем статистического материала, на основании которого можно было бы ставить вопрос о пересмотре норм, и должна ли норма строго следовать за статистикой.

Не претендуя ни в какой мере на решение этих вопросов, мы хотели бы высказать некоторые соображения на этот счет.

Д. Э. Розенталь и М. А. Теленкова, делая свои выводы относительно необходимости пересмотра и обновления многих рекомендаций словарей, касающихся норм ударения в кратких формах прилагательных и причастий, предупреждают, что не считают сделанные выводы окончательными. «Нужна,— пишут они,— более точная экспериментальная проверка, более массовый анкетный опрос по типу проводившихся ранее академическими учреждениями опросов по словообразованию, формообразованию, литературному произношению» [5].

Что же дает этот «более массовый» материал? Как известно, «Вопросник по современной русской морфологии» (М., 1963) — один из видов упомянутого анкетного опроса — включал ряд вопросов по ударению в словоизменительных формах (раздел 1а), в том числе в несколь-

[5] Там же, стр. 96.

ких формах кратких прилагательных и причастий женского рода и формах множественного числа, т. е. в тех группах словоформ, о которых идет речь в статье Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой: *близки*, *строги*; *склонна*, *издана* [6].

Результаты обработки ответов 4000 информантов, полученных Институтом русского языка АН СССР, представлены в приложенной к статье таблице.

В отличие от упомянутых опросов Н. К. Пироговой, В. В. Колесова, Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой «Вопросник по современной русской морфологии» был адресован лицам разного возраста (при обработке ответов они были распределены по пяти возрастным группам: I гр. 1900—1909 годы рождения; II гр. 1910—1919 гг.; III гр. 1920—1929 гг.; IV гр. 1930—1939 гг.; V гр. 1940—1949 гг.) с разным образовательным цензом (высшее образование и среднее) и разной профессии (условно это: филологи, нефилологи, журналисты и писатели, служащие, рабочие, студенты) [7]. Имеющийся материал позволяет сделать некоторые сопоставления полученных результатов опроса, а также представить основания для более общих выводов относительно нормативных рекомендаций. (В предпринятом сопоставлении мы ограничиваемся преимущественно рамками рассматриваемой группы словоформ).

Анализ количественной распределенности акцентных вариантов *бли́зки*/*близки́*, *стро́ги*/*строги́*; *склонна́*/*скло́нна*; *издана́*/*и́здана* указывает на преобладание в целом вариантов *близки́*, но *стро́ги*; вариантов *скло́нна*, *и́здана*. Легко проследить зависимость употребительности этих вариантов от названных социальных характеристик говорящих, прежде всего от возраста и профессии. При этом возрастная зависимость оказывается наиболее значительной.

---

[6] В Вопроснике эти словоформы включены в состав следующих предложений: *Его идеи мне близки*; *Экзаменаторы были очень строги*; *Она склонна к преувеличению*; *Книга издана большим тиражом*.

[7] О принципах членения совокупности информантов в пределах взятых для обследования социальных группировок см. в книге: «Русский язык по данным массового обследования». Опыт социально-лингвистического изучения. Под ред. Л. П. Крысина. М., 1974 (Гл. III. Морфология, § 7). Другие социальные характеристики отвечавших в данном случае не учитываются.

Сравнив количественную распределенность предпочитаемых вариантов (в таблице она представлена в процентах), легко видеть рост употребительности вариантов *близки́*, *строги́*, *скло́нна*, *и́здана* в каждой более «молодой» возрастной группе сравнительно с предыдущей. Последняя группа, «самая молодежная», во всех случаях дает наибольший процент употребительности этих вариантов, представляя довольно значительный контраст со старшей или даже второй возрастной группой. В распределении варианта *близки́*, например, расхождения между старшей и младшей группой составляют 27,8%, *скло́нна* — 12%, *и́здана* — 10%. Если принять во внимание профессиональную расслоенность говорящих, отдельно выделив группы студентов, то можно отметить, что и в этом случае наиболее молодежные группы студентов «опережают», как правило, другие группы в употребительности названных вариантов. Остальные группы по своим показаниям различаются в гораздо меньшей степени, исключая только журналистов и писателей, которые меньше всего склонны употреблять эти варианты. Например, в употребительности варианта *близки́* студенты-нефилологи, с одной стороны, и журналисты и писатели — с другой, расходятся на 29,7%, варианта *скло́нна* — на 20,5%, варианта *строги́* — на 8,4%.

Возможно, если бы обследовалось произношение других кратких форм прилагательных и причастий, в каких-то случаях контрасты могли бы быть более значительными.

В связи со сказанным встает вопрос: правомерно ли делать выводы о необходимости пересмотра норм в словарях, основываясь на показаниях студентов. Эта группа лиц действительно дает во всех случаях наибольший процент употребительности новых, назовем условно, акцентных вариантов, но можно ли строить рекомендации в расчете на эту молодежную группу или преимущественно на нее? [8]

---

[8] Н. К. Пирогова ссылается на соответствие получающих распространение акцентных вариантов тенденциям развития как на решающий фактор в оценке норм. По этого, нам кажется, тоже недостаточно, поскольку все подобные варианты, как правило, соответствуют тенденциям развития. Это и обусловливает их распространение.

Н. А. Еськова в своей статье «О принципах составления русского нормативного словаря орфоэпического типа», предваряющей работу по переизданию словаря «Русское литературное произношение и ударение», справедливо, на наш взгляд, пишет: «Составителя нормативного словаря интересует некоторая усредненная норма — совокупность норм, принимаемых коллективом говорящих, которые квалифицируются как «носители литературного языка». Литературная норма не может быть извлечена из речевой практики некоего «идеального» носителя языка или небольшой группы таких носителей. Ее исследование требует привлечения огромного количества фактов, извлеченных из разнообразных источников, относящихся как к письменной, так и к устной речи» [9].

Статистический материал, характеризующий распределение среди носителей литературного языка произносительных, морфологических и словообразовательных вариантов, представленный в монографии «Русский язык по данным массового обследования», подтверждает гипотезу о том, что это распределение зависит от социальных характеристик говорящих: территориальной, возрастной, профессиональной, образовательной [10]. Материалы и выводы, содержащиеся в названной работе, представляют, несомненно, очень ценный материал и для нормативных рекомендаций.

Показывая реальное распределение существующих в литературном языке вариантов, степень преобладания каких-то из них, отношение к ним говорящих с разной социальной характеристикой, эти материалы могут поставить нормализаторскую работу на более твердую языковую основу.

Возвращаясь вновь к акцентным вариантам, можно отметить, что с точки зрения этих новых данных многие рекомендации словаря «Русское литературное произношение и ударение» действительно кажутся нелогичными. Например, вариант *раздро́бленный* имеет, по содержащимся в работе данным, среднюю употребительность 90% и в Словаре справедливо, видимо, отмечен как первый, т. е. предпочитаемый вариант; *заснёженный* с бо́льшим

---

[9] ВЯ, 1972, № 3, стр. 129.

[10] См. также: *Л. П. Крысин.* К социальным различиям в использовании языковых вариантов.— ВЯ, 1973, № 3.

средним процентом употребительности (более 90%) дан, однако, как второй, только допустимый вариант; вариант *дру́жишь* с тем же средним процентом употребительности, т. е. более 90%, имеет также только помету «допустимое». Или: вариант *распреде́лит*, имеющий употребительность около 6%, снабжен запретительной пометой (*не:-де́лишь*); *прибы́л* со средней употребительностью 7% имеет помету «разговорное»; *зада́ли* со средней употребительностью 11% имеет тоже помету «разговорное», а *подня́лись* со средней употребительностью 18% запрещается. Есть и более значительные несоответствия. Это, например, запретительная помета, сопровождающая вариант *ве́домостей*, имеющий среднюю употребительность более 70%, характеристика как предпочитаемого варианта *нагру́женный*, хотя его средняя употребительность составляет около 30%, помета «допустимое» при варианте *собра́лись* при той же средней употребительности и др. [11]

Приведя эти данные, мы не хотим сказать, что в нормативных рекомендациях следует ориентироваться именно на этот средний процент. С. И. Ожегов справедливо отмечал в свое время, что «языковая норма — не статистическое явление» и что «распространенной и часто повторяющейся в языке может быть и ошибка» [12]. Статистические данные должны приниматься во внимание лишь наряду с другими, и в этом случае они могут рассматриваться как важный диагностирующий признак.

При решении вопросов о норме крайне важно учитывать, как уже говорилось, и показания различных социальных групп. Материалы анкетного опроса представляют случаи, когда говорящие в их, в частности, возрастной и социально-профессиональной расслоенности достаточно единодушны в оценке того или иного акцентного варианта. Например, вариант *и́здана* [13] имеет в обследованной группе говорящих среднюю употребительность около 90%, при этом представители разных возрастных

---

[11] «Русский язык по данным массового обследования», гл. III, § 87.

[12] *С. И. Ожегов.* Очередные вопросы культуры речи. «Вопросы культуры речи», вып. 1. М., 1955.

[13] Мы намеренно остаемся здесь в кругу тех же самых словоформ, о которых речь шла в начале статьи, хотя в этом аспекте можно было бы проанализировать и более обширный материал, содержащийся в главе об акцентологии упомянутой монографии.

и социально-профессиональных групп расходятся в своих наиболее контрастных показаниях очень незначительно. Разница между самыми младшими и старшими информантами составляет здесь 10%, между студентами-нефилологами и нефилологической интеллигенцией — 11,5%. То же самое можно сказать о варианте *широкó* (прилагательное), варианте *строгú* (см. таблицы). В последнем примере такие же незначительные расхождения (в возрастных группах V и I — 12,8%, в социально-профессиональных — студенты-нефилологи — писатели, журналисты — 8,4%) наблюдаются при общем низком проценте употребительности (около 25%).

Нормативные рекомендации в этих случаях могли бы опираться на речевые навыки всех социальных групп в равной мере, не ущемляя интересов говорящих с разной социальной характеристикой.

Пример иного рода представляет, как уже было сказано, распределение варианта *близкú*. При общем довольно высоком проценте употребительности этого варианта (более 70%) лица с разной социальной характеристикой расходятся здесь довольно значительно: представители младшей и старшей группы — на 27,8%, студенты-нефилологи и журналисты, писатели — на 29,7%. Те же примерно результаты дает распределение варианта *узкó*, с той, однако, разницей, что говорящие в этом случае не отдают явного предпочтения в общей употребительности ни одному из вариантов. Очевидно, что в случаях такого несовпадения нормативные указания должны ориентироваться на такие социальные группы, которые в большей степени сохраняют традиционную литературную норму, т. е. на старшие группы говорящих, если иметь в виду возрастное деление, на интеллигенцию (преимущественно — филологическую), если иметь в виду деление социально-профессиональное.

Это справедливо, если принять во внимание, что данные разговорной речи при всей их важности имеют при установлении нормы скорее все же «совещательный голос», чем решающий. Главное — за показаниями литературного языка, при условии, как это неоднократно подчеркивалось в работах, авторитетности источников. Ясно, что языковые навыки наиболее молодежных групп носителей литературного языка и тех социально-профессиональных групп, в которых менее всего устойчиво

Таблица 1

Группа по году рождения	Всего ответов	% употребительности варианта *близки́*	Всего ответов	% употребительности варианта *строги́*	Всего ответов	% употребительности варианта *скло́нна*	Всего ответов	% употребительности варианта *и́здана*	Всего ответов	% употребительности варианта *узко́*	Всего ответов	% употребительности варианта *широко́*
До 1909 г.	360	53,7	354	16,4	352	81,0	326	80,5	358	28,5	347	47,5
1910—1919	187	67,3	179	27,4	176	85,0	172	85,5	185	44,7	173	57,2
1920—1929	442	76,6	423	23,6	426	87,0	389	86,0	437	49,0	416	57,4
1930—1939	1301	76,0	1279	26,2	1281	91 0	1237	87,0	1296	48,8	1257	62,3
1940—1949	1667	81,5	1655	29,2	1659	93,0	1628	90,5	1676	52,8	1635	65,7
Общая сумма* и вариации	3957	27,8	3890	12,8	3894	12,0	3752	10,0	3952	24,3	3828	18,2

* Число ответов на разные вопросы различно и не составляет суммы 4000 ввиду того, что часть информантов в выборе варианта колеблется. Случаи колебания в данное рассмотрение не включались.

Таблица 2

Группа по социальному положению	Всего ответов	% употребительности варианта *близки́*	Всего ответов	% употребительности варианта *строги́*	Всего ответов	% употребительности варианта *склонна*	Всего ответов	% употребительности варианта *издана*	Всего ответов	% употребительности варианта *узко́*	Всего ответов	% употребительности варианта *широко́*
Филологи	343	74,5	339	26,6	337	84,0	334	88,0	343	48,3	339	61,6
Нефилологи	794	70,5	774	25,3	774	89,5	744	85,0	789	43,5	763	58,6
Журналисты, писатели	63	57,2	63	20,6	64	76,5	59	93,5	63	38,0	62	53,2
Служащие	908	75,2	883	24,9	890	90,0	839	88,0	904	53,0	868	62,8
Рабочие	435	75,0	415	26,3	419	92,0	400	85,5	431	55,5	400	58,5
Студенты-филологи	680	80,0	672	28,4	442	94,5	669	92,0	679	44,2	671	64,5
Студенты-нефилологи	172	86,9	169	29,0	169	97,0	165	96,5	171	54,0	167	65,2
Общая сумма и вариации	3395	29,7	3315	8,4	3095	20,5	3210	11,5	3380	17,5	3270	12,0

понятие нормы, будут дальше всего от сегодняшнего языкового идеала.

Это справедливо, если и саму норму рассматривать как языковое явление, нуждающееся в известной стабильности [14].

О НОРМЕ ПРОИЗНОШЕНИЯ АКТЕРОВ НА СЦЕНЕ И В ЖИЗНИ

(орфоэпические варианты возвратных частиц)

Л. И. Кузнецова

Литературное русское произношение за последние 50—60 лет претерпело ряд изменений. Это выразилось в складывании новых норм, в усилении влияния орфографии на орфоэпию, в более свободном варьировании орфоэпических элементов. Зарождаясь первоначально в разговорной речи, вариативность проникала и в более консервативную сценическую речь.

Среди широкого круга явлений, претерпевших существенные изменения за это время, большое место занимает эволюция в произношении грамматических форм. В частности, наиболее явные сдвиги произошли в произношении возвратных частиц *-ся*, *-сь*. Задача настоящей работы — проследить на примере этих частиц, как влияют на сценическую речь изменения, происшедшие в послереволюционное время в современном русском литературном произношении.

В статье рассматриваются глаголы с возвратными частицами *-ся*, *-сь* после всех гласных и согласных за исключением *т*, так как сочетание *тс* дает звучание *ц*.

При записи фиксировались только те случаи, которые не вызывали сомнений в качестве согласного [с].

В стихотворных текстах частицы *-ся* и *-сь* отмечались в тех случаях, когда на их произношение рифма не оказывала влияния.

---

[14] Об этом справедливо писал А. М. Пешковский («Объективная и нормативная точка зрения на язык».— Избранные труды. М., 1959) и многие другие языковеды. Необходимость сохранения

Произношение артистов записывалось не только в театральных, но также и в телеспектаклях, в кино- и телефильмах. Рассматривались спектакли, шедшие на сцене в 60—70-е годы. Для анализа привлечены магнитофонные записи спектаклей более раннего времени. Хронологический интервал записи спектаклей и телевизионных и радиопостановок — около 25 лет. Вопрос, какими актерами представлен театр, в каждом случае решался индивидуально, учитывался переход артистов из театра в театр, переезд из города в город. Для сопоставления фиксировалась разговорная речь артистов при бытовом общении, произношение во время выступлений с какими-либо воспоминаниями или с рассказом о работе над ролью, в качестве ведущего в концерте и при передаче монтажа спектакля, а также во время выступления на обсуждениях спектаклей.

В каждом театре сценическая речь записывалась не менее чем в двух спектаклях.

Русской орфоэпии начала XX в. было свойственно твердое произношение возвратных частиц, т. е. произносили: *верну́л*[съ], *встре́тили*[с], *постара́ю*[с], *весели́м*[съ], *занима́я*[с]. Мягкость допускалась лишь в деепричастиях с ударением на последнем слоге: *веселя́*[с'], *уча́*[с'] и т. д. Об этом пишут в своих рабо́тах и отмечают в транскрипциях И. Люнделль [1], В. И. Чернышев [2], Р. Кошутич [3].

Интересно, что мнение Д. Н. Ушакова, который в работе 1928 г. придерживался старых московских норм [4], несколько изменилось уже к 1935 г., всего через семь лет. Так, во вступительной статье к «Толковому словарю русского языка» мы читаем: «Наряду с все более распространяющимся под влиянием письма мягким произношением глагольных окончаний *-сь*, *-ся* вполне допустимо, а в московском произношении предпочтительно ста-

---

«живой традиционной нормы», хотя бы она и не была в данный момент наиболее распространенной, убедительно доказывается М. В. Пановым («О русской орфоэпии».— РЯНШ, 1971, № 3).

[1] *J. A. Lundell.* Lärobok i ryska språket. Stockholm, 1911.

[2] *В. И. Чернышев.* Законы и правила русского произношения. Изд. 3. Пг., 1915, стр. 54.

[3] *Р. Кошутић.* Граматика руског језика. I. Гласови. Изд. 2. Пг., 1919, стр. 91.

[4] *Д. Н. Ушаков.* Русская орфоэпия и ее задачи. «Русская речь». Новая серия, вып. III. Л., 1928, стр. 26.

рое твердое произношение: ...*боюс*, *боишься*, кроме *-сь* в деепричастиях с ударением на конце: *боясь*...» [5].

Г. О. Винокур пишет: «В частице *-сь* мягкий согласный *с'* всегда заменяется твердым, а в частице *-ся* — в положении ее после твердого согласного (например, *бою*[с], *бояли*[с], *боял*[съ], *боим*[съ] и т. д.)» [6].

Как видим, мягкое произношение возвратных частиц обращает на себя внимание наиболее авторитетных лингвистов и завоевывает права литературных форм уже в первой половине нашего века.

Наиболее подробно рассматривает случаи как смягчения возвратных частиц, так и сохранения в них твердости звука *с* Р. И. Аванесов в книге «Русское литературное произношение», выдержавшей несколько изданий (изд. 1—1950 г.). Он отмечает дальнейшее укрепление мягкого варианта возвратных частиц в современной орфоэпии. Об этом же говорится и в ряде других работ [7].

К. С. Горбачевич (его книга — одна из последних работ, посвященных современному русскому литературному произношению) пишет: «В современном литературном языке возвратные частицы *-сь*, *-ся* в личных формах глагола и в форме прошедшего времени произносятся обычно мягко, т. е. говорят: *боюсь*, *мо́юсь*, *остаюсь*, *мо́йся*, *собрали́сь* и т. п., а не твердо, как это было свойственно старой московской норме: *бою́*[с], *мо́ю*[с], *остаю́*[с], *мо́й*[са], *собрали́*[с] и т. п.» [8].

Такова оценка современной нормы в общелитературном языке.

Посмотрим теперь, что говорят о произношении возвратных частиц исследователи сценической речи. В статье И. С. Ильинской и В. Н. Сидорова читаем: «...Старая нор-

[5] «Толковый словарь русского языка», т. I. М., 1935, стр. XXXIV.

[6] *Г. О. Винокур.* Русское сценическое произношение. М., 1948, стр. 65.

[7] *М. И. Матусевич.* Русское литературное произношение. Л., 1953, стр. 22; *И. Г. Голанов.* Основные положения русской орфоэпии. «Уч. зап. МГПИ им. Ленина», 1960, № 148. Русский язык, вып. 10, стр. 19; *М. В. Панов.* Русская фонетика. М., 1967, стр. 320—322; «Русский язык и советское общество. Фонетика современного русского литературного языка». М., 1968, стр. 104—107; *Л. А. Введенская, Т. В. Дыбина, И. И. Щеболева.* Современный русский литературный язык. Изд. 2. Ростов-на-Дону, 1968, стр. 225—226.

[8] *К.С. Горбачевич.* Изменение норм русского литературного языка. Л., 1970, стр. 99—100.

ма в современном литературном языке подвергается большим колебаниям. На сцене колебания также имеются, но, безусловно, преобладает произношение с твердым *с*» [9]. М. В. Панов отмечает, что «в сценической речи господствует произношение» возвратных частиц с твердым [с]» [10]. Однако Е. П. Танская, обследовавшая Красноярский театр им. Пушкина, и В. Е. Гольдин, записавший речь артистов Саратовского ТЮЗа, сообщают, что в сценическом произношении артистов этих театров преобладает мягкий вариант возвратных частиц [11].

Интересны наблюдения Е. П. Танской. Она пишет: «Тенденция к вытеснению старой формы возвратного глагола с твердым [с] в сценической речи Красноярского театра им. А. С. Пушкина очень сильна и действует буквально на наших глазах. Анализ спектаклей этого театра, записанных на магнитофонную ленту в 1955 и 1961 гг., свидетельствует о более последовательном произношении актерами возвратных глаголов с твердым [с] как в пьесах XIX века, так и в пьесах из современной жизни» [12]. В конце 60-х годов в речи тех же актеров преобладающими стали формы с мягким [с'] даже в пьесах А. Н. Островского.

Среди преподавателей сценической речи театральных вузов нет единого мнения о произношении частиц *-ся*, *-сь*. Е. Ф. Саричева еще в 50-х годах высказала мнение о том, что возвратные частицы на сцене можно произносить с мягким [с'], так как «старое московское произношение с твердым [с] в литературном языке постепенно исчезает» [13].

И. П. Козлянинова, напротив, высказывается за отдутствие смягчения, «как это было принято в течение долгого времени в сценическом произношении», мотиви-

---

[9] *И. С. Ильинская и В. Н. Сидоров.* О сценическом произношении в московских театрах. «Вопросы культуры речи», вып. 1. М., 1955, стр. 147.

[10] *М. В. Панов.* Указ. соч., стр. 322.

[11] *Е. П. Танская.* О сценическом произношении в Красноярском драматическом театре им. А. С. Пушкина. «Материалы и исследования по современному русскому языку и его истории». Красноярск, 1967, стр. 6; *В. Е. Гольдин.* Из наблюдений над вариантностью сценического произношения. «Язык и общество», вып. 2. Саратов, 1970, стр. 194.

[12] *Е. П. Танская.* Указ. соч., стр. 6—7.

[13] *Е. Ф. Саричева.* Сценическая речь. М., 1955, стр. 90.

руя это тем, что «звук *с*, свистящий по характеру, при смягчении звучит более напряженно, остро, провоцирует усиленный свист, напряженный, назойливый». Однако она отмечает и наличие вариантов произношения возвратных частиц. «Особенно часто встречаются отступления с возвратной частицей *-сь*. Это смягчение стало со временем не частным, а общим явлением» [14]. В ответе на анкету по современному сценическому произношению И. П. Козлянинова пишет: «Что касается произношения частицы *-сь*, то мы не настаиваем на сохранении твердого «с», так как существует очень много отклонений, узаконенных еще в работах Д. Н. Ушакова» [15].

Взгляды на произношение возвратных частиц у преподавателей Щепкинского театрального училища также не совпадают. И если заведующая кафедрой сценической речи О. М. Головина считает, что для сцены необходимо сохранить старомосковскую норму, то ряд других преподавателей высказывается за современное произношение.

Таковы основные соображения специалистов по сценическому произношению.

Посмотрим, что показывает фактический материал.

Наблюдения говорят о том, что на сцене все более прочное положение начинает занимать произношение возвратных частиц с мягким [с']. Нами записано 6685 примеров, из них 2612 (39%) с твердым произношением возвратных частиц и 4073 (61%) — с мягким.

Интересную картину дает таблица произношения возвратных частиц по театрам (см. табл. 1). Эта таблица помогает произвести некоторую переоценку существующей нормы и сложившегося представления о характере произношения и верности традициям в некоторых ведущих театрах. Так, долгое время московский Малый театр считался основным хранителем старого московского произношения. В этом театре следовало бы ожидать преобладания твердости над мягкостью в частицах *-ся*, *-сь*. Однако, как видим, он занимает далеко не первое место в таблице.

Интересно проверить, сохраняется ли традиционное московское произношение возвратных частиц в театрах

---

[14] *И. П. Козлянинова.* Орфоэпия в театральной школе. М., 1967, стр. 41.

[15] «Русская речь», 1967, № 1, [illegible]

Таблица 1

Произношение возвратных частиц по театрам

Место	Театр	Произношение [с] в %	Произношение [с'] в %
1	Центральный детский театр	59	41
2	Театр им. Ермоловой	58	42
3	Московский театр им. Ленинского комсомола	57	43
4	Горьковский театр драмы	50	50
5	Театр им. Вахтангова	49	51
6	Малый театр	47	53
7	Театр им. Маяковского	45	55
8	МХАТ	44	56
9	Киевский русский драматический театр	44	56
10	Московский драматический театр им. Станиславского	41	59
11	Театр им. Моссовета	39	61
12	Центральный театр Советской Армии	37	63
13	Ленинградский театр им. Ленинского комсомола	37	63
14	Куйбышевский драматический театр	36	64
15	Театр «Современник»	35	65
16	Ленинградский Большой драматический театр им. Горького	33	67
17	Ленинградский театр комедии	28	72
18	Ленинградский театр драмы им. Пушкина	23	77
19	Театр сатиры	21	79
20	Ленинградский театр им. Ленсовета	21	79

со старыми традициями лучше, чем в театрах сравнительно новых, или же этот фактор не имеет значения. Для этого были выбраны шесть театров: три московских (Малый, МХАТ и Театр им. Ленинского комсомола) и три ленинградских (Большой драматический театр им. Горького, Театр драмы им. Пушкина и Театр им. Ленинского комсомола) [16].

[16] Ленинградский театр драмы им. Пушкина (бывший Александринский театр) — первый профессиональный постоянный публичный государственный театр — был создан в 1756 г. Официальная история Малого театра начинается с 1824 г. Открытие МХАТа

Таблица 2

	Московские театры			Ленинградские театры			Сумма
	Малый театр	МХАТ	Театр им. Ленинского комсомола	Театр драмы им. Пушкина	Большой драм. театр	Театр им. Ленинского комсомола	
Твердое произношение возвр. частиц	369	481	116	49	117	56	1188
Мягкое произношение возвр. частиц	418	603	87	164	233	95	1600
Сумма	787	1084	203	213	350	151	2788

Данные, полученные в результате наблюдения за произношением возвратных частиц в этих театрах, см. в табл. 2.

Основная величина в настоящем испытании — частота (p^*) старомосковского варианта произношения возвратных частиц в разных театрах, т. е. отношение числа употреблений твердого произношения частиц *-ся*, *-сь* к общему числу употреблений возвратных частиц.

Частота случаев употребления старомосковского произношения в Малом театре (обозначим ее p_1^*) составила $\frac{369}{787} \approx 0{,}469$[17], в МХАТе $p_2^* = \frac{481}{1084} \approx 0{,}444$, в Московском театре им. Ленинского комсомола $p_3^* = \frac{116}{203} \approx 0{,}571$. Для ленинградских театров: частота употребления твердого произношения возвратных частиц в Театре драмы им. Пушкина составила $p_4^* = \frac{49}{213} \approx 0{,}230$, в Большом дра-

состоялось в 1898 г. Ленинградский Большой драматический театр, один из первых театров, созданных после Октябрьской революции, открылся в 1919 г. Московский театр им. Ленинского комсомола (бывший Центральный московский театр рабочей молодежи) создан в 1927 г., Ленинградский театр им. Ленинского комсомола — в 1936 г.

[17] Расчеты производились с точностью до второго знака.

матическом театре $p_5^* = \frac{117}{350} \approx 0{,}334$, в Театре им. Ленинского комсомола $p_6^* = \frac{56}{151} \approx 0{,}371$.

Сравниваем между собой полученные частоты по группам. Нетрудно заметить, что наибольшая частота старомосковского произношения частиц *-ся*, *-сь* — в Московском театре им. Ленинского комсомола (0,571), в Малом театре и МХАТе она снижается (0,469 и 0,444 соответственно). Еще ниже она в Ленинградском театре им. Ленинского комсомола и в Большом драматическом (0,371 и 0,334 соответственно). Самая низкая частота традиционного произношения возвратных частиц — в Ленинградском театре драмы им. Пушкина (0,230).

По нашим подсчетам частота употребления твердого произношения -[съ], -[с] следующая:

$$n_1 = 787 \qquad p_1^* = \frac{369}{787} \approx 0{,}469,$$

$$n_2 = 1084 \qquad p_2^* = \frac{481}{1084} \approx 0{,}444,$$

$$n_3 = 203 \qquad p_3^* = \frac{116}{203} \approx 0{,}571,$$

$$n_4 = 213 \qquad p_4^* = \frac{49}{213} \approx 0{,}230,$$

$$n_5 = 350 \qquad p_5^* = \frac{117}{350} \approx 0{,}334,$$

$$n_6 = 151 \qquad p_6^* = \frac{56}{151} \approx 0{,}371,$$

$$\bar{n} = 2788 \qquad \bar{p}^* = \frac{1188}{2788} \approx 0{,}426.$$

На основе полученных данных проверим гипотезу о том, что наши события однородны, т. е. что выбор твердого произношения возвратных частиц одинаков во всех выделенных группах: $p_1^* = p_2^* = p_3^* = p_4^* = p_5^* = p_6^*$.

По формуле $\chi^2 = \frac{1}{\bar{p}(1-\bar{p})} \sum_{i=1}^{6} n_i (p_i - \bar{p})^2$ определяем степень однородности групп. Подставив в эту формулу данные нашего опыта, получаем $\chi^2 = 72{,}287$. χ^2 — большое число, следовательно, данные нашего опыта неоднородны.

В промежуточных вычислениях получилось следующее:

$n_1 (p_1^* - \bar{p})^2 = 787(0{,}469 - 0{,}426)^2 = 787(0{,}043)^2 = 787 \times 0{,}001849 = 1{,}455;$

$n_2 (p_2^* - \bar{p})^2 = 1084(0{,}444 - 0{,}426)^2 = 1084(0{,}018)^2 = 1084 \times 0{,}000324 = 0{,}351;$

$n_3 (p_3^* - \bar{p})^2 = 203(0{,}571 - 0{,}426)^2 = 203(0{,}145)^2 = 203 \times 0{,}021025 = 4{,}268;$

$n_4 (p_4^* - \bar{p})^2 = 213(0{,}230 - 0{,}426)^2 = 213(-0{,}196)^2 = 213 \times 0{,}038416 = 8{,}183;$

$n_5 (p_5^* - \bar{p})^2 = 350(0{,}334 - 0{,}426)^2 = 350(-0{,}092)^2 = 350 \times 0{,}008464 = 2{,}962;$

$n_6 (p_6^* - \bar{p})^2 = 151(0{,}371 - 0{,}426)^2 = 151(-0{,}055)^2 = 151 \times 0{,}003025 = 0{,}457.$

Определяем по специальной таблице процентных точек распределения χ^2 [18] уровень значимости α, которому соответствует наше опытное число. Таблица показывает, что α меньше 0,001%, т. е. это значит, что, если проверяемое предположение об однородности верно, то полученное из опыта значение маловероятно. Итак, гипотезу об однородности следует отвергнуть [19].

Сравнивая ряды частот, очевидно, есть основания предложить другую гипотезу: $p_1^* = p_2^* \neq p_3^* \neq p_4^* \neq p_5^* \neq p_6^*$ и $p_5^* = p_6^* \neq p_4^* \neq p_1^* \neq p_2^* \neq p_3^*$. Для театров Москвы: $p_1^* = p_2^* \neq p_3^*$. Для театров Ленинграда: $p_4^* \neq p_5^* = p_6^*$.

Различия между p_1^* и p_2^*, а также между p_5^* и p_6^* проверялись дополнительно. Они оказались незначимы.

Из предыдущего сопоставления мы получили: $p_3^* > p_1^* = p_2^*$ и $p_4^* < p_5^* = p_6^*$. Это означает, что частота употребления старомосковской нормы произношения возвратных частиц не зависит от того, какие традиции в театре, старые или новые, что современное произношение упорно прокладывает себе дорогу как на сценах старых театров, так и театров, созданных в послереволюционный период.

Проверялось предположение, не используются ли

---

[18] *Л. Н. Большев* и *Н. В. Смирнов*. Таблицы математической статистики. М., 1968, стр. 229.

[19] Ср.: *Е. С. Вентцель*. Теория вероятностей. М., 1962, стр. 49.

варианты в качестве средства стилизации. Для этого было проведено сравнение спектаклей из современной жизни (т. е. периода после 1917 г.) и спектаклей из жизни XVIII, XIX вв. и дореволюционного периода нашего века. Можно было ожидать, что в «современных» спектаклях будет преобладать мягкий вариант, а в «классических» — твердый. Действительно, в отдельных театрах в спектаклях из жизни предыдущих столетий и дореволюционных лет XX в. преобладает старое московское произношение возвратных частиц, а в «современных»— мягкое. Например, в Московском театре им. Ленинского комсомола в спектаклях из жизни XIX в. твердое произношение составляет 82% всех отмеченных случаев, из современной — лишь 41%. Тем не менее в большинстве театров старое московское произношение для стилизации речи не используется. Так, в Малом театре в таких спектаклях, как «Гроза», «Волки и овцы», «Ревизор», «Васса Железнова» и под., отмечено 43% глаголов с твердым [с] и 57% с мягким [с'], в «современных» («Твой дядя Миша», «Любовь Яровая», «На берегу Невы») — 42% твердости возвратных частиц и 58% мягкости, т. е. соотношение одно и то же. В МХАТе в пьесах классического репертуара («Поздняя любовь», «Егор Булычов и другие» и нескольких других) — 44% с твердым [с] и 56% с мягким [с'], в «современных» («Кремлевские куранты», «Беспокойная старость», «Золотая карета») — 45% с твердым согласным, 55% с мягким. В Театре им. Вахтангова в спектаклях «На всякого мудреца довольно простоты», «Лев Гурыч Синичкин»— 32% твердости возвратных частиц и 68% мягкости, в спектаклях наших дней («Иркутская история», «Стряпуха») — 59% с твердым [с] и 41% с мягким [с'].

В переводных пьесах соотношение твердости и мягкости в произношении возвратных частиц также довольно пестрое.

Однако отдельные артисты используют старую московскую норму произношения возвратных частиц в русских и переводных спектаклях из жизни прошлых веков классического репертуара — например, Е. Н. Козырева (Театр им. Маяковского) и Р. Д. Нифонтова (Малый театр) в «Грозе» А. Н. Островского, А. П. Лукьянов (Театр им. Маяковского) в спектакле Шекспира «Ромео и Джульетта», Л. И. Касаткина (ЦТСА) в «Укрощении

строптивой» Шекспира. В то же время в ролях современного репертуара эти же артисты менее строго следят за соблюдением традиционной нормы.

Мягкое произношение возвратных частиц также используется для стилизации [20]. Пример — роль деревенской женщины Александры Соколовой в кинофильме «Член правительства» в исполнении В. П. Марецкой. В других ролях и в нестилизованной речи В. П. Марецкой отмечено старомосковское произношение возвратных частиц.

Интересно отметить такой факт: во многих театрах есть артисты, у которых наблюдается только мягкое произношение частиц *-ся*, *-сь* (Малый театр — В. Н. Пашенная, МХАТ — Ф. В. Шевченко, В. О. Топорков, Театр им. Вахтангова — Ю. В. Яковлев, Московский театр сатиры — З. Г. Ицыкович, Ленинградский театр драмы им. Пушкина — Н. К. Черкасов и мн. др.), артистов же, у которых отмечено лишь твердое произношение, очень мало (Малый театр — О. М. Хорькова, МХАТ — Б. Г. Добронравов, Московский драматический театр им. Станиславского — Е. Я. Урбанский, Киевский русский драматический театр им. Леси Украинки — А. Ф. Пекарская и некот. др). У большинства же артистов наблюдаются оба варианта — и твердый и мягкий, причем нередко в одних и тех же словах и в одном и том же спектакле: *оши́б*[съ] — *оши́б*[с·ъ] — Т. В. Доронина, *не пролила́*[с] — *не пролила́*[с'] — М. А. Ульянов, *встре́тим*[съ] — *встре́тим*[с'ъ] — Л. И. Голубкина, *бою́*[с] — *бою́*[с'] — Е. Д. Турчанинова, *взвила́*[с] — *взвила́*[с'] — В. И. Качалов, встреча́л[съ] — встреча́л[с'ъ] — Б. П. Чирков и т. д.

Чтобы проверить предположение, не зависят ли сдвиги в произносительных нормах от смены поколения актеров, т. е. от возрастного фактора, было проанализировано произношение артистов трех поколений: старшего, среднего и младшего. Старшее поколение — это артисты, которым не больше 85 и не меньше 70 лет; среднее поколение представлено артистами, родившимися от 1924 до

---

[20] Оба литературных варианта произношения возвратных частиц, как твердый, так и мягкий, используются в качестве дополнительной речевой краски. В качестве основной на сцене употребляются диалектные варианты возвратных частиц: -[съ], -[с'ъ] на месте *-сь*, -[сʌ], -[с'ʌ] с открытым заударным *а* и-[с'и] — наиболее яркая краска.

1934 г.; младшее поколение — это выпускники театральных вузов и артисты, окончившие театральный вуз не больше двух лет тому назад.

Артисты выбирались произвольно, по одному, два, иногда по три человека от каждого театра. Молодежь представлена выпускниками Школы-студии им. В. И. Немировича-Данченко при МХАТе, Школы-студии им. Б. Щукина при Театре им. Вахтангова, молодой артисткой Центрального детского театра, окончившей студию при этом же театре, студентами Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии и театральных училищ городов Горького и Куйбышева. В каждой возрастной группе рассматривалось произношение 16 артистов.

У артистов старшего поколения возвратные частицы чаще звучат с мягким [с'] — 59% всех отмеченных глаголов с частицами *-ся*, *-сь*. На твердость приходится только 41%. В этой группе исследовалось произношение артистов: И. В. Ильинского, М. И. Жарова, Н. А. Белевцевой (Малый театр), А. Н. Грибова, О. Н. Андровской, М. М. Яншина (МХАТ), Р. Н. Симонова, А. А. Орочко, М. Ф. Астангова (Театр им. Вахтангова), О. Н. Абдулова, Ф. Г. Раневской (Театр им. Моссовета), М. И. Бабановой (Театр им. Маяковского), С. В. Гиацинтовой (Московский театр им. Ленинского комсомола), Б. П. Чиркова (Театр им. Гоголя), М. С. Неймана (Центральный детский театр) и Н. К. Симонова (Ленинградский театр драмы им. Пушкина).

У артистов среднего поколения количество случаев мягкого произношения частиц *-ся*, *-сь* еще больше. На мягкость в возвратных частицах приходится уже 61% и лишь 39% — на твердость. В этой группе артисты Л. В. Юдина, Р. Д. Нифонтова (Малый театр), Т. В. Доронина, Л. Ф. Золотухин (МХАТ), М. А. Ульянов (Театр им. Вахтангова), И. С. Саввина (Театр им. Моссовета), Е. Н. Козырева (Театр им. Маяковского), Л. И. Касаткина (ЦТСА), И. В. Кваша и М. М. Козаков (Театр «Современник»), В. А. Андреев (Театр им. Ермоловой), А. А. Миронов (Театр сатиры), О. В. Басилашвили и З. М. Шарко (Ленинградский Большой драматический театр), И. О. Горбачев (Ленинградский театр драмы им. Пушкина) и А. Б. Фрейндлих (Ленинградский театр им. Ленсовета).

В произношении самых молодых артистов мягкость зафиксирована уже в 70% отмеченных глаголов, а твердость — в 30%. Процент мягкости в возвратных частицах здесь был бы еще выше, если бы не произношение Н. И. Оленевой, молодой артистки Центрального детского театра, которая строго придерживается традиционного твердого произношения.

Интересно сопоставить произношение выпускников театральных школ и студий с произношением артистов соответствующих театров. В Центральном детском театре процент твердости возвратных частиц (59%) выше, чем в Театре им. Вахтангова (49%) и в МХАТе (44%). И выпускница студии при Центральном детском театре произносит частицы *-ся*, *-сь* в основном с твердостью согласного [с]. Выпускники же студии при МХАТе и Театре им. Вахтангова реже употребляют старое московское произношение возвратных частиц.

Любопытные результаты дало сопоставление произношения частиц *-ся* и *-сь* в кинофильмах 30-х, 50-х и 70-х годов.

Можно было ожидать, что в фильмах 30-х годов («Чапаев», «Поручик Киже», «Депутат Балтики», «Друзья из табора», «Волга-Волга» и некот. др.) процент мягкости согласного в возвратных частицах не будет большим. Тем не менее он оказался значительным — 71%.

В 50-е годы в художественных фильмах («Сын», «Человек родился», «Илья Муромец», «Убийство на улице Данте» и др.) мягкость незначительно преобладает над твердостью: 58% мягкости, 42% твердости, а в фильмах 70-х годов («Почтовый роман», «Угол падения», «Начало», «Внимание, черепаха!», «Две улыбки» [21] и др.) мягкое произношение почти полностью вытеснило твердость в возвратных частицах: 93% мягкости и лишь 7% твердости.

Очевидно, мягкое произношение возвратных частиц *-ся*, *-сь* стало проникать на сцену еще в начале XX или в конце XIX в. Если мы обратим внимание на произношение одной из старейших артисток Малого театра В. Н. Пашенной, то увидим, что она последовательно смягчает согласный в возвратных частицах даже в ролях класси-

[21] В фильмах «Внимание, черепаха!» и «Две улыбки» записывалось произношение лишь взрослых артистов.

ческого репертуара. Произношение В. Н. Пашенной не знает исключений. И это в Малом театре, в театре с вековыми традициями.

Преимущественно мягким произношением пользовались другие старейшие артисты Малого театра А. А. Остужев и Н. К. Яковлев. У А. А. Остужева мягкость возвратной частицы *-ся* встречается в стихотворном тексте даже в том случае, когда рифма требует соблюдения старомосковской нормы:

Как два различных *пóлю*[съ],
Во всем враждебны мы:
За свет и мир мы *бóрем*[с'ъ],
Они — за царство тьмы.

(В. Лебедев-Кумач, Священная война)

У А. А. Яблочкиной тоже нередко наблюдались отклонения от традиционной нормы. Например, в роли Чебоксаровой в «Бешеных деньгах» А. Н. Островского наряду с твердым произношением *не интересýю*[с], *женúл* [съ] мы слышим: *ошúбли* [с'], *родилú*[с'], *садúте*[с'], *понрáвили*[с']. На мягкое произношение возвратных частиц глаголов у А. А. Яблочкиной в роли Хлестовой в «Горе от ума» обратили внимание и авторы статьи «О сценическом произношении в московских театрах» [22].

У А. И. Южина в роли Чацкого также отмечаем мягкость возвратных частиц:

И в женах, дочерях к мундиру та жа страсть!
Я сам к нему давно ль от нежности *отрёк*[с'ъ]?!
Теперь уж в это мне ребячество не впасть,
Но кто б тогда за всеми не *повлёк*[с'ъ]?

В МХАТе последовательно смягчал частицы *-ся*, *-сь* один из старейших артистов этого театра В. О. Топорков.

Сценическое произношение актеров сравнивалось с их произношением, лишенным какой бы то ни было стилизации. Такое сопоставление показало, что в последнем частицы *-ся*, *-сь* чаще звучат со смягченным согласным даже у тех артистов, которые на сцене стараются придерживаться старых московских норм. Примером может служить артистка Театра им. Маяковского Е. Н. Козыре-

[22] См.: *И. С. Ильинская* и *В. Н. Сидоров*. Указ. соч., стр. 148.

ва. В роли Катерины в «Грозе» А. Н. Островского она использовала традиционное твердое произношение согласного возвратных частиц. В выступлении же по радио с рассказом о работе над этой ролью она последовательно смягчала звук [с].

Другой пример. В частной беседе артист Центрального детского театра М. С. Нейман на вопрос, должно ли, по его мнению, сценическое произношение отличаться от бытового, ответил отрицательно. На другой вопрос, какой произносительный вариант возвратных частиц следует предпочесть для сцены, он категорически заявил, что на сцене следует придерживаться твердости. Однако в бытовой речи он последовательно смягчает согласный возвратных частиц, а в сценической у него наблюдаются колебания (*соберёте*[с], *ната́лкивали*[с] и *не соглаша́ю*[с'], *сохрани́ло*[с'], *собрали́*[с'], *пу́таем*[с'ъ]). Этот пример показывает, во-первых, что сценическая речь отличается от бытовой [23], а во-вторых, что многие актеры себя не слышат.

В речи одной из старейших актрис Малого театра Е. М. Шатровой во время беседы с ней было зафиксировано как старомосковское, так и современное произношение частиц *-ся* и *-сь* (*учи́ли*[с] и *учи́ли*[с'], *утопи́ла*[с] и *оговори́ла*[с'], *хоте́ло*[с] и *не получа́ло*[с'], *занима́л*[съ] и *по́льзовал*[с'ъ]). На вопрос, как она относится к мягкому звучанию возвратных частиц на сцене, она ответила так же, как и М. С. Нейман, т. е. отрицательно. После этого актриса стала следить за своим произношением, и в дальнейшей беседе у нее не было больше отмечено ни одного случая смягчения возвратных частиц.

У другой актрисы, много лет выступавшей на сцене Малого театра, преподающей ныне сценическую речь в Театральном училище им. Щепкина, О. М. Головиной, при бытовом общении наряду со старомосковским наблюдается и современное произношение со смягчением согласного *с* возвратных частиц. Ср.: *встреча́ем*[съ], *стара́ем*[съ], *занима́ла*[с], *переу́чивал*[съ] и *договори́м*[с'ъ], *занима́ла*[с'], *удивля́ю*[с'], *сади́ли*[с'], *соглаша́ете*[с'].

[23] Это подтверждается и наблюдением Е. П. Танской: в Красноярском театре у одного из актеров ею отмечено последовательное старомосковское произношение возвратных частиц на сцене, а в несценической речи — лишь современное (*Е. П. Танская.* Указ. соч., стр. 6).

Мягкость возвратных частиц в нестилизованном произношении отмечена даже у К. С. Станиславского (*приспособля́ли*[с'], *ориенти́ровали*[с'], *постара́ете*[с'] [24].

Обычно люди, профессия которых связана с языком, очень чутки к любым изменениям в нем. Этим, очевидно, в значительной мере объясняется появление мягкости возвратных частиц у многих старых артистов, в основном строго придерживающихся традиционных орфоэпических норм. Возможно и другое истолкование, а именно: возвращение лиц пожилого возраста к первоначальному, детскому произношению.

Интересен вопрос о связи сценического и диалектного произношения. Известно, что только в говорах Владимирско-Поволжской группы (куда входит и московский говор) согласный [с] возвратных частиц всегда тверд; в небольшом количестве говоров возвратные частицы имеют твердый согласный в одних формах и фонетических положениях и мягкость — в других. Однако в большинстве говоров возвратные частицы произносятся с мягким согласным.

Посмотрим, влияет ли диалектное произношение на сценическую речь актеров.

В областях, лежащих к югу от Москвы, согласный возвратных частиц произносится мягко. Артистка МХАТа А. П. Зуева родилась в Тульской губернии. В ее сценической речи отмечено только мягкое произношение *-ся* и *-сь*. Артист Малого театра Н. К. Яковлев — уроженец Рязани, а А. А. Остужев — уроженец Воронежа. В их произношении отмечалась преимущественно мягкость возвратных частиц. То же самое мы наблюдаем у артиста Театра им. Моссовета В. В. Ванина, родившегося в Тамбове.

У актеров-москвичей чаще сохраняется твердость возвратных частиц. Например, у артиста МХАТа Б. Г. Добронравова отмечено только твердое произношение, у артиста того же театра А. Н. Грибова — преобладание твердости. Очевидно, некоторые черты родного диалекта актера прочно удерживаются в его речи и оказывают влияние на сценическое произношение.

М. В. Панов считает, что для сцены нормированным остается твердое произношение возвратных частиц тем

---

[24] Сохранилась единственная запись голоса К. С. Станиславского, сделанная во время одной из репетиций «Тартюфа».

более, что именно такое произношение поддерживается певческой речью [25]. Наши наблюдения показывают, что в последнее время и в певческую речь начинает проникать мягкое произношение *-ся, -сь*. Отступления от традиционных орфоэпических норм были замечены у артистов Е. Кибкало, А. Ведерникова, В. Атлантова, Ю. Гуляева и некоторых других (*расста́ли*[с'], *пове́шу*[с'], *отзови́*[с'], *не бо́й*[с'ъ], *дожду́*[с'] *ли*, *сади́*[с'], *не встре́тим*[с'ъ] и др.— в песнях советских композиторов и в партиях оперного репертуара).

Л. В. Щерба считал, что «будущее русское образцовое произношение пойдет по пути сближения с письмом» [26]. Об этой же тенденции говорил и Д. Н. Ушаков [27]. Мягкое, т. е. орфографическое произношение возвратных частиц в современном литературном языке считается теперь нормой. В сценической речи оно также закрепилось довольно прочно. Противиться этому, очевидно, бессмысленно. Однако отказываться от старого московского произношения тоже нельзя, так как оно необходимо для соблюдения точной рифмы при чтении стихов русских классиков и для постановки классических пьес.

О РАЗВИТИИ НОРМ ПРОИЗНОШЕНИЯ
(ассимилятивная мягкость согласных в сценической речи)

С. Н. Борунова

0.1. Позиционная мягкость согласных перед мягкими согласными является одной из важных орфоэпических проблем.

Сопоставление некоторых наблюдений над ассимилятивной мягкостью согласных в сценической речи с нормативными рекомендациями, отраженными в лингвистических работах, показывает, что кодификация консерва-

---

[25] *М. В. Панов.* Указ. соч., стр. 322.
[26] *Л. В. Щерба.* О нормах образцового русского произношения.— Избранные работы по русскому языку. М., 1957, стр. 111.
[27] «Толковый словарь русского языка», стр. XXXIV.

тивнее объективно существующей литературной нормы [1]. Сохранившиеся фонографические записи голосов выдающихся деятелей русской сцены Г. Н. Федотовой (1846—1925) и М. Н. Ермоловой (1853—1928), теперь переписанные на магнитофонную ленту и грампластинки, позволяют нам услышать звучащую речь носителей литературного языка конца XIX — начала XX в. Из лингвистических исследований, характеризующих состояние ассимилятивной мягкости в этот период, известно, что в московском произношении мягкость встречается наиболее последовательно, в то время как в речи немосквичей наблюдаются отступления от этого правила [2].

Известно также, что в речи молодого в то время поколения москвичей колебания в произношении могут возникнуть на границе морфем — приставки (предлога) с корнем (самостоятельным словом). Однако тот небольшой материал, который дают нам записи звучащей речи актеров-москвичей (Г. Н. Федотова была информантом Р. Кошутича), позволяют предположить, что в живом языке отклонения от нормы появлялись не только в условиях морфологического шва. Твердое произношение согласного перед мягким встретилось в речи Г. Н. Федотовой в таких случаях: мужья *ра*[зл']*юбят* (А. Н. Островский, Василиса Мелентьева. Монолог Василисы), *по*[св']*ист* (А. С. Пушкин, Воевода), *па*[рч]*ою*, *в полу*[сн']*е*, *как* [сн']*егом* — наряду с [с'н']*ега* (Две зимы, Стихотворение неизвестного автора); в речи М. Н. Ермоловой: *я те*[рп']*ела*, *источник* [сл']*оз*, *ужас ме*[ртв']*ит*, *се*[рд']*ито* (Шиллер, Мария Стюарт. Монолог Марии Стюарт), *у* [дв']*ерей*, *в эти* [дв']*ери*, войдет (Я. П. Полонский, Аспазия).

Можно было бы поставить под сомнение достоверность фонетического материала, извлеченного из фонографических записей, по двум причинам: во-первых, есть опасность искажения в звучании мягких согласных, так как мягкость характеризуется высокими частотами, а фонографу доступны относительно низкие частоты; во-вторых, возможно искажение звучания при реставрации записей. Последнее предположение можно отбросить сразу, по-

[1] Теоретическое освещение этого вопроса см. в работах: *В. А. Ицкович*. Норма и ее кодификация. «Актуальные проблемы культуры речи». М., 1970, стр. 11; *К. С. Горбачевич*. Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971, стр. 8—9.

[2] *Р. Кошутић*. Граматика руског језика, I. Пг., 1919, стр. 161.

скольку при восстановлении и обновлении фонограмм убираются шумы, имеющие низкие частоты. Первое, более серьезное опасение также можно отвести — на том основании, что в текстах встречаются как твердые, так и мягкие варианты и твердые распознаются на фоне мягких.

Речевая практика Д. Н. Ушакова (1873—1942), выдающегося языковеда, профессора Московского университета и потомственного москвича, свидетельствует также о существовании разрыва между объективной нормой и ее кодификацией. В лекции по орфоэпии, прочитанной им в январе 1941 г. во Всероссийском театральном обществе, Д. Н. Ушаков утверждает, что «согласные зубные *д*, *т*, *с*, *з*, *н*, а также *р* и *ф* перед мягкими согласными обычно произносятся мягко», а сам в процессе чтения лекции и при исполнении рассказа А. П. Чехова «Дачники», иллюстрирующего его теоретические положения, в ряде случаев отступает от предложенных норм. Например: *могут* [сл']*едовательно*, [фсл'ецтв']*ие*, [сл']*едующие окончания*, [сл']*епого*, *рабским* [сл']*едованием*, *прои*[зн']*ес*, [д͡л']*ительный*, *друг се*[рд']*ечный*, *болезнь се*[рд']*ечная*, *непо*[дв']*ижный воздух*, *выскочили* [дв']*е девочки*, *о*[тв']*ет*, *о*[тв']*ернулся*, [д͡м']*итрий Ушаков* (наряду с [д͡м']*итрий*), *са*[рд']*ины*, *ка*[рт']*ина*, *че*[рн']*ила*, [фп']*ервом отделе*, [фп']*ервом слове*. Встречаются труднопрослушиваемые случаи: *платфо*[р$^{?}$ м']*е*, [ф$^{?}$п']*ередо*, [в$^{?}$ м']*есто*. Сравнивая звучащий текст чеховского рассказа с той его транскрипцией, которую Д. Н. Ушаков вместе с Н. Н. Дурново предложил в «Хрестоматии по великорусской диалектологии» в 1910 г. (М., 1910), можно заметить некоторые расхождения: в транскрипцию только двух слов — *вперед* и *сардины* — проникло твердое произношение, в то время как в устном исполнении твердых произнесений оказалось несколько больше. По-видимому, произношение Д. Н. Ушакова, носителя старомосковской литературной нормы, изменилось под воздействием различных факторов, хотя прежний идеал нормы сохранился.

0.2. Г. О. Винокур, А. А. Реформатский, Р. И. Аванесов [3] предпринимают попытки приблизить теоретическую

[3] См.: *Г. О. Винокур*. Русское сценическое произношение. М., 1948; *А. А. Реформатский*. Методические указания и руководство по современному русскому языку для студентов-заочников. М., 1950; *Р. И. Аванесов*. Русское литературное произношение. М., 1954; М., 1968; М., 1973.

норму к реальному произношению. В 50-е годы XX в. Г. О. Винокур пишет об уподоблении согласных по мягкости: «...круг действия указанной ассимиляции на наших глазах заметно сужается, так что в ряде случаев мягкость согласного в положении перед мягким, обязательная в речи русской произносительной традиции несколько десятилетий тому назад, или исчезает вовсе, или становится факультативной. Вот почему самый закон о смягчении твердых перед мягким приходится в наше время формулировать с некоторой сдержанностью: это смягчение может наступать, но в ряде случаев оно практически не осуществляется. Так, в речи одного и того же лица нередко можно подметить расхождение вроде [сп']*ина* — [с'п']*ина*, *Лю*[дм']*ила* — *Лю*[д'м']*ила* и т. д.» [4]

Таким образом, была отмечена общая тенденция к утрате ассимилятивной мягкости согласных в литературном произношении, обусловившая сосуществование орфоэпических вариантов в современном литературном языке.

I.1. Уже языковая интуиция подсказывает, что «отвердение» согласных в разных звукосочетаниях идет различными темпами. В данной статье делается попытка с помощью количественного анализа дать объективную, насколько это позволяет материал, оценку влияния на развитие нормы морфологических и фонетических (сегментных и суперсегментных) факторов структуры слова для разных в акустическом и артикуляционном отношении групп согласных на разных с конца XIX в. до настоящего времени хронологических этапах эволюции произношения.

I.2. Объектом для изучения нормы мы выбрали сценическую речь, поскольку авторитетность источника является общепринятым требованием при описании нормы [5].

В книге «Русское сценическое произношение» Г. О. Винокур дает оценку исторической роли театра в формировании литературного произношения: «Когда с концом эпохи классицизма театр стал ближе к живой действительности,

---

[4] *Г. О. Винокур.* Указ. соч., стр. 63.

[5] *Е. Д. Поливанов.* Где лежат причины языковой эволюции? «За марксистское языкознание». М., 1931, стр. 59; *А. А. Шахматов.* Очерк современного русского литературного языка. Изд. 4. М., 1941, стр. 107; *Г. Пауль.* Принципы истории языка. М., 1960, стр. 475, 476; *Э. Косериу.* Синхрония, диахрония и история. «Новое в лингвистике», вып. III. М., 1963, стр. 198, 229.

русское сценическое произношение преодолело прежний дуализм и потому полностью совпало с системой общенационального произношения, выросшего исторически на почве московского говора. Перенесенное на сцену, это произношение получило значение образцового и превратилось в прочную культурную традицию, общепризнанным хранителем которой был в особенности московский Малый театр»[6].

Этим объясняется наше внимание к Государственному академическому московскому Малому театру.

«Проблема нормы возникает в тех случаях, когда в языковой системе имеются варианты средств обозначения одного и того же»[7], и нередко использование того или иного варианта определяется внеязыковыми причинами, например, возрастом говорящего. Реальное сосуществование во времени разных поколений и их взаимовлияние очевидно, поэтому «молодежный» Московский театр-студия «Современник»[8] также представляет интерес для наблюдения.

I.3. Выбор в качестве объекта исследования сценической речи вообще и театров, представляющих разные художественные направления — школу представления (Малый театр) и школу переживания («Современник», продолжающий традиции К. С. Станиславского), в частности, требует решения ряда специфических вопросов. Например, можно ли при изучении такой общей проблемы, как эволюция ассимилятивной мягкости согласных (в нормативном плане), рассматривать в одном ряду произношение актеров разных художественных школ, произведения разных жанров, пьесы классического и современного репертуара. Ведь известно, что сценическая речь весьма специфична, что она выполняет функцию не только «общую» (коммуникативную), но и «художественную», что характер воплощаемого образа, тема произведения требуют от актера умения найти особый ритм и темп речи, особую интонацию, особые произносительные краски[9].

[6] *Г. О. Винокур.* Указ. соч., стр. 26.

[7] *Ф. П. Филин.* Несколько слов о языковой норме и культуре речи. «Вопросы культуры речи», вып. 7. М., 1966, стр. 17, 18.

[8] Материал для данной работы собирался в сезон 1966 г., поэтому в ней не учитываются перемещения актеров, происшедшие в последнее время между театрами МХАТ и «Современник».

[9] *Г. О. Винокур.* Указ. соч., стр. 21.

А. А. Яблочкина, например, подчеркивала, что сценическая естественность и простота речи «не может быть жизненно разговорной...» [10]. Е. Д. Турчанинова рассказывала по этому поводу эпизод из своей жизни о том, как она однажды, пораженная простотой и естественностью речи Н. М. Медведевой на сцене, сама на уроке у А. П. Ленского заговорила так же, как разговаривала в жизни. Но А. П. Ленский ее остановил: «Что это Вы, Дунечка, бог с Вами — как заговорили? Надежда Михайловна говорит просто, это верно, да разве это такая простота? Разве можно к тысячам зрителей, под огнями рампы и софитов, выходить с будничной, обыденной речью: она так же тускнеет, как Ваше лицо превращается в бледное пятно, если Вы его не подгримируете, не подведете глаз. Это не игра, не театр, а просто скука» [11]. Если принять во внимание высказанные выше соображения и предположить, что произносительные варианты несут экспрессивную нагрузку, то окажется важным при изучении нормы в ее реальном употреблении учитывать все ее разновидности. Однако у нас есть основания считать варианты с ассимилятивной мягкостью и без нее стилистически незначимыми. Рассмотрим эти основания.

1. Нередко в работах, касающихся произношения, отмечается факт: «. . . в книжной лексике ассимилятивное смягчение может отсутствовать» [12], который расценивается, с нашей точки зрения незаслуженно, как факт произносительной стилистики [13]. Общепринятым является положение о том, что «вопросы стилистики — это вопросы выбора (употребления) языковых средств» [14]. В приложении к фонетическому материалу это значит, что одно и то же слово нейтрального лексического стиля, попадая в разные контексты, произносится по-разному, как было в XVIII в. со словами [р'оф]—[р'еф], [н'ос]—[н'ес]. Отсутствие же ассимиляции по мягкости в книжной лексике и наличие в разговорной создает закрепленность

---

[10] *А. А. Яблочкина.* Жизнь в театре. М., 1953, стр. 70.
[11] *Ф. Н. Каверин.* Евдокия Дмитриевна Турчанинова.— В кн.: «Евдокия Дмитриевна Турчанинова». Сб. статей под общ. ред. Ю. С. Калашникова. М., 1959, стр. 16.
[12] *Р. И. Аванесов.* Указ. соч., стр. 79.
[13] *М. В. Панов.* О стилях произношения. «Развитие современного русского языка». М., 1963, стр. 20.
[14] *М. В. Панов.* Указ. соч., стр. 15.

фонетического варианта за лексемой, что не позволяет интерпретировать его (вариант) стилистически, так как характер варианта определяется не стилем произношения, а выбором слова, уместного в соответствующем лексическом контексте. По существу выбора произносительного варианта как такового не происходит, значит, сама по себе мягкость или твердость согласного перед мягким согласным не обусловлена стилистически.

2. Исследователи литературного языка отмечают существование локальных разновидностей литературного произношения. Это утверждение в отношении позиционной ассимилятивной мягкости справедливо, по крайней мере, для начала XX в. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить транскрипции Ф. Е. Корша [15], Р. Кошутича [16], Д. Н. Ушакова и Н. Н. Дурново [17], с одной стороны, с транскрипциями В. А. Богородицкого, С. Боянуса — с другой. Последовательная ассимилятивная мягкость, характерная для речи коренных москвичей, по наблюдениям В. А. Богородицкого [18], не выдерживается строго в произношении интеллигенции среднего Поволжья. По собственному признанию С. Боянуса, жившего в детстве и в школьные годы в Москве, а в юности — в Петербурге, он палатализует меньше, чем принято в московском русском [19]. По-видимому, варьирование ассимилятивной мягкости в речи от одного носителя литературного языка к другому не допускает стилистического толкования этого явления в образцовом литературном произношении, так как набор выразительных средств языка должен быть общепонятен, или «обязателен» (в терминологии В. Н. Сидорова), для всех говорящих литературно. Именно тем, что подобные варианты представ-

[15] *Ф. Е. Корш.* О русском правописании. «Изв. ОРЯС», 1902, т. VII, кн. 1, стр. 74, 84.

[16] *Р. Кошутић.* Указ. соч., стр. 152—161.

[17] *Н. Дурново и Д. Ушаков.* Образец литературного языка в московском произношении. «Хрестоматия по великорусской диалектологии». М., 1910, стр. 202—204.

[18] *В. А. Богородицкий.* Диалектологические заметки. К диалектологии общерусского произношения: о смягчении согласных под влиянием следующих мягких согласных. «Изв. ОРЯС», 1906, т. II, кн. 2, стр. 288.

[19] *S. Boyanus.* A manual of Russian pronunciation. London, 1935, VII, стр. 52, 60, 92 (на этих страницах можно найти слова, в транскрипции которых не обозначена позиционная мягкость согласных: *свежо*, *светло*, *отъезд*, *сделать*, *давки*, *известный*, *звездный*).

ляют собой одинаково распространенные в обыденной речи орфоэпические нормы, М. В. Панов объясняет их недостаточную выразительность в стилистической системе современного русского литературного языка [20].

3. Анализ сценической речи также подтверждает стилистическую индифферентность вариантов по наличию — отсутствию ассимилятивной мягкости в группах согласных. Множество примеров из практики актеров разных поколений показывает, что варьирования произношения от роли к роли по данной черте не происходит и что соседство мягких и твердых произнесений при исполнении одной роли, одного произведения нельзя объяснить стилистически. За недостатком места приведем только некоторые из примеров. В. Н. Рыжова: *по*[с'л']*еднее*, но *выно*[сл']*ивость* (М. Грубешлиева, Бабушка Парашкева), *на*[с'л']*едство*, но *о*[сл']*еплен* (А. Н. Островский, На всякого мудреца довольно простоты); Е. Д. Турчанинова: *ото*[д'в']*инула*, но *при*[дв']*инул* (И. Шамякин, Крестьянка), [с'в']*язи*, но [св']*ерху* (А. П. Чехов, Переполох); Е. Н. Гоголева: *во*[с'п']*итывают*, но *обе*[сп']*ечена* (А. Н. Островский, Бешеные деньги); О. П. Табаков: *и*[з'м']*ен*, но *и*[зм']*енили* (В. Розов, Обыкновенная история).

Нужно сказать, что И. С. Ильинская и В. Н. Сидоров, исследуя сценическую речь, не указывают ассимилятивную мягкость среди черт, использованных на сцене для произносительной характеристики персонажей. Более того, они считают, что «сценическое произношение подобных сочетаний подчиняется той основной тенденции в произношении этих сочетаний, которая существует в общем литературном языке» [21].

Все это дает нам основание, опираясь на материал сценической речи, судить об изменении нормы в литературном языке в целом и при количественном анализе рассматривать как однородную совокупность материал, извлеченный из произведений разных жанров классического и современного репертуара.

---

[20] *М. В. Панов.* Стилистические изменения в фонетике. «Русский язык и советское общество. Фонетика современного русского литературного языка». М., 1968, стр. 113.

[21] *И. С. Ильинская* и *В. Н. Сидоров.* О сценическом произношении в московских театрах. «Вопросы культуры речи», вып. 1. М., 1955, стр. 151—153.

В работе для фонетического исследования использованы магнитофонные, фонографические и граммофонные записи художественной прозы, стихов, драматургических сочинений, например «Воевода» А. С. Пушкина и «Две собаки» И. А. Крылова, монолог Марии Стюарт из драмы Шиллера «Мария Стюарт» и русские народные сказки «Каша из топора», «Мужик и заяц», рассказ А. П. Чехова «Переполох» и Ю. Нагибина «Мать колхоза», пьесы А. Н. Островского «Правда — хорошо, а счастье лучше», «Бешеные деньги», А. М. Горького «Васса Железнова» и Г. Мдивани «Твой дядя Миша», А. Софронова «Сын», А. Володина «Старшая сестра», К. Симонова «Четвертый» и т. д.

1.4. При прослушивании магнитофонных записей учитывалась степень смягчения согласного под влиянием последующего мягкого согласного, но в дальнейшем мы пренебрегали этими различиями, принимая во внимание при количественной обработке материала только противопоставление твердый — нетвердый. В работе мы называем эти варианты твердым (при отсутствии мягкости) и мягким (при наличии мягкости без определения ее степени).

1.5. При статистическом анализе используется прием «критерий хи-квадрат», расчеты производятся по формуле:

$$\chi^2 = \frac{1}{\bar{p}(1-\bar{p})} \sum n_i (p_i - \bar{p})^2.$$

В статье мы не будем приводить величину χ^2. Укажем только на общую тенденцию, выявленную при подсчетах: различия частот существенны, если они составляют величину более 0,100, и несущественны, если измеряются величиной менее 0,100.

1.6. Следует сказать об отличиях нашей работы от уже существующего статистического социолингвистического исследования «Фонетика современного русского литературного языка» под редакцией М. В. Панова, в котором прослеживается отвердение в группах согласных под воздействием определенных вне- и внутриязыковых причин. В нашей работе рассматривается влияние более широкого, чем в указанной монографии, круга внутриязыковых факторов и не ставится специально вопрос о воздействии эк-

стралингвистических. Их рассмотрение в нашей статье носит подчиненный характер.

Существенно отличается и методика исследования. Если в «Фонетике» описание строится на материале нескольких слов, произнесенных большим количеством информантов (2987), то в нашей работе используется большое количество слов (около 500 в каждой возрастной группе) в произношении небольшого круга информантов (40), при этом учитываются колебания в произношении одних и тех же слов одними и теми же лицами. Это дает возможность проследить, как при прочих равных условиях пробивается внутриязыковая тенденция.

1.7. В работе наблюдается и сопоставляется произношение актеров трех условно выделенных поколений. Старшее поколение составляют актеры, родившиеся в 50—70-е годы XIX в., среднее — в 80-е годы XIX в.— 900-е годы, младшее — в 20—40-е годы XX в. В результате такого объединения информантов по возрастному принципу получились три следующие группы:

I. Г. Н. Федотова, М. Н. Ермолова, А. А. Яблочкина, В. Н. Рыжова, Е. Д. Турчанинова, П. М. Садовский.

II. В. Н. Пашенная, К. А. Зубов, А. И. Сашин-Никольский, Н. А. Белевцева, М. И. Жаров, Е. Н. Гоголева, Н. И. Рыжов, Е. М. Шатрова, В. А. Обухова, И. В. Ильинский, М. И. Царев, С. Н. Фадеева.

III. Р. Д. Нифонтова, Г. А. Кирюшина, Л. В. Юдина, П. П. Садовский, Ю. И. Бурыгина, А. С. Потапов, Л. Л. Пирогова, Г. А. Егорова, М. И. Фомина, О. Н. Ефремов, А. Б. Покровская, Н. М. Дорошина, Е. Ю. Миллиоти, И. В. Кваша, Л. И. Иванова, Л. И. Крылова, Г. М. Соколова, Л. М. Толмачева, О. П. Табаков, М. М. Козаков, В. Ю. Никулин, В. М. Земляникин.

В первые две группы входят актеры Малого театра, связанные с его сценой всю или значительную часть артистической жизни, которых с полным основанием можно назвать хранителями традиций Малого театра, третью же составляют молодые, но имеющие (в основном) достаточно большой опыт сценической деятельности артисты Малого театра и московского театра «Современник».

Чтобы судить об изменениях, происшедших в сценическом произношении с конца XIX в. до настоящего времени, нужно сравнивать какие-то однородные группы. Удобнее всего было бы наблюдать произношение москви-

чей, тем более что даже петербургская сцена всегда ориентировалась на московскую орфоэпию, но тогда пришлось бы исключить из числа информантов таких признанных мастеров слова, как А. А. Яблочкина, К. А. Зубов, М. И. Царев, С. Н. Фадеева и т. д., не меньше москвичей повлиявших на формирование литературной нормы. Мы попытались отразить в какой-то мере реальное соотношение творческих сил на сцене рассматриваемых нами театров. Во всех трех группах информантов преобладают москвичи. Однако мы используем также наблюдения над речью выходцев из местностей распространения севернорусских говоров и Петербурга — Петрограда — Ленинграда, произносительные навыки которых складывались главным образом в Петербурге — Петрограде — Ленинграде.

Среди актеров старшего поколения только А. А. Яблочкина немосквичка по рождению, она провела детство и раннюю юность в Петербурге, отчасти в Тифлисе. В Малом театре она работала с 1885 г.

В группе актеров среднего поколения выделяются такие подгруппы: Н. А. Белевцева, Е. Н. Гоголева, М. И. Жаров, И. В. Ильинский, В. Н. Пашенная, Н. И. Рыжов, А. И. Сашин-Никольский — москвичи и немосквичи: К. А. Зубов (родился в Вятке, учился в Петербурге), М. И. Царев (родился в Твери, специальное образование получил в Петрограде), Е. М. Шатрова (провела детство, окончила гимназию и театральную школу в Петербурге), С. Н. Фадеева (до четырнадцати лет жила в Нижнем-Новгороде).

В третью возрастную группу, кроме москвичей Малого театра, входят и актеры театра «Современник», среди которых есть москвичи: Н. М. Дорошина, О. Н. Ефремов, В. М. Земляникин, Л. И. Иванова, Л. И. Крылова, И. В. Кваша, Е. Ю. Миллиоти, В. Ю. Никулин, А. Б. Покровская, Г. М. Соколова,— и немосквичи: М. М. Козаков (из Ленинграда), Л. М. Толмачева и О. П. Табаков (из Саратова).

Объединив информантов по возрастному принципу в относительно однородные группы, мы проверили статистически характер колебаний в произношении москвичей и немосквичей внутри групп.

Сопоставлялось произношение зубных перед губными и зубными в одних и тех же словах, например: *отвернутся*, *четвертый*, *утверждаете*, *две*, *двести*, *двенадцать*, *свет*,

святой, *свидание*, *священный*, *светский*, *с великим*, *известно*, *успел*, *успех*, *спешить*, *спички*, *разберет*, *осмелились*, *посмел*, *смешно*, *смирно*, *изменился*, *уснет*, *сниму*, *проясните*, *наследник*, *труслив*, *слезы*, *слишком*, *следствие* и т. д.. При этом во избежание искажения общей картины соблюдалось правило — не учитывались лексемы, произнесенные твердо или мягко более десяти раз хотя бы одной группой информантов, т. е. в одной клетке таблицы не допускалось более 10 показаний. Всего использовалось 411 произнесений 55 слов для среднего поколения и 207 произнесений 35 слов для младшего поколения.

Сравнение такого характера не проводилось среди информантов старшего поколения из-за недостатка для статистической обработки сведений о произношении немосквичей, представленных одной А. А. Яблочкиной. Однако, учитывая происхождение актрисы из театральной среды, ориентирующейся на московскую орфоэпию, ее восьмидесятилетнее пребывание на сцене Малого театра, где также играла ее мать, мы считаем старшее поколение актеров однородной группой информантов.

Статистический анализ материала позволяет считать однородными по составу и другие возрастные группы информантов, поскольку различия в произношении москвичей и немосквичей (выходцев из местностей распространения севернорусских говоров и Петербурга — Петрограда — Ленинграда) внутри этих групп в условиях московской сцены несущественны.

Частота употребления мягкого варианта москвичами среднего поколения равна 0,583, немосквичами — 0,631; москвичами младшего поколения — 0,274, немосквичами — 0,295.

Среди актеров младшего поколения сопоставление проводилось в двух направлениях: сравнивалось произношение москвичей и немосквичей театра «Современник», а затем произношение актеров Малого театра и театра «Современник».

Однородность колебаний в употреблении мягких вариантов в последнем случае (использовалось 267 произнесений 44 слов, $p_1 = 0{,}334$, $p_2 = 0{,}312$[22]) убеждает в том, что на произношение рассматриваемых групп согласных

[22] p_1 — частота мягкого варианта в произношении актеров Малого театра, p_2 — актеров «Современника».

не оказывает влияния школа актерской игры, более важным фактором является возрастная близость информантов. При этом никак не отражаются на произношении различия в условиях языковой практики актеров двух театров. Непосредственный постоянный контакт со старшими по возрасту носителями литературного языка не сделал произношение младшего поколения актеров Малого театра более консервативным по сравнению с произношением их ровесников из театра «Современник», находящихся вне этого влияния. По-видимому, «движущей силой» «отвердения» согласных в сочетаниях с возможной ассимилятивной мягкостью являются не эти внешние, а внутриязыковые факторы, воздействие которых мы рассмотрим в следующем разделе.

II.0. Статистическому анализу подвергалось произношение зубных перед мягкими губными и зубными в разных позиционных условиях в слове:

в корне и на границе морфем;

в ударном и первом предударном слогах;

в начале и середине слова;

после гласных переднего и непереднего ряда.

Проверялась способность глухих и звонких согласных, а также согласных, различающихся по месту и способу образования, к сохранению позиционной мягкости.

Зубные перед губными представлены сочетаниями *тв*, *дв*, *св*, *зв*, *см*, *зм*, *сп*, *зб* (*сб*), зубные перед зубными — сочетаниями *сн*, *зн*, *сл*, *зл*.

При прослушивании магнитофонных записей было отобрано около 500 слов с указанными сочетаниями. Они могли быть произнесены одним или несколькими информантами, могли также варьироваться в произношении одного и того же лица. В данной статье мы не имеем возможности представить рассмотренный нами материал во всем многообразии таблиц. Ограничимся несколькими примерами и пояснениями. Сочетание *св* встретилось в словах *свет*, *святой*, *сверхъестественный*, *свинья*, *свихнуться*, *светелка*, *связь*, *свекровь*, *свита*, *свист*, *свидетель* и т. д.; сочетание *тв* — в словах *ответ*, *утверждать*, *отвернуться*, *твердить*, *четверо*, *ветви* и т. д. Слово фиксировалось в той форме, в какой оно употреблено в речи: *ве́тви* и *ветве́й*, *передвига́ть* и *передви́нуть*.

Словоформы одной лексемы могли рассматриваться в одной или разных группах слов в зависимости от того, влияние какого внутриязыкового фактора прослеживалось в каждом случае. Если наблюдалось воздействие на произношение морфологического шва, то словоформы *ве́тви* и *ветве́й*, *передвига́ть* и *передви́нуть* попадали в одну группу слов, содержащих сочетание в корне, если исследовалось влияние ударения, то в разные.

Все сделанные нами наблюдения, связанные с влиянием различных внутриязыковых факторов на эволюцию позиционной мягкости согласных, наглядно представлены на графиках.

Сопоставление произношения актеров разных возрастных групп позволяет не только уяснить общее направление развития этого процесса, но и строить предположения относительно роли того или иного фактора на каждом этапе развития фонетической системы.

II.1. Наблюдения показывают, что в сценической речи, как и в литературном языке в целом, неуклонно развивается процесс утраты ассимилятивной мягкости соседних согласных, при этом зубные перед мягкими губными теряют способность к ассимиляции более быстрыми темпами, чем перед мягкими зубными. Артикуляционная близость согласных по месту образования (зубной + зубной) тормозит развитие этого процесса. Различия между указанными консонантными группами сложились не сразу: в произношении актеров среднего поколения так же, как и в произношении старшего, различия еще несущественны, резко выражены они только в произношении младшего поколения (см. рис. 1).

Анализируя произношение актеров старшего поколения, мы можем судить о факторах, способствующих утрате ассимилятивной мягкости согласных, наблюдая же сценическую речь младшего, мы отмечаем факторы, тормозящие развитие этого процесса.

II.2. Наши наблюдения позволяют предположить, что со сменой поколений сглаживается влияние морфологических факторов и усиливается влияние фонетических. Так, позиции «корень» и «граница морфем» (приставка + + корень, предлог + самостоятельное слово) резко противопоставлены по насыщенности мягкими вариантами для зубных перед губными только в произношении старшего поколения, хотя частоты употребления мягких вариантов

достаточно высоки в обоих случаях ($p^{м}_{к} = 0{,}920$; $p^{м}_{п+к} = 0{,}740$). Процесс сглаживания этих различий для указанных сочетаний завершился уже в произношении средней возрастной группы ($p^{м}_{к} = 0{,}550$, $p^{м}_{п+к} = 0{,}520$). Для зубных перед зубными, в которых утрата ассимилятивной

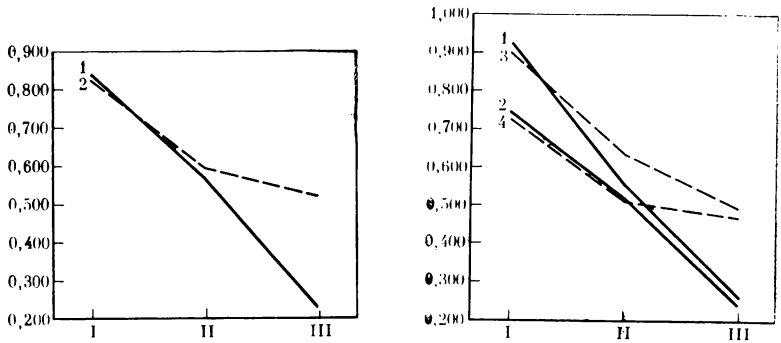

Рис. 1. Мягкость зубных перед мягкими губными и зубными

I — старшее поколение, *II* — среднее поколение, *III* — младшее поколение; *1* — зубные перед мягкими губными, *2* — зубные перед мягкими зубными

Рис. 2. Мягкость зубных перед мягкими губными и зубными в корне и на границе морфем

I—III см. на рис. 1; *1* — зубные перед мягкими губными в корне, *2*— зубные перед мягкими губными на границе приставки и корня, *3*— зубные перед мягкими зубными в корне, *4* — зубные перед мягкими зубными на границе приставки и корня

мягкости происходит медленнее, эти позиции уравнялись позже, в произношении младшего поколения (см. рис. 2).

Таким образом, наш вывод противоположен тому, который сделан в «Фонетике современного русского литературного языка»[23], где отмечается усиление роли диэремы со сменой поколений. По-видимому, морфологический фактор положил начало процессу утраты ассимилятивной мягкости, но с течением времени этот процесс зашел настолько глубоко даже в корне, что различие в произношении сочетаний внутри морфемы и на границе морфем (приставка + корень) нивелировались.

[23] «Русский язык и советское общество. Фонетика современного русского литературного языка». М., 1968.

II.3. Язык развивается в борьбе разнонаправленных тенденций. Если диэрема сыграла решающую роль на первоначальном этапе эволюции ассимилятивной мягкости согласных, ускоряя процесс «отвердения», то уже на следующем этапе включились фонетические факторы, тормозящие его развитие, например, гласные переднего ряда. В произношении старшей возрастной группы позиции после гласных переднего [е, и] и непереднего [а, о, у, ы] ряда для сочетаний зубных с губными и зубными еще не были противопоставлены. Но со сменой поколений и усилением процесса «изживания» ассимилятивной мягкости твердые варианты последовательнее проникают в позицию после гласных непереднего ряда, так как мягкость сочетания не поддерживается в начальной фазе его образования дополнительной среднеязычной артикуляцией, характерной для гласных переднего ряда. В результате в произношении среднего и младшего поколений различия в употреблении мягких вариантов в указанных позициях становятся существенными (см. рис. 3). Причем наиболее сильное тормозящее воздействие на процесс «отвердения» гласные переднего ряда оказывают на произношение зубных перед мягкими зубными: частота мягких вариантов после гласных переднего ряда в речи младшей возрастной группы для этих сочетаний остается высокой ($p = 0{,}750$), в то время как после гласных непереднего ряда намного понижается ($p = 0{,}428$).

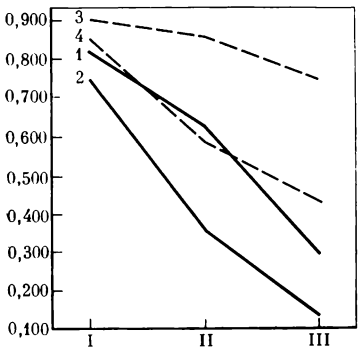
II.4. В лингвистической литературе существуют разные, отчасти не совпадающие оценки позиций начала и середины слова. По мнению одних исследователей, наиболее благоприятной для смягчения является позиция начала слова, так как в середине слова ассимилятивному процессу может препятствовать слогораздел [24]; по мнению других, позиция начала слова «мягче» позиции середины слова после гласных непереднего ряда и «тверже» позиции середины слова после гласных переднего ряда [25].

[24] *В. Н. Сидоров.* Из истории звуков русского языка. М., 1966, стр. 68; *Л. Э. Калнынь.* Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке. «Уч. зап. Ин-та славяноведения», 1956, т. VIII, стр. 204, 218.

[25] *В. А. Богородицкий.* Диалектологические заметки. К диалектологии общерусского произношения: о смягчении согласных под влиянием следующих мягких согласных. «Изв. ОРЯС», 1906, т. II, кн. 2, стр. 287—288; *Он же.* Лекции по общему языковедению. Казань, 1915, стр. III.

Как ни парадоксально выглядит наш вывод, но мы должны сказать, что оба этих мнения справедливы.

По данным сценической речи, для зубных перед губными различия в позициях начала и середины слова были существенными только для актеров старшего поколения (причем позицией наибольшей мягкости была по-

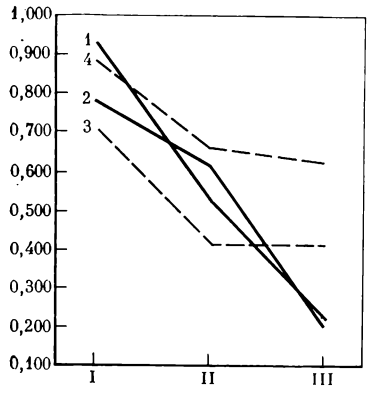

Рис. 3. Мягкость зубных перед мягкими губными и зубными после гласных переднего и непереднего ряда

I—III см. на рис. 1; *1* — зубные перед мягкими губными после гласных переднего ряда, *2* —зубные перед мягкими губными после гласных непереднего ряда, *3* — зубные перед мягкими зубными после гласных переднего ряда, *4* — зубные перед мягкими зубными после гласных непереднего ряда

Рис. 4. Мягкость зубных перед мягкими губными и зубными в начале и середине слова

I—III см. на рис. 1; *1* — зубные перед мягкими губными в начале слова, *2* — зубные перед мягкими губными в середине слова, *3* — зубные перед мягкими зубными в начале слова, *4* — зубные перед мягкими зубными в середине слова

зиция начала слова), в произношении среднего и младшего поколений они сгладились (см. рис. 4).

Для зубных перед зубными указанные позиции характеризуются значимыми различиями в произношении всех возрастных групп, но позицией наибольшей мягкости является позиция середины слова.

Чтобы объяснить эти противоположные для различающихся по месту образования групп согласных резуль-

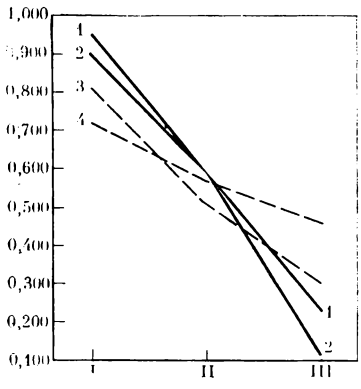
таты, нужно проследить и сопоставить взаимодействие различных факторов в каждом случае. В речи старшего поколения в позиции начала и середины слова одинаково представлены сочетания зубных с губными, находящиеся в корне и на границе приставки с корнем, поэтому диэрема оказывает на обе позиции одинаковое влияние, зависимость же произношения от предшествующего гласного еще не сложилась. В этих условиях начало слова является позицией наибольшей мягкости. Со сменой поколений процесс утраты ассимилятивной мягкости идет интенсивно в обеих позициях, различия между ними сглаживаются уже в произношении среднего поколения и остаются несущественными в произношении младшего. Вообще в речи младшей возрастной группы мягкие варианты встречаются значительно реже твердых ($p^{м}_{с.сл} = 0{,}215$; $p^{м}_{н.сл} = 0{,}197$). При этом гласные переднего ряда, находящиеся в середине слова, оказывают на этот процесс слабое тормозящее влияние ($p^{м}_{\text{после гл. пер. р.}} = 0{,}290$).

Для зубных перед мягкими зубными получилась иная картина. Напомним, что в произношении старшего поколения диэрема способствовала «отвердению» в группах согласных, и как раз основная масса сочетаний зубных с зубными, в которых согласные разделены морфемным швом, у нас приходится на начало слова. Но в произношении среднего и младшего поколений присутствием морфемного шва ничего не объяснишь, так как он не оказывает уже существенного влияния на процесс утраты согласными позиционной мягкости: позиция же середины слова остается позицией наиболее последовательного смягчения. По-видимому, влияние гласных переднего ряда, которые значительно поддерживают сопротивляемость к «отвердению» зубных согласных перед зубными (для среднего поколения $p^{м}_{\text{после гл. пер. р.}} = 0{,}861$, для младшего — $p^{м}_{\text{после гл. пер. р.}} = 0{,}750$), оказывается сильнее воздействия возможного в середине слова слогораздела.

II.5. Наблюдения над зубными перед губными и зубными в ударном и первом предударном слогах показывают, что ударение как фактор, задерживающий процесс утраты ассимилятивной мягкости, проявило себя только в произношении актеров младшего поколения (см. рис. 5). Это еще одно доказательство справедливости предположения о том, что в процессе изменения одного из звеньев фоне-

тической системы языка со сменой поколений усиливается роль фонетических факторов.

II.6. Неодинаковая способность к ассимилятивным процессам согласных, различающихся по способу образования, была отмечена еще В. А. Богородицким. Как показывает наш материал, артикуляционные признаки ста-

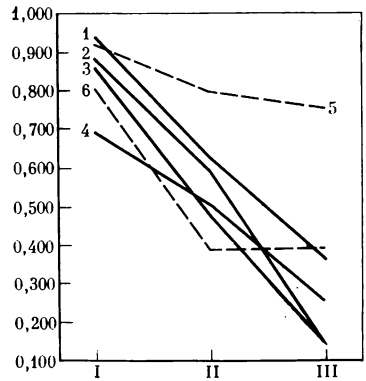

Рис. 5. Мягкость зубных перед мягкими губными и зубными в ударном и первом предударном слогах

I—III см. на рис. 1; *1* — зубные перед мягкими губными в ударном слоге, *2* — зубные перед мягкими губными в первом предударном слоге, *3* — зубные перед мягкими зубными в ударном слоге, *4* — зубные перед мягкими зубными в первом предударном слоге

Рис. 6. Мягкость в группах согласных, различающихся по способу образования

I—III см. на рис. 1; *1* — зубные фрикативные перед мягкими губными фрикативными, *2* — зубные фрикативные перед мягкими губными взрывными, *3* — зубные фрикативные перед мягкими губными носовыми, *4* — зубные взрывные перед мягкими губными фрикативными, *5* — зубные фрикативные перед мягкими зубными носовыми, *6* — зубные фрикативные перед мягкими зубными боковыми

новятся все более существенным фактором в размещении твердых и мягких вариантов.

Произношение старшим поколением зубного перед губным определял первый компонент сочетания. Если это был фрикативный, то смягчение происходило последовательнее, чем в группах, начинающихся с взрывного смычного. В речи актеров младшего поколения твердость произношения обусловливается присутствием смычного

(взрывного или носового), здесь уже несущественно, какое место смычный занимает в сочетании. Таким образом, в произношении старшего поколения группы *тв*, *дв* были противопоставлены группам *св*, *зв*, *см*, *зм*, *сп*, *зб*; в речи младшего — сочетания *св*, *зв*, с одной стороны, сочетаниям *см*, *зм*, *сп*, *зб*, *тв*, *дв* — с другой. Произношение среднего

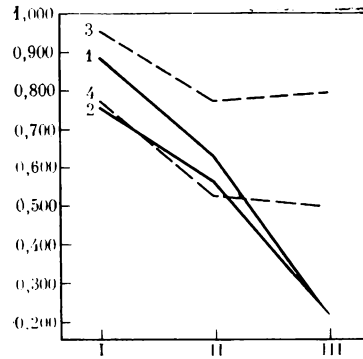

Рис. 7. Мягкость глухих и звонких зубных перед мягкими зубными и губными

I—III см. на рис. 1; *1* — зубные звонкие перед мягкими губными сонорными или звонкими, *2* — зубные глухие перед мягкими губными сонорными или глухими, *3* — зубные звонкие перед мягкими зубными сонорными, *4* — зубные глухие перед мягкими зубными сонорными

поколения представляет собой промежуточный этап в формировании указанных закономерностей, отличающийся хаотичностью распределения твердых и мягких вариантов (см. рис. 6).

Зубные перед зубными, рассматриваемые нами в данной работе, распадаются на две резко различающиеся в произношении всех поколений группы: с одной стороны, сочетания фрикативных с носовыми *сн*, *зн*, с другой,— с боковыми *сл*, *зл*. Частота употребления мягких вариантов для сочетаний *сн*, *зн* остается высокой и для младшего поколения ($p = 0{,}750$), она не отличается существенно от частоты мягкого варианта, встречающегося в речи актеров среднего поколения ($p = 0{,}798$). Количество мягких вариантов в произношении сочетаний зубных фрикативных с зубными боковыми резко сократилось в произношении среднего поколения и в речи младшего осталось на том же уровне (см. рис. 6).

В произношении зубных перед зубными боковыми больше сходства с произношением зубных перед губными, чем с произношением зубных перед зубными носовыми.

II.7. В работе проверялась способность к ассимилятивному смягчению глухих и звонких согласных. Для

этого группы согласных были разбиты на две категории: в одну входили сочетания, в которых звонкий согласный находился перед звонким или сонорным (зубные перед губными — *дв*, *зб*, (*сб*), *зв*, *зм*; зубные перед зубными — *зн*, *зл*), в другую — сочетания, в которых глухой согласный стоял перед глухим или сонорным (зубные перед губными — *тв*, *сп*, *св*, *см*; зубные перед зубными — *сн*, *сл*). Как видно на рис. 7, зубные перед губными и зубными ведут себя неодинаково. Если звонкие зубные перед зубными в произношении трех возрастных групп существенно противопоставлены глухим зубным перед зубными, то для сочетаний зубных перед губными такие различия мы обнаружили только в произношении старшего поколения. Уже в речи актеров среднего поколения различия между звонкими и глухими согласными стерлись, а младшее поколение пользуется мягким вариантом с одинаковой для обеих категорий согласных частотой, равной 0,220.

По-видимому, на основании этих наблюдений можно предположить, что глухость согласного была признаком, способствующим утрате ассимилятивной мягкости согласных уже на первоначальной стадии развития этого процесса. А поскольку зубные перед зубными менее подвержены отвердению, чем зубные перед губными, они отражают как бы более ранний этап эволюции ассимилятивной мягкости и дают возможность судить о факторах, существенных при зарождении процесса отвердения.

Итак, по мере развития процесса утраты ассимилятивной мягкости согласных роль морфологических и фонетических факторов изменяется. При возникновении этого процесса произношение зависит как от тех факторов, так и от других, причем решающее влияние на распространение твердых вариантов оказывает морфологический шов, артикуляционная сложность согласных и их акустические характеристики.

На последнем рассматриваемом нами этапе эволюции позиционной мягкости согласных, когда процесс «отвердения» зашел настолько глубоко во всех позициях в слове, что морфологическая структура слова уже не определяет произношения, становится более очевидной роль фонетических факторов, тормозящих развивающийся процесс: положение сочетания в ударном слоге или после гласных переднего ряда обусловливает наиболее последовательное сохранение ассимилятивной мягкости согласных.

Мы уже говорили о том, что в сценической речи отражаются тенденции развития литературного произношения в целом. Поэтому наши наблюдения над ассимилятивной мягкостью согласных позволяют сделать практические выводы для выработки новых нормативных рекомендаций. Процесс «отвердения» в группах согласных развивался от полного преобладания мягких вариантов в речи носителей литературного языка конца XIX — начала XX в. через промежуточную стадию до значительного перевеса твердых вариантов для ряда сочетаний в произношении последней рассматриваемой нами возрастной группы. Носителями литературной нормы обычно являются представители нескольких поколений, в настоящее время (на нашем материале) это информанты среднего и младшего условно выделенных нами поколений. Нормативные рекомендации должны отражать их употребление, поэтому необходимо признать для зубных перед губными и частично для зубных перед зубными произношение с ассимилятивной мягкостью и без нее вариантами литературной нормы.

ЛИНГВОСТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УПОТРЕБЛЕНИЯ ТЕРМИНОВ НОРМАТИВНЫХ СЛОВАРЕЙ И ГОСТов В РЕАЛЬНЫХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Р. Ю. Кобрин, Л. А. Пекарская

Нормирование научно-технической терминологии тесно связано с проблемой нормирования языка в целом, однако понятие нормы в терминоведении имеет определенную специфику, состоящую в том, что объект нормирования — терминологическая лексика — выполняет функцию «выражения» научных и технических понятий и служит цели коммуникации профессионально ограниченного круга людей.

В лингвистике различают два значения термина «норма»: н о р м а$_1$ — общепринятое употребление, регулярно повторяющееся в речи говорящих (воспроизводимое го-

ворящими); н о р м $а_2$ — предписания, правила, указания к употреблению, зафиксированные учебником, словарем, справочником [1].

Возникает проблема соотнесения нормы$_1$ и нормы$_2$ в терминологической практике: 1) учитываются ли данные функционирования терминов при включении их в терминологические словари и тезаурусы; 2) каким образом влияют нормативные терминословари и ГОСТы на реальное функционирование терминов?

Особенно важным оказывается анализ степени распространения термина в случаях синонимии терминов при выборе рекомендуемого варианта. В противном случае может обнаружиться резкое расхождение между терминами реальными и фиксированными в словарях. Возможность подобных расхождений объективно появляется в случае отбора терминов в терминологические словари на основании стандартных требований к термину, игнорирующих реальные процессы, происходящие в терминосистемах.

Следовательно, для построения упорядоченных совокупностей терминов (терминологических систем), создания двуязычных и многоязычных терминологических словарей, нормативных терминологических ГОСТов, разработки автоматизированных систем для поиска информации оказывается необходимым проследить статистическое поведение простых и составных терминов в научно-технических текстах.

На важность подобного исследования неоднократно указывалось ранее: в частности, в целом ряде выступлений на симпозиуме «Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики» выделялась и подчеркивалась проблема речевого функционирования терминов, отмечалась необходимость изучения терминосистем в их действительном виде, без попыток навязать им свойства, реально не существующие [2].

[1] *В. А. Ицкович.* Норма и ее кодификация. «Актуальные проблемы культуры речи». М., 1970, стр. 11.

[2] Сб. «Научный симпозиум «Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики», ч. 1—2. М., 1971: *А. С. Герд.* Научный текст как объект лингвистического исследования, стр. 254—260; *Б. Н. Головин.* О некоторых проблемах изучения терминов, стр. 64—68; *В. П. Даниленко.* Об основных лингвистических требованиях к стандартизируемым терминам, стр. 72—79; *В. А. Ступин.* Терминологическая структура (о принципах,

По справедливому замечанию В. П. Даниленко, терминологические исследования часто имеют своим объектом не сферу функционирования терминологии — научно-технические тексты, но сферу ее фиксации — различные терминологические словари и тезаурусы. Но «подобно тому, как нельзя изучать общелитературный язык (его лексику, грамматику и т. д.) только по словарям, так нельзя изучать терминологию, представленную одним лексикографическим жанром» [3].

Основное назначение нормативных словарей — систематизация терминологии, ее упорядочение и устранение, по возможности, явлений, отрицательно влияющих на развитие конкретной системы терминов (омонимия, синонимия и т. п.).

Существующие нормативные терминологические словари различаются степенью обязательности соблюдения нормы. Так называемые словари рекомендуемых терминов лишь предлагают употребление тех или иных терминов, в то время как словари стандартизированных терминов строго обязывают к употреблению фиксированных единиц терминосистем.

Однако анализ терминологических ГОСТов показывает, что «и здесь существует известное противоречие между провозглашенными требованиями к стандартизируемой терминосистеме и реальным положением естественно развивающихся терминосистем» [4].

Прежде чем устанавливать нормы на употребление терминов конкретных отраслей знания, логично было бы исследовать их функционирование в реальных научно-технических текстах.

Таким образом, одной из первоочередных задач в области нормирования терминосистем оказывается исследование терминов различных отраслей знания в их речевом функционировании, нормализация и стандартизация терминологий на основании изучения реального функционирования терминосистем и тенденций их развития.

задачах и цели терминологического анализа текстов, представляющих некоторую область знания), стр. 392—396.

[3] *В. П. Даниленко.* Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов. «Исследования по русской терминологии». М., 1971, стр. 43.

[4] *В. П. Даниленко.* Об основных лингвистических требованиях к стандартизируемым терминам, стр. 74.

Важным аспектом изучения терминосистем, на наш взгляд, может оказаться исследование, основанное на использовании статистических методик, разработанных ранее применительно к задачам стилистики и автоматического анализа текста [5].

При формировании терминологических словарей центральной оказывается проблема определения границ терминов, выбор объективных критериев, с помощью которых решается вопрос о включении или невключении термина в словарь.

На основании предложенных ранее критериев выделения терминов из текста (семантического критерия и критерия воспроизводимости [6]) был проведен лингво-статистический эксперимент, в результате которого предполагалось установить, в какой степени реально функционирующие в научно-технических текстах термины находят отражение в нормативных словарях.

Исследование проводилось по следующим этапам: 1) анализ реальных научно-технических текстов с целью выделения простых и составных терминов на основании принятых критериев и составление частотного терминологического словаря; 2) анализ имеющихся нормативных словарей данной отрасли и последующее сопоставление терминов нормализованных и реально функционирующих.

Эксперимент проводился на материале терминологии кузнечно-штампового производства. 10 выборок по 250 терминоупотреблений были взяты из реферативного журнала «Технология машиностроения» (раздел «Объемная штамповка») за 1968—1971 гг. Общий объем экспериментального массива составлял 2500 терминоупотреблений.

Для выделения терминов был принят подход, основывающийся на представлении о термине как о непредикативном «фрагменте» предложения (слове или словосочетании), связанном со специальным научно-техническим понятием, причем ограничений на количество слов в словосочетании не накладывалось [7].

[5] *Н. Д. Андреев.* Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языкознании. Л., 1967; *Б. Н. Головин.* Язык и статистика. М., 1971; *Р. Г. Пиотровский.* Информационные измерения языка. Л., 1968.

[6] *Р. Ю. Кобрин.* Опыт лингвистического анализа терминологии. Канд. дисс. Горький, 1969.

[7] Там же, стр. 95.

Таким образом, основным критерием выделения термина в терминологический словарь был семантический критерий. Подобный подход к выделению термина из текста позволяет осуществлять отбор терминологических единиц разной длины, считая их основной функцией обозначение таких научно-технических понятий, в которых отражены специфические, существенные свойства предметов.

Широко распространенное представление о термине как однословной, двусловной или, в крайнем случае, трехсловной единице обусловило структуру существующих нормативных словарей, анализ которых свидетельствует о регистрации и толковании нормативными изданиями кратких терминов. Однако в последнее время появился ряд работ, авторы которых высказывают обоснованное мнение о терминологичности многословных сочетаний [8].

Для анализа воспроизводимости (повторяемости) терминов в речи был применен специальный критерий воспроизводимости, характеризующий распределение общей частоты термина по проведенным выборкам.

$$\text{КВ} = \sum_{i=1}^{n} xT_j \cdot \text{ОВ}(T_j),$$

где T — термин, x_1, x_2, x_3. . . x_n — абсолютная частота термина в каждой из выборок, $\sum_{i=1}^{n} xT_j$ — сумма частот термина T_j по всем выборкам.

Величина ОВ называется «относительным вхождением» термина и равна частному от деления числа выборок, в которых наблюдался термин (m выборок), на число всех обследованных выборок (n выборок): $\text{ОВ}(T_j) = \frac{m}{n}$.

---

[8] *В. С. Захаров.* О терминологических моделях в некоторых микроструктурах немецкого языка (на материале словарей по радиоэлектронике).— Сб. «Научный симпозиум «Место терминологии в системе современных наук»». М., 1969, стр. 164—167; сб. «Научный симпозиум «Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики»», ч. 1—2; *Б. Н. Головин.* О некоторых проблемах изучения терминов, стр. 64—68; *В. В. Гуськова.* Анализ структурно-семантических типов трехкомпонентных словосочетаний в английском языке (на материале терминов сахарной промышленности), стр. 563—566; *С. С. Сальман.* Электротехнические термины-кальки и термины-словосочетания в русском и арабском языках, стр. 547—550.

Для изучения структуры терминов, определения типов терминологических словосочетаний (моделей), анализа понятийной организованности составных терминов было введено условное обозначение терминов, структура которых представлялась в виде комбинации символов, обозначающих части речи, из которых составлен термин. Например, модель термина «прямой показатель износа» — (стрелки обозначают направление связи): П ← С → С. В результате эксперимента был выделен 1691 термин, построенный по 222 различным моделям.

Сравнение терминов, выделенных в терминологический словарь, с терминами, представленными в нормативных словарях, осуществлялось по следующим направлениям: 1) исследование встречаемости (использования) нормализованных терминов в реальных текстах (содержательный анализ); 2) изучение структуры терминов и статистика распределения терминов в словарях в зависимости от числа словесных позиций в модели термина.

В качестве сравниваемых нормативных источников были взяты: массив I — Научно-техническая терминология. Сборник стандартизованных и рекомендуемых терминов (в 10 т.), т. 3. М., 1969; массив II — Инструмент для обработки металлов давлением. Штампы. Термины и определения. ГОСТ 15830-70. Комитет стандартов, мер и измерительных приборов при Совете Министров СССР; массив III — Англо-русский словарь по машиностроению и металлообработке. М., 1969. Термины каждого из описанных массивов сопоставлялись с терминами, выделенными в процессе анализа реальных научно-технических текстов (массив IV).

Результаты статистического анализа следующие.

1) Сборник стандартизованных и рекомендуемых терминов (массив I) по исследуемой тематике предлагает 80 терминов, из которых в нормализованном виде (т. е. так, как они фиксированы в сборнике) в текстах реальных (массив IV) употреблены 19, что в долях составляет 23,8% от общего числа нормализованных терминов, причем в реальных текстах предлагаемые простые односложные термины употребляются значительно реже, чем они встречаются в составе терминологических словосочетаний (в составных терминах) (табл. 1.).

Кроме того, в массиве I выявлен ряд однословных (простых) терминов, которые в исследованных реальных тек-

Таблица 1

Нормализованный термин	Частота нормализованного термина в исследованных текстах	Частота появления нормализованного термина в составных терминах исследованных текстов	Общая частота
выдавливание	2	78	80
высадка	1	19	20
гибка	1	—	1
горячая штамповка	7	43	50
зачистка	1	—	1
калибровка	2	8	10
ковка	1	5	6
обкатка	1	—	1
обрезка	2	3	5
объемная штамповка	4	44	48
операция	11	13	24
осадка	6	42	48
переход	6	2	8
поковка	23	173	196
прошивка	3	12	15
раскатка	1	6	7
холодная штамповка	2	23	25
черновая штамповка	1	1	2
штамповка	21	281	302

стах выступают только в качестве терминоэлементов составных терминологических сочетаний (15% от общего числа фиксированных сборником терминов), например: *выпучивание*, *вытяжка*, *отбортовка*, *отрезка*, *передача* и др.

Таким образом, в процессе анализа установлено, что 61,2% рекомендуемых сборником терминов в исследованных текстах использованы не были (ни в нормализованном виде, ни в составных терминах).

Интересны следующие наблюдения. Сборник предлагает ряд терминов, указывая их варианты, не рекомендуемые к употреблению в том или ином значении. В некоторых случаях это вызвано тем, что термин одновременно

используется в нескольких самостоятельных значениях. Например, в значении «увеличение длины заготовки с одновременным уменьшением ее поперечных размеров» рекомендуется употреблять термин *протяжка* и накладывается запрет на употребление термина *вытяжка* в данном значении, так как последний употребляется в самостоятельном значении «получение полых изделий из плоских заготовок».

Очевидно, что в подобных случаях деление на термины рекомендуемые и нерекомендуемые вполне оправданно и правомерно. Однако подобное мотивированное разбиение терминов на рекомендуемые и нерекомендуемые составляет лишь 28,5% от общего числа наблюдаемых в сборнике случаев разбиения терминов на указанные группы. Анализ остальных случаев приводит к заключению: в исследованных текстах термины, не рекомендуемые к употреблению, занимают более «прочное» положение, чем рекомендуемые термины, включенные в сборник.

Вот некоторые статистические примеры, свидетельствующие, на наш взгляд, о нежизненности ряда рекомендуемых терминов, в то время как соответствующие нерекомендуемые эквиваленты закрепились в языке и реально функционируют (табл. 2).

Таблица 2

Рекомендуемый термин	Частота употребления в реальных текстах	Нерекомендуемый термин в том же значении	Частота употребления в реальных текстах
черновая штамповка	2	*предварительная штамповка*	7
чистовая штамповка	2	*окончательная штамповка*	6
прожимка	—	*обжим(ка)*	5
выпучивание	1	*формовка*	4

Ряд терминов в реальных текстах употребляется в тех же значениях, что и рекомендуемые термины, но отличается от последних в словообразовании (табл. 3).

2) Массив II (ГОСТ) представлен 58 терминами, обозначающими инструмент для обработки металлов давле-

Таблица 3

Рекомендуемый термин	Частота употребления в реальных текстах	Соответствующий термин массива IV	Частота употребления в реальных текстах
накатка	—	*накатывание*	4
обкатка	1	*обкатывание*	2
протяжка	—	*протягивание*	1
растяжка	—	*растяжение*	2
резка	—	*резание*	4

нием. Из включенных в ГОСТ терминов в исследованных текстах не был использован ни один [9].

Сравнение массивов I и II приводит к выводу, что термины этих массивов находятся в отношении: процесс (массив I) — инструмент для осуществления данного процесса (массив II): *высадка* (массив I) — *высадочный штамп* (массив II); *отрезка* (массив I) — *отрезной штамп* (массив II).

3) 500 терминов массива III выбраны из англо-русского терминологического словаря, который по своему назначению является нормативным и содержит около 40 тысяч английских терминов с их русскими эквивалентами. Термины массива III по возможности выбирались из предметной области, соответствующей предметной области массива IV, а именно — термины, относящиеся к разделу «Объемная штамповка».

Пересечение массивов III и IV дает список терминов нормативного словаря, использованных в реальных текстах, а именно: 65 терминов, т. е. 13% от общего числа терминов массива III.

Таким образом, содержательный анализ исследованных массивов позволяет сделать вывод, что нормализованные термины представляют собой незначительную часть реальной терминологии технологии машиностроения. По-видимому, отчасти это объясняется неполным совпадением тематики массивов, а также, на наш взгляд, недостатками методики выделения терминов в нормативные издания,

[9] Авторы, разумеется, допускают возможное несовпадение массива реальных текстов и ГОСТа (в частностях и деталях).

Таблица 4

Число слов в термине	Число терминов в массиве				Доля (в %)			
	I	II	III	IV	I	II	III	IV
1	61	1	91	737	76,25	1,7	18,2	29,5
2	18	39	224	714	22,5	67,2	44,8	28,5
3	1	16	115	447	1,25	27,6	23,0	17,9
4		2	41	228		3,5	8,2	9,1
5			14	130			2,8	5,1
6			9	108			1,8	4,4
7			2	51			0,4	2,1
8				37				1,5
9			1	18			0,2	0,7
10				20				0,8
11				8				0,32
13				2				0,08

которая мало учитывает особенности функционирования терминов в речи.

4) В процессе анализа структуры терминов исследованных массивов установлено следующее распределение частот использования моделей в зависимости от числа словесных позиций (числа полнозначных слов в термине) (табл. 4).

Для терминов массива IV выдвигалась гипотеза о случайности отклонения наблюдаемых выборочных частот моделей терминов с определенным числом словесных позиций от средней частоты.

Для проверки выдвинутой гипотезы использовался критерий «хи-квадрат», вычисляемый по формуле:

$$\chi^2 = \frac{\sum_{i=1}^{n} (x_i - \bar{x})^2}{\bar{x}};$$

где

x_i — наблюдаемые частоты, $\bar{x}$ — средняя выборочная частота [10]. В результате статистического эксперимента выявлена устойчивость распределения моделей терминов по выборкам в зависимости от числа словесных позиций:

[10] *Б. Н. Головин.* Язык и статистика.

оптимальная устойчивость у 2 и 4-словных терминов, нарушаемая устойчивость — у 1, 3, 5, 6, 7-словных терминов [11]. Для моделей терминов с числом словесных позиций, большим 7, критерий и «хи-квадрат» не показателен, так как сравниваемые частоты незначительны.

Подтверждение выдвинутой гипотезы о несущественности отклонений выборочных частот от их средней свидетельствует о правомерности принятой методики выделения терминов из текстов (методики формирования массива IV), так как справедливо ожидать, что тексты одной отрасли знания дадут устойчивое распределение частот.

Данные табл. 4 также показывают, что массив III более других отражает реальное распределение терминов в реальных текстах. Несмотря на то, что преобладают термины, состоящие из 2—3 слов (соответственно 44,8% и 23,0%), доля терминов с числом слов, большим 3, составляет 13,4% (в массиве IV — 24,1%), в то время, как в массиве I термины с числом слов, большим 3, не зафиксированы, а в массиве II их всего 3,5%.

Таким образом, из статистического сопоставления терминов, выделенных в нормативные словари и сборники, и терминов, реально функционирующих в текстах соответствующей отрасли, следует, что нормативные издания не всегда отражают реальные процессы, происходящие в терминосистеме, и включают термины малоинформативные, неточно и неполно описывающие терминосистему.

Эти обстоятельства указывают на необходимость более тщательного изучения реальных терминологий и выявления на основе функционирования терминосистем тенденций их развития.

5) Вопрос выделения и анализа многословных терминологических словосочетаний приобретает особую важность при создании эффективных автоматизированных систем для поиска научно-технической информации.

В нормативные терминологические словари и ГОСТы необходимо включать термины с немотивированным значением и наиболее употребительные в данной предметной области термины с мотивированным значением, а в кодограммы поисковых систем записываются термины, ха-

[11] О типах устойчивости см.: *Б. Н. Головин.* О вероятностно-статистическом изучении стилевой дифференциации языка. Семинар «Автоматизация информационных работ и вопросы математической лингвистики», Киев, 1964.

рактеризующие содержание данного документа — текста в отличие от всех прочих документов информационного массива.

При помощи многословных терминологических словосочетаний обозначаются наиболее конкретные, дифференцированные факты и понятия науки и техники.

Приведем некоторые примеры многословных словосочетаний из терминологии радиотехники, электротехники и машиностроения, которые включаются в кодограммы поисковых систем: *манипулятор для автоматической сортировки магнитных сердечников*, *гибкий кабель с повышенным экранным затуханием*, *контакт сигнальных цепей для сверхвысокого вакуума*, *функционально-узловой метод конструирования радиоаппаратуры*, *остаточные напряжения в поверхностном слое профилей зубьев*, *приспособление для подачи контейнера в вакуумную печь*. Эти и другие термины включаются в кодограммы поисковых систем как терминологические структуры, наиболее адекватно передающие содержание соответствующих документов.

Мотивированное обоснование использования терминологических словосочетаний для формирования поисковых образов документов было сделано проф. Г. Г. Белоногов в 1967 г.: «Для обозначения различных видов промышленной продукции, технологических процессов, оборудования, предметов материально-технического снабжения... и т. п. в формализованных документах широко используются технические и научные термины, представляющие собой именные словосочетания... Исходя из того факта, что большинство технических и научных терминов являются словосочетаниями, нам представляется целесообразным рассматривать терминологические словосочетания в качестве основных «единиц смысла», а однословные термины в качестве частного случая словосочетаний. Для этого имеются серьезные основания... В большинстве случаев оказывается, что содержание понятия, выраженного словосочетанием, не может быть выведено из «смысла» отдельных слов, входящих в состав этого словосочетания» [12].

[12] *Г. Г. Белоногов.* Об использовании терминологических словосочетаний в автоматизированных ИПС. «Цифровая вычислительная техника и программирование», вып. 2. М., 1967; см. также: *Б. В. Якушин, В. В. Биттман.* Об одном подходе к разработке построения тезауруса.— НТИ, сер. 2, 1967, № 7.

В настоящее время вопрос об использовании словосочетаний в информационно-поисковых языках решается чаще всего на интуитивно-прагматическом уровне.

Основные возражения сторонников использования ограниченных словарей терминологических словосочетаний сводятся к тому, что: 1) ввод словосочетаний намного увеличивает объем словаря системы, 2) неконтролируемый ввод словосочетаний увеличивает неоднозначность индексирования [13].

Т. М. Леонтьева приводит формулу, позволяющую определить количество словарных единиц, добавляемых в словарь при вводе словосочетаний.

$$К_x = \sum_{m=1}^{n} C_n^m,$$

где К — количество возможных словарных единиц, добавляемых в словарь,

m — длина словосочетания (количество слов в словосочетании),

n — общее число элементов (максимально возможное количество в словосочетании).

Количество возможных поисковых образов, которые могут быть получены из этих К элементов, вводимых в словарь (П), определяется формулой

$$П = \sum_{m=1}^{К} C_К^m \text{ [14]}.$$

Т. М. Леонтьева приводит пример, в котором в соответствии с предлагаемыми формулами наблюдается почти 18-кратный рост числа поисковых образов документов при введении в словарь словосочетаний, что, безусловно, затрудняет обеспечение необходимой полноты поиска и приводит к неоднозначности индексирования [15].

Приведенные выше формулы определения возможного числа словосочетаний в поисковом образе документа при неконтролируемом вводе словосочетаний основываются

---

[13] «Вопросы разработки механизированной информационно-поисковой системы для Центрального справочно-информационного фонда по химии и химической промышленности», вып. 25. М., НИИТЭХИМ, 1970.

[14] Там же, стр. 15—16.

[15] Там же, стр. 16—17.

на неправомерном представлении о свободной сочетаемости лексических единиц.

Предложенные формулы позволяют определить лишь максимальное число словосочетаний при «идеальном» условии, когда любая словарная единица может соединяться с любой другой словарной единицей для образования новых словосочетаний.

Однако валентность лексических единиц (способность элементов соединяться друг с другом в речи) определяется семантической и грамматической структурой языка, поэтому случаи подобной «полигамии» абсолютно исключены в естественных языках.

К тому же увеличение объема словаря системы компенсируется повышением точности понятийного индексирования, что, как показал Крэнфилдский проект ASLIB [16], является определяющим фактором обеспечения эффективности информационно-поисковой системы.

Эксперименты, проведенные группой SMART, показали, что методы образования словосочетаний на основе словарного поиска или на основе статистических характеристик сочетаемости обеспечивают улучшение эффективности поиска для некоторых уровней полноты. Устойчивые словосочетания целесообразно использовать для составления поисковых образов документов. В информационно-поисковой системе должны быть предусмотрены методы порождения словосочетаний, которые применялись бы в сочетании с другими методами анализа текста [17].

Таким образом, вопрос выделения и анализа многословных терминологических словосочетаний имеет большое значение и для решения задач информационного поиска.

Важной является задача и принципиальных перемен в структуре и содержании терминологических словарей.

---

[16] *С. Клевердон.* Определение сравнительной эффективности систем индексирования. «Сборник переводов по вопросам информационной теории и практики», № 9. М., 1967; *С. Клевердон, Ф. Ланкастер, Дж. Миллз.* Проблемы информационного поиска.— Там же; *Ф. Ричмонд.* Обзор работ по Крэнфилдскому эксперименту.— Там же; *С. Клевердон, Дж. Миллз, М. Кин.* Крэнфилдский эксперимент: факторы, определяющие эффективность систем индексирования. «Сборник переводов по вопросам информационной теории и практики», № 12. М., 1969.

[17] *G. Salton.* The use of standartized documentary data in automatic information dissemination. «IEEE Frans. Engng. Writ. and Speech», 1968, 11, № 2, стр. 101—110 (см. также: «Теория и практика научной информации», 1969, № 17, реф. 54).

Необходимы словари-каталоги («конкордансы»), в которых термины не толкуются, а показываются в их реальном текстовом применении. «Подобные словари, отражающие терминологию определенных научных школ, отдельных ученых и политических деятелей, отдельных выдающихся научных произведений, могут стать очень заметными факторами, стимулирующими как овладение соответствующими областями научной информации, так и развитие исследований в той или иной области,— не говоря уже о положительном влиянии на изучение самой терминологии» [18].

Анализ терминологических систем иностранных языков также показывает высокую активность многокомпонентных терминологических конструкций [19].

При построении переводных терминологических словарей необходимо учитывать статистическое распределение терминов в речи. Включение в словарь многословных терминологических словосочетаний и их эквивалентов на соответствующем языке значительно облегчает труд переводчиков.

Существующие терминологические словари классифицируются: 1) по назначению, 2) по сущности комментируемой и комментирующей частей, 3) по организации материала, 4) по нормативности и ненормативности.

Проведенный лингвостатистический анализ терминов нормативных словарей и ГОСТов, а также некоторые соображения, высказанные по поводу организации словарей информационно-поисковых систем и переводных терминологических словарей, позволяют прогнозировать появление словарей, ориентирующихся на реальные термины научно-технических текстов, содержащих в себе: 1) сведения о языковой и логико-понятийной структуре простых и составных терминов, 2) сведения о логико-семантической соотнесенности с другими терминами (синонимия, омонимия, родо-видовые отношения и т. д.), 3) частотные характеристики термина, 4) указания на нормативный или ненормативный характер словарной единицы [20].

[18] *Б. Н. Головин.* О некоторых задачах и тематике исследования научной и научно-технической терминологии. «Уч. зап. ГГУ им. Н. И. Лобачевского», сер. лингвистическая, вып. 114. Горький, 1970, стр. 21.

[19] *В. С. Захаров.* Указ. соч., стр. 164—167; *С. С. Сальман.* Указ. соч., стр. 547—550; *В. В. Гуськова.* Указ. соч., стр. 563—566.

[20] *Б. Н. Головин.* О некоторых задачах и тематике исследования научной и научно-технической терминологии, стр. 22.

К ВОПРОСУ АРЕАЛЬНОГО И СОЦИАЛЬНОГО ВАРЬИРОВАНИЯ СЛОВ В НАЦИОНАЛЬНОМ ЯЗЫКЕ

(на материале современного немецкого языка)

А. Л. Воронов

Теория вариантности языковых средств претерпевает в настоящее время интенсивное квалитативное изменение и обещает превратиться из частных, разрозненных, терминологически пестрых и разноречивых суждений в стройную универсальную теорию о принципах и всеобъемлющих законах развития и функционирования языка.

В германистике убедительно разработана в последние годы историческая сторона проблемы: роль и место варьирования языковых средств в процессе становления национальных языков и норм. В отношении немецкого языка эти вопросы детально рассматриваются в работах М. М. Гухман [1], В. Флейшера [2], в книгах Н. Н. Семенюк [3] и Дитера Нериуса [4].

В отношении английского языка вопросы вариантности языковых средств и исторического становления нормы впервые широко поставлены и разработаны В. Н. Ярцевой [5].

В центре внимания указанных исторических исследований находится, естественно, процесс завершения и стабилизации единых литературных норм. Но последняя глава книги В. Н. Ярцевой подводит читателя непосредственно к мысли, что понятие «завершенность» в развитии литературной нормы относительно, оно оправдано только с точки зрения современных исследований языка, смотрящих на все предшествующие стадии в развитии языка

---

[1] *М. М. Гухман.* От языка немецкой народности к немецкому национальному языку. Ч. I, II. М., 1955, 1959.

[2] *W. Fleischer.* Frühneuhochdeutsche Geschäftssprache und neuhochdeutsche Norm. «PBB» 88 Bd, 1/2 H. 1966, Halle (Saale).

[3] *Н. Н. Семенюк.* Проблема формирования норм немецкого литературного языка XVIII столетия. М., 1967.

[4] *Dieter Nerius.* Untersuchungen zur Herausbildung einer nationalen Norm der deutschen Literatursprache im 18. Jahrhundert, VEB Max-Niemeyer-Verlag, Halle (Saale), 1967.

[5] *В. Н. Ярцева.* Развитие национального литературного английского языка. М., 1969.

лишь как на процесс становления современных норм. Сформировавшийся национальный язык продолжает развиваться, варьирование языковых средств не исчезает, оно может быть лишь в известных пределах ограничено, но вместо исчезнувших вариантных рядов могут возникать новые.

Весьма важным поэтому ныне является перенесение акцента в лингвистических исследованиях на выявление причин и определение суммы экстра- и интралингвистических факторов, генерирующих новые варианты и вариантные ряды в современных национальных языках. Изучение синхронной вариантности как лингвистической универсалии, характеризующей человеческий язык в целом, помогает «проникнуть в самую глубину языковых процессов, вскрыть их причинность и обусловленность» [6] и увидеть механику малых и больших трансформаций в системе языка.

На материале современного немецкого языка разработка проблемы вариантов слова в советском языкознании существенно продвинута за последние годы в специальных статьях Н. Н. Семенюк [7] и О. И. Москальской [8]. Данные статьи, дефинируя термином «вариант» однозначные модификации единиц языка на всех его уровнях в плане выражения на определенном этапе развития языка, намечают, по нашему мнению, пути для всестороннего изучения лингвистических и экстралингвистических причин и закономерностей варьирования языковых средств на всех уровнях языка и с учетом их территориальных, социальных и стилистических модификаций.

В сформировавшемся национальном языке варьирование словоформ является сложным явлением и объясняется несколькими причинами.

1. В нем широко реализуются уже закрепившиеся стилистические (ward — wurde, *сыны — сыновья*) и частично семантические (Gesichte — Gesichter, *занавес — занавесь*) различия словоформ, незначимые на предшествующих

[6] *И. Б. Хлебникова.* Морфологические варианты сослагательного наклонения в современном английском языке. «Уч. зап. I МГПИИЯ», 1964, т. 30, стр. 350.

[7] *Н. Н. Семенюк.* Некоторые вопросы изучения вариантности.— ВЯ, 1965, № 1.

[8] *О. И. Москальская.* Норма и варьирование в современном немецком литературном языке. «Иностранные языки в школе», 1967, № 6.

стадиях развития языка. Авторы художественных произведений, журналисты, используя вариантность, основанную на неравномерностях исторических трансформаций парадигматических рядов, в стилистических целях или просто отдавая предпочтение тому или иному варианту, немало способствуют их закреплению.

2. Некоторые вариантные ряды продолжают выступать индуцирующей силой в современном национальном языке, генерируя много новых незначимых (иррелевантных, факультативных) вариантов, например образование множественного числа имен существительных в русском языке: — Были ликвидированы все неравноправные *договоры*, заключенные царским и Временным правительством с другими странами (История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1969, стр. 236); . . .Эти *договора* предвоенной Германии были лишь маскировкой подготовки к насильственному переделу европейской карты («Правда», 23 сент. 1968).

Система литературного национального языка ограничивает и сдерживает варьирование языковых средств в их речевой реализации, хотя норма не может не включать определенный диапазон варьирования. Экстралингвистические условия коммуникации в современном обществе (телевидение, радио, кино, театр, пресса, государственная система образования, широкая лексикографическая работа и т. п.) существенно ограничивают диапазон варьирования, но, с другой стороны, в современном национальном языке в условиях быстро развивающихся технических средств коммуникации для победы той или иной вариантной формы требуется гораздо меньше времени, чем это требовалось, например, в XVI—XVIII вв. (ср. быструю победу формы *фильм* над вариантом *фильма* в 30-е годы в русском языке).

3. Под влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов в современных национальных языках возникают новые вариантные ряды. Например, существование ГДР и ФРГ как новый социальный, экономический и политический фактор для развития немецкого национального языка создает условия для возникновения вариантных рядов в лингвистическом плане.

В издающихся ныне нормативных словарях ГДР и ФРГ намечается некоторая дифференциация в морфологических и фонетических характеристиках: различия в

кодификации грамматического рода имен существительных, наличие в одних словарях и отсутствие в других неударного *e* в родительном падеже единственного числа имен существительных мужского и среднего рода, различие в реализации немецких и иностранных суффиксов множественного числа имен существительных, различные рекомендации по употреблению соединительного *s* в сложных словах, например:

Словарь Дуден (ГДР)	Словарь Дуден (ФРГ)
Abwickler/Abwickeler, m	Abwickler, m
Anfeurung, f	Anfeuerung, f
Anforderung, f	Anford(e)rung, f
Aula, f. Pl.-len	Aula, f. Pl. -len, -s
geh(e)n	gehen
anhangsweise	anhangweise
andacht(s)voll	andachtsvoll
Au(en)wald, m	Auenwald, m
Äug(e)lein, n	Äuglein, n
Aufbauwille(n), m	Aufbauwille, m
Aplanat, m od. n	Aplanat, m [9]

Возможно, однако, что большинство фонетических, морфологических, словообразовательных и орфографических вариантов, фиксируемых ныне словарями соответственно в ГДР и ФРГ, окажутся лишь временными, преходящими — такие, например, как Suez—Sues, Labour-Partei — Labour Party, NATO — Nato, Koexistenz — Co-Existenz [10]. Или, например, вариантные формы kulturlich — kultürlich в словаре Дуден (ГДР), в котором вариант kultürlich квалифицируется как «nicht gut», в то время как западногерманский словарь Л. Макензена приводит лишь одну форму kultürlich без каких-либо помет.

Следует, конечно, учитывать, что варьирование языковых средств, реализующееся, например, в публичных речах в пределах одного государства, может оставаться незамеченным. Но варьирование словоформ и слов в си-

---

[9] *W. Betz.* Der zweigeteilte Duden. «Der Deutschunterricht», Jg. 12, H. 5, Stuttgart, 1960.

[10] *М. Н. Цвиллинг.* О некоторых особенностях немецкого языка в Западной Германии (на материале прессы). «Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков», вып. III. М., 1960.

туативно параллельных речевых манифестациях представителей двух германских государств приобретает релевантный характер. Ср., например, вариантные формы одних и тех же слов в речи председателя Совета Министров ГДР Вилли Штофа и канцлера ФРГ Вилли [11] Брандта от 19 марта 1970 г. на встрече в г. Эрфурте [12].

Willi Stoph	Willy Brandt
1) Die Normalisierung der Beziehungen zwischen der DDR und der BRD bliebe blockiert, und d e r F r i e d e n in Mitteleuropa wäre permanent bedroht.	Aber wirklicher F r i e d e und Sicherheit können auf die Dauer nur in einer europäischen Friedensordnung gefunden werden, in der mit der Konfrontation der Blöcke auch der Antagonismus der beiden Staaten in Deutschland beendet wird.
2) Deshalb möchte ich Sie im Namen d e s M i n i s t e r r a t e s der DDR fragen, ob Sie namens der Regierung der Bundesrepublik bereit sind, diesen Schritt zu gehen...	Herr Vorsitzender d e s M i n i s t e r r a t s, meine Herren!
3) Von seiten der DDR liegt ein Vortragsentfwurf auf d e m T i s c h.	Dieses Ereignis verbindet uns alle, die wir hier a m T i s c h e sitzen, was auch sonst uns trennen mag.

Число подобных примеров можно легко увеличить, но в большинстве своем они иллюстрируют возможности варьирования слов и словоформ в пределах системы единого немецкого языка для двух германских государств, способные ныне реализовываться в любой точке основного

[11] На немецком языке личные имена указанных государственных деятелей представляют собой орфографические варианты Willi/ /Willy.

[12] «Junge Welt», 20 марта 1970.

немецкого ареала, что не исключает, однако, возможности постепенного аккумулирования и последующего регионального распределения вариантных форм, хотя «...тенденции развития в области грамматического строя одинаковы в обоих немецких государствах» и «единство литературного языка в настоящее время не находится под угрозой...» [13]

Функционирование современных национальных языков характеризуется, как известно, сильным взаимным влиянием литературного и разговорного стилей.

Разговорно-бытовая речь, как свидетельствуют исследователи русского [14] и немецкого языков [15], играет исключительно важную роль в генерации вариантных форм.

Так, например, в русском литературном языке под влиянием разговорной речи весьма продуктивным вариантным рядом является варьирование окончаний *-ие/-ье*, *-ние/-нье* имен существительных (*движение — движенье*, *дыхание — дыханье*, *мучение — мученье* и др.) [16].

Современным немецким стилистам-нормализаторам приходится бороться против проникновения в литературный язык многих вариантных форм грамматического рода, имеющих разговорный и просторечный статус [17], например:

der Benzin	вместо	das Benzin
der Kilo	вместо	das Kilo
das Nummer	вместо	die Nummer
der Schokolad	вместо	die Schokolade
der Zwiebel	вместо	die Zwiebel

Немецкая разговорная речь является «поставщиком» все новых и новых форм глаголов, не признаваемых еще нормой литературного языка. Так, на улице, в трамвае или в автобусе, пишут Р. Киллингер и А. Допплер, можно

---

[13] *Р. Гроссе.* О соотношении языка и нации. «Иностранные языки в школе», 1970, № 3, стр. 8.

[14] *В. А. Исакович.* Языковая норма. М., 1968, стр. 48.

[15] *Е. Johan.* Deutsch wie es nicht im Wörterbuch steht. Frankfurt am Main, 1962, стр. 9.

[16] *Р. П. Рогожников.* Соотношение вариантов слов, однокоренных слов и синонимов. «Лексическая синонимия». М., 1967, стр. 154.

[17] *R. Killinger, A. Doppler.* Deutsch richtig gesprochen — richtig geschrieben. Salzburg, 1951, стр. 21.

часто слышать: er haltet, er ratet (вместо er hält, er rät), или er gedeihte gut (вместо er ge lieh gut) [18].

Учитывая названные выше факторы, трансферирующие и индуцирующие вариантность языковых средств в современном немецком языке, предположение о постепенном уменьшении общего числа вариантов в нем [19] следует считать спорным.

Современному немецкому языку, даже в его нормализованной литературной реализации, свойственно большое количество фонетических, морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических и орфографических вариантов [20].

Несмотря на то, что варианты слов в современном немецком языке весьма разнообразны, они могут быть систематизированы, так как своим появлением, существованием и развитием обязаны системным явлениям в языке на разных уровнях и представляют собою, таким образом, определенную систему в системе.

Объектом нашего экспериментального исследования явились наиболее массовидные вариантные ряды на фонетическом, фоно-морфологическом, словообразовательном и орфографическом уровнях современного немецкого языка. С целью опробования реализации некоторых конкретных вариантов, репрезентирующих указанные языковые уровни в речи живых носителей современного немецкого языка, нами было предпринято анкетирование. В таких случаях, как справедливо отмечает Л. К. Граудина [21], нас интересует не сам факт наличия вариантов, а лишь их соотношение.

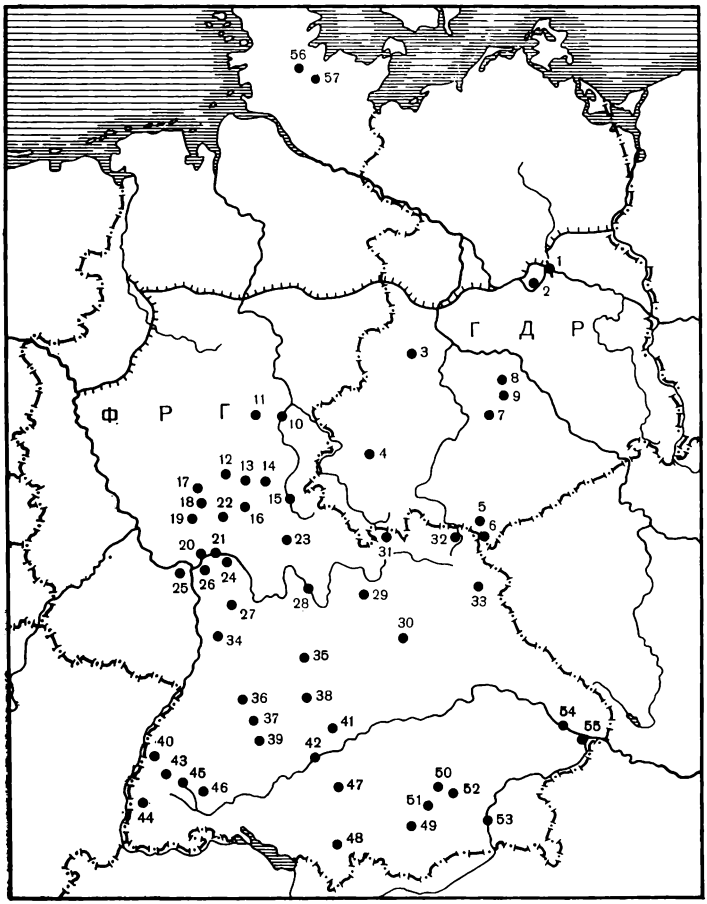
Было опрошено свыше 200 информантов: граждан ГДР — жителей Берлина и округов Потсдам, Лейпциг, Эрфурт, Магдебург, Карл-Маркс-Штадт; граждан ФРГ — жителей земель Шлезвиг-Гольштейн, Нижняя Саксония, Гессен, Рейнланд-Пфальц, Баден-Вюртемберг, Бавария; граждан ФРГ — выходцев из бывшей Восточной Пруссии и Силезии, с 1945 г. проживающих в земле Шлезвиг-Голь-

[18] Там же.

[19] *Н. Н. Семенюк.* Некоторые вопросы изучения вариантности, стр. 53.

[20] *О. И. Москальская.* Указ. соч., стр. 53; *А. Л. Воронов.* Фонетико-морфологические варианты слов в современном немецком языке. «Уч. зап. МГПИИЯ им. Н. А. Добролюбова», 1967, вып. 30.

[21] *Л. К. Граудина.* «*Носков* или *носок*?» Об одном приеме исследования. «Вопросы культуры речи», вып. 6. М., 1965, стр. 138—140.

Географическое расположение информантов (ГДР и ФРГ)

1 — Берлин, *2* — Потсдам, *3* — Лёдербург, *4* — Гота, *5* — Адорф, *6* — Бад-Эльстер, *7* — Лейпциг, *8* — Бейльроде, *9* — Эйленбург, *10* — Кассель, *11*— Вольфаген, *12* — Марбург, *13* — Цигенгейм, *14* — Меклар, *15* — Фульда, *16* — Нидда, *17* — Херборн, *18* — Аслар, *19* — Швальбах, *20* — Хофгейн, *21* — Франкфурт, *22* — Бад Наугейм, *23* — Ромсталь, *24* — Мюльгейм, *25*— Майнц, *26* — Рюссельсгейм, *27* — Югендгейм, *28* — Вюрцбург, *29* — Визентгейд, *30* — Нюрнберг, *31* — Кобург, *32* — Хоф, *33* — Вейден, *34* — Гейдельберг, *35* — Бакнанг, *36* — Дитцинген, *37* — Штутгарт, *38* — Плюдергаузен, *39* — Нюртинген, *40* — Оффенбург, *41* — Гинген, *42* — Ульм, *43*— Гаузах, *44* — Фрейбург, *45* — Санкт-Георген, *46* — Швенинген, *47* — Газельбах, *48* — Кемптен, *49* — Вейльгейм, *50* — Мюнхен, *51* — Штарнберг, *52* — Гаар, *53* — Розенгейм, *54* — Вильсгофен, *55* — Пассау, *56* — Ренде бург, *57* — Вестеррёнфельд

штейн; граждан Австрии (г. Вена). Опрошенные носители немецкого языка основного современного ареала репрезентируют достаточно широкий социальный диапазон: среди информантов — учителя, студенты, ученики, служащие, инженеры, техники, научные работники, лаборанты, шоферы, торговые служащие, библиотекари, музыканты, артисты, журналисты, бухгалтеры, парикмахеры, домохозяйки и др.

Социальный и количественный состав информантов

1. учителя	93
2. служащие	8
3. инженеры	6
4. техники	2
5. торговые служащие	5
6. столяры	2
7. шофер	1
8. переводчики	6
9. архитектор	1
10. электрики	2
11. автотехники	2
12. слесари по металлу	2
13. техники по оптическим приборам	2
14. библиотекари	4
15. музыкант	1
16. делопроизводитель-плановик	1
17. журналист	1
18. бухгалтер	1
19. секретарь	1
20. преподаватели вузов	3
21. научные работники	2
22. лаборант	1
23. медсестры	3
24. артист	1
25. домохозяйки	9
26. пенсионеры	2
27. студенты	6
28. ученики старших классов	37
29. парикмахер	1
30. без профессии	9
Всего	214

Можно надеяться, что такой широкий ареальный и социальный диапазон проведенного анкетирования существенно снижает возможные в таких случаях опасения «субъективизма» в варьировании языковых фактов [22]. Методика внеязыкового соотнесения и аллоэмический принцип изучения вариантных рядов позволяет видеть, что даже самое «факультативное» (незначимое, иррелевантное) варьирование языковых единиц является чем-то обусловленным, как-то связанным с внеязыковой действительностью. Одной из наиболее массовидных групп являются варианты, образующиеся за счет сохранения

[22] Ср. М. Коржинек: «. . .Языковое чутье наивного информанта неправильно расценивать — а это присуще некоторым лингвистам — как критерий, важный также и для лингвистики» (сб. «Пражский лингвистический кружок». М., 1967, стр. 319).

или синкопирования внутреннего гласного *e* в фонетической структуре имен существительных (типа Gabelung — Gablung), глаголов в их личных и неопределенных формах (типа ich sammele — ich sammle, verstehen — verstehn) и прилагательных (kugelig — kuglig).

Анкетирование показало, что варианты имен существительных с синкопированным *e* менее свойственны языковому сознанию носителей современного немецкого языка: из 100 информантов 76 предпочли вариант Gabelung, 19 оказали предпочтение варианту Gablung, 5 информантов высказались за их факультативное употребление.

Типовые модели фонетического варьирования, в данном случае — наличие или полная редукция гласного *e* в интерконсонантной позиции (Gabelung — Gablung), позволяет носителям языка генерировать окказиональные варианты, не фиксируемые словарями, например Abstempelung — Abstemplung, ср.: Schreibpapier für die Klausuren ist von den Studiereno den eine Woche vor dem Termin der Klausur zur A b s t e m p e l u n g abzugeben [23]; Die Gefälligkeitsstempel ist dagegen eine weniger geschätzte A b s t e m p l u n g ausschließlich für Sammelzwecke [24].

Синкопа гласного *e* во флексиях — весьма распространенное регулярное явление в современной речевой практике, что создает многочисленные фонетические варианты слов, частотность реализации которых зависит от характера консонантного окружения гласного *e*. Так, в звукосочетаниях -den, -ten, -fen, -sen, -schen, -ren, представляющих собою концы слов, частотность употребления синкопированных вариантов выше частотности употребления форм с флексией, в составе которой гласный *e* не подвергся синкопе, соответственно на 100 случаев употребления: 64—36, 67—33, 80—11, 80—20, 59—41, 60—40 [25].

В образовании фонетических вариантов за счет внутрислоговой редукции участвует и гласный *a*, особенно среди местоименных наречий (типа darin(nen)— drin(nen)).

Формы с синкопированным гласным *a* характерны для разговорного языка. За преимущественное употребление формы drin(nen) из 100 информантов, подчеркивая

---

[23] Объявление в Лейпцигском университете, см. «Иностранные языки в школе», 1965, № 2, стр. 95.
[24] «Sprachpflege», 1970, № 8, стр. 161.
[25] «Sprachpflege», 1967, № 1, стр. 8.

разговорный характер данной формы, высказались 86, лишь 9 человек предпочитают употреблять полный вариант darin(nen).

Весьма многочисленны в современном немецком языке акцентные варианты среди имен существительных (в основном иностранного происхождения, типа 'Infix — In'fix), прилагательных ('genitivisch — geni'tivisch) и глаголов ('übersiedeln — über'siedeln).

Частотность употребления форм, например в последней вариантной паре, не является равномерной, хотя и не образует резкой диспропорции в манифестации вариантных форм. Из 100 информантов 57 отдали предпочтение варианту 'übersiedeln (с ударением на приставке), 34 человека предпочли вариант über'siedeln (с ударением на корне) и для 9 информантов употребление вариантных форм является факультативно-равномерным.

От глагольных акцентных вариантов (например, 'durchmustern — durch'mustern) образуются, как правило, факультативные вариантные формы имен существительных ('Durchmusterung — Durch'musterung), основанные также на изменении ударения в слове, которые, однако, могут превращаться в узуальные фономорфологизованные варианты ('Abteilung — Ab'teilung).

Фонетическое варьирование слов (особенно синкопа и апокопа) во многих случаях непосредственно затрагивают морфологическую структуру слова, генерируя регулярные вариантные ряды. Дефинируя данное явление как фономорфологическое варьирование, мы относим сюда полные и апокопированные варианты имен существительных в именительном падеже единственного числа (Geologe — Geolog), в дательном падеже единственного числа (Tische — Tisch), в формах повелительного наклонения 2-го лица единственного числа (siehe! — sieh!), единственного числа 1-го лица Präsens (ich habe — ich hab), полные и синкопированные формы в родительном падеже единственного числа существительных мужского и среднего рода, как корневых (des Daches — des Dachs), производных (des Abgesanges — des Abgesangs), так и сложных (des Bergwerkes — des Bergwerks), а также личные глагольные формы (du schaltest — du schaltst).

Среди морфологических вариантов слов в современном немецком языке наиболее массовидными являются формы грамматического рода и множественного числа имен

существительных, а также глаголов, изменяющихся по сильному и слабому спряжению.

Распределение по частотности реализации вариантных форм внутри каждого вариантного ряда в речевой практике является, как показывает табл. 1, неравномерным, что свидетельствует (в речевом аспекте) о склонности отдельных индивидов к преимущественному употреблению одной из вариантных форм, а в лингвистическом плане — о разной степени продвинутости соответствующих фономорфологических и других трансформаций в современном немецком языке. (В таблице отражены ответы 100 информантов на вопрос: «Какую форму вы предпочитаете?»)

В качестве частных замечаний к таблице следует подчеркнуть, что полная форма siehe! предпочитается, как правило, в ответах информантов-учителей, являющихся по своему социально-общественному положению бóльшими приверженцами традиционной формы.

Интересно, что информант из г. Ледербурга (округ Магдебург), учитель немецкого языка, в анкете предпочел вариант sieh!, в то время как в примечаниях к своим ответам дважды употребил форму siehe.

Преобладающая частотность реализации внутри вариантного ряда der Geolog — der Geologe принадлежит полному варианту. Характерно, что из троих австрийских информантов лишь один употребляет равноправно данные варианты, двое же других (учительница и студент) отрицают вообще апокопированную форму der Geolog. Учитывая это, видимо, нельзя категорически следовать рекомендациям словарей, которые обычно предписывают австрийскому варианту немецкого языка только редуцированную (апокопированную) форму.

В условиях интенсивной вариации глагольных форм по спряжению ортологические рекомендации не могут носить императивного характера в обобщенном виде. Рекомендации могут быть даны лишь на основе обширных лингво-статистических исследований по употреблению каждого отдельно взятого глагола, так как, несмотря на общую тенденцию к переходу сильных глаголов в слабые, целый ряд глаголов в литературном языке употребляется преимущественно еще в сильной форме (klimmen, stieben, erschallen, glimmen, saugen, schmelzen, hauen, weben [26]).

[26] *С. Б. Гринберг.* Некоторые глагольные дублеты в современном немецком языке. Канд. дисс. М., 1962.

Таблица 1

№ пп	Предложенные варианты	Ответы		
		1-й вариант	2-й вариант	Равноправное употр. вариантов
1	die Gabelung — die Gablung	76	19	5
2	darin(nen) — drin(nen)	9	86	5
3	der Geologe — der Geolog	96	3	1
4	'übersiedeln — über'siedeln	57	34	9
5	des Abgesanges — des Abgesangs	20	71	9
6	am Tische — am Tisch	4	93	3
7	siehe! — sieh!	12	81	7
8	glatter — glätter (Komparativ)	7	85	8
9	die Parks — die Parke	95	1	4
10	die Balalaikas — die Balalaiken	84	10	6
11	der Friede — der Frieden	16	54	30
12	buk — backte	37	48	15
13	geglitten — gegleitet	85	10	5
14	stände — stünde	30	49	21
15	der Aschenbecher — der Aschbecher	82	6	12
16	der Friseur — der Frisör	75	12	13
17	das Photo — das Foto	16	63	21

Орфографический уровень варьирования слов в большей степени подвержен сознательному нормализаторскому вмешательству носителей языка. Это обстоятельство, казалось бы, в сформировавшемся национальном языке в условиях настойчивой официальной кодификации должно было быстро привести к полной унификации написания слов. Однако коммуникативно-языковая практика показывает, что графические варианты слов в современном немецком языке продолжают функционировать. Более того, некоторые орфографические вариантные ряды втягивают в свою орбиту все новые и новые слова, а экстралингвистические факторы языковой коммуникации могут индуцировать новые вариантные ряды на орфографическом уровне.

Таким образом, орфографическое варьирование является компонентом всеобщего варьирования языковых средств и в живом функционирующем языке не может быть полностью элиминировано.

Таблица 2

№ пп	Вариантные формы	Возрастные группы			Всего (99 информантов)
		свыше 50 лет 33 информ.	от 30 до 50 лет 33 информ.	до 20 лет 33 информ.	
1	die Gabelung — die Gablung	30—3	30—3	27—5 1 равн.	87—11 1 равн.
2	drin(nen) — darin-(nen)	23—5 5 равн.	21—2 10 равн.	25—1 7 равн.	69—8 22 равн.
3	'übersiedeln — über'-siedeln	16—16 1 равн.	12—21	22—10 1 равн.	50—47 2 равн.
4	des Abgesanges — des Abgesangs	12—18 3 равн.	9—22 2 равн.	8—24 1 равн.	29—64 6 равн.
5	am Tische — am Tisch	5—25 3 равн.	0—32 1 равн.	1—32	6—89 4 равн.
6	siehe! — sieh!	15—15 3 равн.	5—24 4 равн.	7—25 1 равн.	27—64 8 равн.
7	glatter — glätter (Komparativ)	5—27 1 равн.	3—30	7—26	15—83 1 равн.
8	die Parks — die Parke	30—2 1 равн.	32—0 1 равн.	33—0	95—2 2 равн.
9	die Balalaikas — die Balalaiken	22—10 1 равн.	31—2	23—10	76—22 1 равн.
10	der Frieden — der Friede	18—9 4 равн. 2 сем. разл.	16—9 5 равн. 3 сем. разл.	20—9 3 равн. 1 сем. разл.	54—27 12 равн. 6 сем. разл.
11	buk — backte	17—14 2 равн.	13—20	9—23 1 равн.	39—57 3 равн.
12	geglitten — gegleitet	31—1 1 равн.	33—0	29—4	93—5 1 равн.
13	stände — stünde	12—19 1 равн.	10—19 4 равн.	11—18 4 равн.	33—37 9 равн.
14	der Aschenbecher — der Aschbecher	30—2 1 равн.	32—1	30—1 2 равн.	92—4 3 равн.
15	der Friseur — der Frisör	25—8	30—3	32—0 1 равн.	87—11 1 равн.
16	das Photo — das Foto	12—18 3 равн.	9—18 6 равн.	14—17 2 равн.	35—53 11 равн.

Отдельно взятые орфографические варианты слов (чаще всего — заимствованных слов) в синхронном плане обладают различной частотностью реализации. Это зависит от объективного и субъективного отношения каждого

носителя языка к существующей орфографической норме, к конкретным иностранным словам. Так, например, 100 опрошенных нами информантов на вопрос «Какое написание Вы предпочитаете?» ответили следующим образом: das Photo — 16, das Foto — 63, равноправное употребление —21.

Преимущественное употребление варианта das Foto, соответствующего современной немецкой орфографической системе, здесь выступает отчетливо [27].

Иное соотношение выявляется между вариантами der Friseur — der Frisör: за преимущественное употребление формы der Friseur высказались 75 информантов, вариант der Frisör, хотя он больше соответствует немецкой орфографии, предпочитают употреблять лишь 12 информантов. За равноправное употребление данных вариантов высказались 13 человек. Однако следует заметить, что в примечаниях несколько информантов подчеркнули «наступательную силу» орфографического варианта der Frisör.

Для выявления направленности в динамике вариантной реализации форм, репрезентирующих наиболее массовидные вариантные ряды современного немецкого языка, мы предприняли обработку материалов анкетирования по возрастным группам информантов (см. табл. 2).

Из табл. 2 следует, что указанные лексемы в современном немецком языке обладают различными диапазонами варьирования в пределах возрастных групп: от наименьшего колебания с соотношением 32 —1 (или 1—32, в зависимости от позиции рекуррентного варианта в таблице; Aschenbecher — Aschbecher) до максимального колебания с соотношением 16—16 ('übersiedeln — über'siedeln).

Ряд лексем в некоторых возрастных группах не имеет вариантной реализации, см. am Tische — am Tisch, die Parks — die Parke, geglitten — gegleitet.

Расширение или сужение диапазона варьирования в пределах указанных трех возрастных групп подчинено в большинстве случаев определенным закономерностям и является релевантным по отношению к характеру каждой возрастной группы. Так, например, вариантные формы am Tische — am Tisch, обладая в языке старшего поколения носителей немецкого языка (1-я возрастная

[27] Лет тридцать назад кодифицировалась преимущественно форма das Photo (см. «Sprachpflege», 1970, № 5).

группа: свыше 50 лет) сравнительно широким диапазоном варьирования (5—25, 3 равн.), в языке среднего и молодого поколения вследствие элиминирования более старой формы am Tische обнаруживают минимальную вариантную реализацию.

Или, например, вариантные формы siehe! — sieh! постепенно сужают свой диапазон варьирования при сравнении языка старшего и молодого поколений: в 1-й возрастной группе (свыше 50 лет) соотношение вариантных форм 15—15, 3 равн., в то время как в 3-й возрастной группе (до 20 лет) данное соотношение иллюстрирует процесс элиминирования формы siehe! (7—25).

Вариантные формы с синкопированным *e* (типа Gablung), на фоне полных форм (Gabelung), имеющие разговорный статус, в речи современного молодого поколения увеличивают частотность реализации, хотя в общем соотношении вариантных форм превалирует полная форма.

Таблица четко иллюстрирует постепенную смену рекуррентных форм в вариантном ряду buk—backte (в пользу слабой формы) при сравнении трех возрастных групп. Увеличение частотности слабой формы в языке молодого поколения наблюдается также в вариантной паре geglitten—gegleitet.

Наконец, табл. 2 показывает также процесс семантической дифференциации вариантных форм, см. вариантные формы der Frieden—der Friede, с которыми некоторые информанты каждой возрастной группы связывают семантическое размежевание.

Итак, выявление соотношения вариантных форм по возрастным группам носителей немецкого языка даже в сравнительно небольшом временно́м диапазоне достаточно четко выявляет общее направление в динамике определенных вариантных рядов на любом языковом уровне.

Едва ли можно согласиться с высказываемой иногда упрощенной, на наш взгляд, точкой зрения на варианты слов (именуемые часто дублетами: фонетическими, грамматическими) как на излишество в языке [28].

---

[28] См., например: *З. Д. Попова.* К вопросу о синтаксических вариантах.— НДВШ, филол. науки, 1968, № 6; *Н. Н. Семенюк.* Проблема формирования норм немецкого литературного языка XVIII столетия, стр. 8; *В. Е. Щетинкин.* О морфологических вариантах во французском языке. «Тезисы докладов научной конференции I МГПИИЯ». М., 1965, стр. 221.

Взгляд на вариантность языковых единиц в процессе его функционирования как на излишество и, соответственно, на динамическое стремление языка избавиться от этого излишества восходит к известному тезису Г. Пауля «Языку чуждо какое бы то ни было излишество» [29]. Он действительно имеет в виду многочисленные вариантные формы слов, которые в ходе исторического развития немецкого языка или исчезли, или подверглись семантической дифференциации. Но роль вариантов слов в истории языка заключается не только в том, что они получают стилистическую или семантическую дифференциацию. Их бóльшая роль, с нашей точки зрения, заключается в том, что они являются маленькими, но неизбежными ступеньками в постоянной трансформации языковых средств.

Видимость излишества языковых средств в истории языка создается потому, что при анализе конкретных конкурирующих вариантных форм действительно прослеживается победа одного и элиминирование других вариантов. Но анализ ряда синхронных срезов в истории конкретных языков показывает, что варьирование языковых средств является непреходящим фактором в процессе функционирования языка, что меняется лишь субстанция выражения, форма материальной оболочки системных отношений в языке. Например, типичной формой множественного числа man в древневерхненемецком языке была бесфлексная форма man, в последующем, средневерхненемецком, периоде преобладала форма с флексией *e*; появившаяся в ранненововерхненемецкий период форма с суффиксом er постепенно вытесняла вариантные формы man, manne, menne, mannen, mans, mens и в современном немецком языке является рекуррентной формой множественного числа существительного der Mann.

Если все же избыточность языковых средств и существует, то мы склонны рассматривать это как вторичное явление, как результат вариантности языковых средств, заложенной в коммуникативной сущности языка.

Экстралингвистические импульсы, «толчки», вызывающие изменения в манифестации вариантных рядов и в соотношениях их компонентов, объясняются общественными условиями функционирования языка, условиями

[29] *Г. Пауль.* Принципы истории языка. М., 1960, стр. 301.

языковой коммуникации, в конце концов — условиями жизни общества [30], в котором в принципе каждый носитель языка является потенциальным «генератором» вариантных форм языковых единиц.

Так как все изменения языковых единиц и категорий происходят только в процессе функционирования языка, то наиболее плодотворным для постижения динамики языка представляется изучение вариантности языковых средств в современных языках, доступных для всестороннего изучения (язык живых носителей, особенности разговорной речи и т. д.). Наблюдение за механизмом варьирования языковых средств в коммуникативной практике человека подводит языковедов к более правильному пониманию не только развития языковой нормы [31], но и основного принципа (закона) развития языка[32].

Весьма важным фактором в динамике языка является столкновение между необходимостью в выражении нового содержания и языковыми возможностями на каждом данном этапе развития общества и функционирования языка. Но это все же не является, с нашей точки зрения, основным, универсальным законом развития языка. Что значит «новое» в языковой коммуникации? Очевидно, это новые сведения о природе, обществе, научных открытиях, изобретениях, о больших и малых трансформациях в структуре общества и т. д.

В целях номинации всего нового в человеческой практике неизбежно возникают новые языковые единицы (чаще всего это отдельные слова-термины), существенно расширяющие национальный и мировой лексикон. Но в плане выражения номинация всего нового осуществляется за счет функционирующих уже фонетических, морфологических, словообразовательных и синтаксических средств языка, не внося, как правило, в систему языковых категорий в «материальном» плане ничего нового (*атомная бомба*, *спутник*, *циклотрон*, *прилунение*, *вертолет*, *цветное телевидение*, *луноход* и т. д.)

Большинство формальных вариантов, возникающих

---

[30] *Р. Гроссе.* О соотношении языка и нации. «Иностранные языки в школе», 1970, № 3, стр. 4.

[31] См.: *А. Едличка.* О пражской теории литературного языка. «Пражский лингвистический кружок». М., 1967, стр. 553.

[32] *Л. М. Скрелина.* Противоречие как источник развития языка.— НДВШ, филол. науки, 1970, № 1, стр. 87—90.

в речи и закрепляющихся в литературном языке, в начальной стадии их конкуренции в плане номинации не несут ничего нового. Так, например, потенциал номинационных и коммуникативных возможностей вариантных форм die Wange, die Blume в немецком языке, *фильм*, *зал* в русском языке и вытесненных ими форм das Wange, das Blume и соответственно — *фильма*, *зала* — был одинаков. Объяснять победу одних форм над другими в данных и многих других случаях факультативного формального варьирования недостаточностью языковых средств для выражения нового содержания — это значит умалять роль лексико-грамматической аналогии.

В функционирующем языке мы имеем дело с двумя противоположными универсалиями: с одной стороны — возможность всеобъемлющего варьирования языковых средств членами языкового коллектива, в котором каждый носитель языка может быть источником варьирования, и с другой стороны, общая тенденция к системности (Systemzwang) и стандартности, без которых язык не может выполнять свою коммуникативную функцию.

В основе всех трансформаций языковых уровней, в том числе и смены языковых систем, лежит вариативная природа языка и относительная индифферентность языкового знака по отношению к означаемому.

Миллионы носителей языка, миллионы потенциальных «генераторов» вариантных модификаций языковых единиц непреднамеренно или сознательно расшатывают любую систему. Между количеством говорящих на конкретном языке, между размерами территории, занимаемой носителями данного языка, и диапазоном вариантности языковых средств можно предположить наличие определенной (исторически, однако, преходящей) зависимости. Даже малораспространенные языки при малочисленности их носителей могут обладать сравнительно большой вариативностью языковых средств [33]. Но тенденция к системности и стандартности регламентирует вариантность, удерживая ее на каждом этапе жизни языкового коллектива в определенных границах. Стремление к системе является коммуникативной необходимостью языка — быть доступным для всех членов языкового коллектива средством общения.

[33] См.: *М. А. Бородина*. Лингвистическая география. «Теоретические проблемы советского языкознания». М., 1968, стр. 115.

Таким образом, с одной стороны — стремление к системе и стандартности средств языка, с другой — их вариативность являются динамическими потенциалами языка, диалектическим единством противоположностей в его развитии. Это противоречие «сглаживается» в акте языковой коммуникации, а именно — во взаимопонимании. Речь каждого индивида, несмотря на ее вариативную манифестацию инвариантных сущностей, была для другого индивида понятной, так как в ней было репрезентировано то системное ядро, та необходимая унификация и общность, которые и обеспечили взаимопонимание индивидов. Не будь их, акт коммуникации был бы нарушен.

Всеобщим, универсальным принципом (законом) развития языка поэтому является постоянное стремление языкового коллектива к разрешению противоречия между объективной необходимостью иметь унифицированную систему языковых средств в целях коммуникации (т. е. норму) и неизбежным, невольным или преднамеренным со стороны носителей языка, варьированием языковых средств. Соотношение этих двух сил и его выражение в языке не является константным и статичным, оно находится в прямой зависимости от условий развития общества и его социальных трансформаций.

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУС[illegible]О ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

I. НОРМА—СИСТЕМА—УЗУС

К. Б. Бектаев, Л. И. Белоцерковская, Р. Г. Пиотровский.
НОРМА—СИТУАЦИЯ—ТЕКСТ И ЛИНГВОСТАТИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ИХ ИССЛЕДОВАНИЯ 5

П. М. Алексеев.
КВАНТИТАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 43

М. И. Морозова.
ВАРИАНТНЫЕ ФОРМЫ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ (ФОРМЫ СРАВНИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ) 59

В. М. Богуславский.
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ ВЫСОКОЙ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ . 76

Г. В. Ермоленко.
РОЛЬ РЕЧЕВЫХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ ПРИ АТРИБУЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ 94

Е. Д. Борченко.
СИНТАКСИЧЕСКИЙ СТАНДАРТ В ГАЗЕТЕ 102

Т. А. Якубайтис, А. В. Рубина.
ВАРИАНТЫ СЛОВА И СТАТИСТИКА 114

Б. С. Шварцкопф.
ТИПЫ СООТНОШЕНИЯ ВАРИАНТОВ И СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НОРМЫ 126

II. ДИНАМИКА НОРМЫ

Л. К. Граудина.
СТАТИСТИЧЕСКИЙ КРИТЕРИЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ НОРМЫ 135

Л. П. Катлинская.
ПРИНЦИП ЭКОНОМИИ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ (ОБ ОДНОМ АСПЕКТЕ НОРМАЛИЗАЦИИ) 173

В. С. Гимпелевич.
РАЗВИТИЕ МОДЕЛЕЙ ОФОРМЛЕНИЯ РОДА ИНОЯЗЫЧНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ПО ДАННЫМ СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА) 189

Г. И. Миськевич.
К ВОПРОСУ О ПРИНЯТИИ НОРМОЙ НОВЫХ СЛОВ 208

III. СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ НОРМЫ

В. Л. Воронцова.
НОРМЫ УДАРЕНИЯ И СТАТИСТИКА 219

Л. Н. Кузнецова.
О НОРМЕ ПРОИЗНОШЕНИЯ АКТЕРОВ НА СЦЕНЕ И В ЖИЗНИ (ОРФОЭПИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ ВОЗВРАТНЫХ ЧАСТИЦ) . . . 228

С. Н. Борунова.
О РАЗВИТИИ НОРМ ПРОИЗНОШЕНИЯ (АССИМИЛЯТИВНАЯ МЯГКОСТЬ СОГЛАСНЫХ В СЦЕНИЧЕСКОЙ РЕЧИ) 244

Р. Ю. Кобрин, Л. А. Пекарская.
ЛИНГВОСТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УПОТРЕБЛЕНИЯ ТЕРМИНОВ НОРМАТИВНЫХ СЛОВАРЕЙ И ГОСТов В РЕАЛЬНЫХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ 265

А. Л. Воронов.
К ВОПРОСУ АРЕАЛЬНОГО И СОЦИАЛЬНОГО ВАРЬИРОВАНИЯ СЛОВ В НАЦИОНАЛЬНОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА) 280

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

ЯЗЫКОВАЯ НОРМА И СТАТИСТИКА

Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *Н. Н. Барская*
Художник *М. З. Шлосберг*
Художественный редактор *Т. П. Поленова*
Технический редактор *О. Г. Ульянова*
Корректоры *М. М. Баранова, Р. Н. Тютина*

Сдано в набор 20/XII-1976 г. Подп. к печати 12/IV-1977 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Усл. печ. л.15,96. Уч.-изд. л. 16,3
Тираж 3800 экз. Бумага № 2. Тип зак. 1680
Цена 1 р. 32 к.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука».
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Издательство «Наука»

Готовятся к печати:

БУЛЫГИНА Т. В.

Проблемы теории морфологических моделей. 14 л. 90 к.

В книге сопоставляются различные морфологические теории и модели, чтобы выяснить, как отражаются теоретические представления в практическом описании морфологии конкретных языков (материал русского и литовского языков).

Книга рассчитана на широкий круг специалистов по морфологии и морфонологии, а также на языковедов, занимающихся теорией языка.

Категория бытия и обладания в языке. 16 л. 1 р. 25 к.

В книге на материале ряда индоевропейских (германские и романские) и неиндоевропейских (меланезийские) языков рассматриваются категории бытия и обладания в плане их лингвистического выражения.

Монография рассчитана на широкий круг лингвистов разнообразного профиля.

КОТОВ Р. Г.

Лингвистические аспекты автоматизированных систем управления. 10 л. 65 к.

В работе обсуждаются теоретические и практические вопросы, связанные с использованием естественного языка в автоматизированных системах управления. Автор на фоне общих проблем АСУ показывает пути решения лингвистических задач, их особенности и отличия от задач обработки текстовой информации.

Книга представит интерес для широкого круга читателей: лингвистов, информатиков, специалистов по АСУ, а также студентов, аспирантов, преподавателей вузов, интересующихся вопросами АСУ.

Национально-культурная специфика речевого поведения. 20 л. 1 р. 50 к.

В монографии исследуется связь национальной культуры и речевого общения, рассматриваются проблемы культурно-национальных вариантов генезиса речевого общения. Материал монографии включает описание некоторых европейских и восточных языков.

Монография рассчитана на широкий круг специалистов в области культуры, этнографии, лингвистики.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга-почтой» «Академкнига»:

480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97
370005 Баку, 5, ул. Джапаридзе, 13
734001 Душанбе, проспект Ленина, 95
252030 Киев, ул. Пирогова, 4
443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2
197110 Ленинград, П-110, Петрозаводская ул., 7
117464 Москва, В-464, Мичуринский проспект, 12
630090 Новосибирск, 90, Морской проспект, 22
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137
700029 Ташкент, Л-29, ул. К. Маркса, 28
450074 Уфа, проспект Октября, 129
720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42
310003 Харьков, Уфимский пер., 4/6.

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
64	9—10 св.	последний анализ	последующий анализ
71	1—2 св.	синтаксические	синтетические
74	20 сн.	отличающиеся	отличаются
148	11 св.	соотносительной	относительной
148	6 сн.	гроттохронологи-ческого	глоттохронологиче-ского

Зак. 1680. Языковая норма и статистика

1 р. 32 к.